PARTITO COMUNISTA INTERNAZIONALISTA

СОБСТВЕННОСТЬ И КАПИТАЛ

Partito Comunista Internazionalista

Собственность и капитал

«Prometeo»

serie I n.10-14, serie II n.1-4 1948-1952

Перевод с итальянского

Коллектив Посткап
Post-cap Collective

2021

post-cap@riseup.net

http://postcap.noblogs.org

https://t.me/postcapfuture

https://vk.com/postcap

https://www.facebook.com/groups/postcap/

Оглавление

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	4
Глава I Классовые революции	4
Глава II Буржуазная революция	11
Глава III Пролетарская революция	19
Глава IV Сельская собственность	29
Примечание Мнимый феодализм Южной Италии	38
Глава V Буржуазная законность	45
Примечание Мираж земельной реформы в Италии	56
Глава VI Городская недвижимая собственность	77
Примечание Проблема общественных работ в Италии	99
Тезисы к главам I-VI	108
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	111
Глава VII Владение движимой собственностью	111
Глава VIII Промышленное предприятие	112
Глава IX Ассоциации между предприятиями и монополии	114
Глава X Финансовый капитал	116
Глава XI Империалистическая политика капитала	118
Глава XII Современный бизнес без собственности и без финансов	120
Глава XIII Государственное вмешательство и государственный дирижизм в эконом	ике 123
Глава XIV Государственный капитализм	126
Глава XV Возникновение коммунистической экономики	131
Глава XVI Этапы экономической трансформации в России после 1917 года	136
Глава XVII Утопия, наука, действие	141

Главы с VII по XIII (Prometeo serie 2 n.1, 1950) доступны только в очень компактной, иногда тезисной форме, в то время как главы с XIV по XVII (Prometeo serie 2 n.4, 1952) разработаны почти полностью. Это можно объяснить тем фактом, что в то время, как говорится в заключительной редакционной заметке, существовали «серьезные разногласия» между главными героями двух политических линий (Онорато Дамен и Амадео Бордига), которые, конечно же, также делили журнал «Prometeo» и не оставались равнодушными. С выходом в октябре 1952 года первого номера «Il programma comunista» раскол был завершен и публицистически.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава I Классовые революции

Производительная техника и юридические формы производства

Чтобы тщательно изучить традиционную формулу, которая определяет социализм как отмену частной собственности, мы напоминаем марксистские концепции о последовательности классовых революций как следствия противоречия между новыми силами и потребностями производства, с одной стороны, и старыми отношениями собственности, с другой. Из различных классовых устройств, основанных на институтах индивидуальной собственности, применяемых к различным объектам в соответствии с различными характеристиками производительной организации и техниками труда, наиболее поздним является капиталистический строй.

менно следуя простой формуле и требованиям пропаганды, мы всегда определяли социализм как отмену частной собственности, добавляя одну точность: на средства производства, а также другую: и средства обмена.

Даже если такая формула не является ни полной, ни абсолютно адекватной, от нее не следует отказываться. Но старые и недавние существенные вопросы, касающиеся личной, коллективной, национальной и общественной собственности, требуют решения проблемы собственности перед лицом

теоретической, исторической антитезы и борьбы между капитализмом и социализмом.

Все экономические и социальные отношения отражаются в юридических формулировках; и, начиная с такой позиции, «Манифест» говорит, что коммунисты выдвигали на каждом этапе движения «вопрос собственности», поскольку они выдвигали вопрос о производстве, а в более общем смысле вопрос о производстве, распределении и потреблении, или в целом, об экономике.

В то время, когда великое историческое противостояние между феодализмом и буржуазной властью проявлялось, прежде всего, как идеологический и юридический конфликт, а не как конфликт экономических отношений и изменений форм производства, нельзя не сосредоточить все внимание даже на элементарных формулировках о юридической форме пролетарских экономических и социальных требований. В фундаментальном отрывке из предисловия «К критике политической экономии» Маркс провозглашает доктрину противоречия между производительными силами и формами производства и сразу добавляет: « или — ито является только юридическим выражением последних [производственных отношений] — с отношениями собственности... ».

Поэтому верное принятие юридической формулировки может основываться только на правильном представлении о тех производственных и экономических отношениях, с которыми социализм намеревается порвать.

Поэтому, принимая в полезной нам мере, язык современной юридической науки, возникает вопрос о напоминании отличительных черт капиталистического типа производства, которые должны быть определены в сравнении с другими типами производства, которые ему предшествовали, - а затем выделить те черты, которые социализм сохранит, и те, которые, наоборот, придется преодолеть и подавить в революционном процессе. Такое различие, очевидно, должно быть сделано в области экономического анализа.

Капитализм и собственность не совпадают. Различные экономические и социальные формы, которые предшествовали капитализму, имели четко определенные институты собственности. Мы сразу увидим, что новая система производства была заинтересована в моделировании своей юридический структуры на основе формул и принципов, непосредственно вытекающих из предыдущих устройств, хотя в них отношения присвоения сильно отличались между собой. И тезис о том, что в социалистическом видении капитализм выступает как последняя из экономик, основанных на юридической форме собственности, так что социализм, уничтожая капитализм, также отменяет собственность, не менее элементарен. Но отмена или, точнее, насильственное и революционное подавление, является явно диалектическим отношением, и так

оно провозглашено с большей верностью нашему собственному марксистскому языку, чем слово «отмена» со слегка метафизическим и апокалиптическим привкусом.

Однако вернемся к происхождению наших известных концепций. Собственность - это отношения между человеком, индивидом и вещами. Юристы нарекают собственность как способность распоряжаться вещью самым общирным и абсолютным образом и, согласно классической формуле, употреблять ей и злоупотреблять ею 1. Эти вечные определения нам, марксистам, не по душе, и мы могли бы точнее дать диалектическое и научное определение права собственности, сказав, что это способность «препятствовать» индивиду пользоваться вещью другого индивида или группы.

Насколько исторически изменчивы эти отношения, вытекает, например, из того факта, что на протяжении веков и тысячелетий сам отдельный индивид был вещью, которая формировала объект собственности (рабство). Что, с другой стороны, институт собственности не может претендовать на апологетическую прерогативу быть естественным и вечным, это мы доказали тысячу раз, ссылаясь на первобытное коммунистическое общество, в котором собственности не существовало, поскольку все было присваивалось и использовалось совместно первыми группами людей.

В относительно первозданной экономике, или, если кому-то угодно, предэкономике, отношения между человеком и вещью были максимально простыми. Согласно ограниченному количеству людей и ограниченному диапазону нужд, едва превосходящих животные потребности пропитания, вещи, способные удовлетворить эти потребности, которые закон позже нарёк благами, по своей природе становятся доступны для человека в неограниченном количестве, и единственный продуктивный акт состоит в том, чтобы собирать их в нужный момент. Эти вещи сводятся к плодам спонтанной растительности, затем к продуктам охоты, рыбалки и т.д. Если предметы пользования были в изобилии, то еще не было рождено каких-либо «продуктов» физического, техническое вмешательства, даже зародышевого человеческого труда, в материю, предлагаемую ему окружающей природой.

С трудом, производительной техникой, увеличением численности населения, ограничением свободных обрабатываемых земель, на которых можно поселиться, возникают проблемы распределения, и становится все труднее справляться со всеми необходимыми надобностями, стремлением к использованию и потреблению продуктов. Именно тогда возникают контрасты между одним индивидом и другим, одним племенем и другим и между одним

_

Принцип римского права: право свободно распоряжаться вещью или использовать её не по назначению.

народом и другим. Нет необходимости вспоминать эти этапы происхождения собственности, то есть присвоения, потребления, формирования резервов, начала обмена с целью удовлетворения других потребностей, все более широких, чем продукт труда людей и общин.

По-разному появляется торговля, а вещи, которые были только объектами использования, становятся товарами, появляются деньги, и меновая стоимость накладывается на потребительную стоимость².

Рассматривая разные народы и разные эпохи мы должны понимать, каково было состояние развития производительных техник с точки зрения способности человеческого труда вмешиваться в вещи или в сырье, с точки зрения механизма производства и распределения актов и производительных усилий среди членов общества, каково было соотношение обращения продуктов от индивида к индивиду, от дома к дому, от страны к стране против их потребления. Именно из таких данных мы можем понять соответствующие юридические формы, которые имеют тенденцию координировать правила таких процессов, приписывая их организациям дисциплину и возможность ограничений и наказаний против нарушителей.

Точно так же, как владение вещами или предметами потребления, а также владение рабами не возвращают нас к первобытному человечеству, так и собственность на почву, то есть на землю и то, что человек возводит недвижимые предметы на ней, еще меньше относится к первобытности. Эта собственность в личной форме отстает от собственности на движимые вещи и самих рабов, поскольку вначале все, что не является общим, по крайней мере приписывается главе семейной группы племени или города и региона.

Но даже если мы хотели бы оспорить, что все народы начинали с этой первой коммунистической формы, и высмеять этот золотой век, интересующий нас анализ, согласно которому юридический институт зависит от этапов развития техники, остается в силе, и достаточно вспомнить о том важном значении, которое Энгельс и Маркс уделяли началу этих исследований по предыстории, оставляя нам право вернуться к ним более подробно.

Ограничиваясь каркасными линиями и хорошо известными вещами, мы говорим, что отношения прав собственности на движимые объекты, расходные и не единожды используемые (и во всех случаях включающие в себя эксплуатируемых рабов, крепостных) или на землю достаточны для определения основных контуров последовательности исторических типов классовых обществ.

² Товар изначально появляется в сфере обращения, но не сразу сфере производства. В третьем томе «Капитала» написано: «Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»

Собственность, говорит юрист, возникает в результате захвата. Он говорит это, думая о недвижимости, но формула также верна и для собственности на раба и товарный объект. Фактически «движимые вещи принадлежат своему владельцу». Не менее очевиден переход от владения к собственности. Если у меня есть что-то в руках, и, как правило, даже если это другой человек или участок земли (в этом случае я не держу землю в руках, но я также не могу постоянно держать в руках другого человека и товар), если кто-то не может заменить меня, то я являюсь его владельцем. Это только материальное владение. Но владение становится юридическим и законным, и превращается в право собственности, когда у меня есть возможность, против возможного претендента или нарушителя, поддержку закона и власти, то есть материальной организованной в государство, которое защищает меня. В случае движимой вещи или товара простое владение демонстрирует юридическую собственность, пока никому не удается доказать, что я забрал у него вещь силой или мошенничеством. Для раба в хорошо организованных государствах существовал семейный реестр, в котором он был зарегистрирован на имя своего хозяина. Для недвижимости даже современный юридический аппарат намного сложнее, право собственности зависит от названий данных форм и публичных регистраций, и юридический контроль за передачей собственности также более сложен. В любом случае материальное владение всегда является огромным ресурсом благодаря своей быстроте использования, и закон изначально защищает его, даже если это означает начало трудного и серьезного исследования по поводу прав собственности. В качестве юридического парадокса говорится, что даже вор может требовать законной защиты своей собственности, если она была отобрана (даже настоящим владельцем, дабы сделать абсурдное предположение), а самые опытные юристы говорят, что все случаи могут быть сведены только к «пятой статье: тот, кто держит в руках, побеждает».

Таким образом, в основе любого устройства собственности лежит факт присвоения благ в целом. Дети раба оставались собственностью хозяина, если они бежали, последний мог привлечь их к ответственности по закону, который возвращал их ему.

При средневековом строе феодализма производительная техника, ориентированная на рабский труд, и соответствующие юридические подмостки, которые дисциплинируют собственность на людей, обычно отменяются. Распоряжение сельскохозяйственными угодьями принимает более сложную форму, чем в классическом римском праве³, поскольку это целая иерархия

³ Римское право было разработано около 300 года до н. э., это было гражданское право классического времени и право знатных людей, классовое право. Он основывался на частной собственности и «свободной воле». Собственность как понятие была впервые введена в Риме, под неё был разработан юридический инструментарий, особенно для защиты собственности. Объектом частной собственности изначально были только движимые предметы.

господ, возглавленная политическим сувереном, который распределяет землю между зависимыми вассалами посредством очень строгого запутанного юридического режима. Экономический базис - это сельскохозяйственный труд уже не рабов, а крепостных, которые не являются объектами собственности и реального отчуждения от хозяина к хозяину. Как правило, эти крепостные не могут покинуть вотчину, в которой они трудятся со своими семьями. Кому доставался продукт труда? До некоторой степени крепостной трудился на данном ему небольшом участке земли, плодов с которого должно быть достаточно, чтобы прокормить себя и свою семью; с другой стороны, он обязан работать один или с другими крестьянами на крупных землях синьора, большая часть продукта обработки которых идут последнему. Такой труд называется барщиной. В самых последних формах крепостной ближе к колону⁴, поскольку вся земля хозяина раздроблена на небольшие семейные предприятия; однако, большая квота продукта с каждого из них отдается господину.

При таком строе трудящийся имеет частичное право присваивать продукты своего труда, чтобы потреблять на свое усмотрение. Частичное только из-за того, что на него ложатся дань, измеряемая во рабочем времени или в продуктах питания, уходящая феодальному хозяину, духовенству и так далее.

Неаграрное производство имеет слабое развитие из-за все еще отсталой техники, слабой урбанизации и в целом примитивного уровня жизни и нужд населения. Но работники в мануфактурах - свободные люди, то есть не связанные с местом рождения и труда. Они - ремесленники, запертые в смирительную рубашку организаций и корпоративных правил, но, тем не менее, полностью автономных на экономическом уровне. В кустарном производстве малых и очень малых предприятий и мастерских у работника есть собственность на различные виды благ: простые орудия труда, сырье, которое он приобретает для обработки, продукция, которую он продает. Помимо бремени корпораций и коммун и предоставленных феодальных прав в деревне, ремесленник работает только на себя и пользуется плодами всего времени и результатами своего труда.

Сеть обращения этой социальной системы проста. Огромная масса сельских работников потребляет в местном масштабе то, что производит, и малую часть этого продает, чтобы приобрести немного одежды или другие нужные вещи. Ремесленники и торговцы взаимодействуют с крестьянами и между собой в обычно ограниченном круге городов, деревень и сел; небольшое меньшинство привилегированных землевладельцев имеет доступ к товарам издалека, для своего личного пользования, и всего несколько веков назад они уже

⁴ Колоны - полусвободные мелкие арендаторы, зависимые земледельцы; у них нет прав собственности, только права пользования; их также называли «рабы земли», они платили ренту за свой пахотный участок натурой или деньгами.

использовали вилку и мыло, не говоря уже о сотне других широко применяемых всеми сегодня вещей.

Мало-помалу складываются предпосылки новой капиталистической эпохи с техническими и научными инновациями, которые тысячью разными способами обогащают процессы обработки продуктов, с географическими открытиями и изобретениями новых средств транспортировки людей и товаров, которые постоянно расширяют круг зон обращения и увеличивают расстояния между местом производства и местом потребления продуктов.

Процесс этих трансформаций происходит очень разнообразно и знает странную медлительность и периоды ошеломляющего расширения. Хотя в начале современной эры уже миллионы потребителей узнали и научились использовать неизвестные и экзотические специи и товары, возникло много новых потребностей (кофе, табак и т.д.), во время Первой мировой войны было все еще обыденной новостью, что калабрийская дама, крупный землевладелец, за год потратила «копейки» из своего кошелька на покупку иголок, а всё остальное обеспечивалось ее собственностью.

Как только мы достигли этой твердой точки, вспомнив несколько характерных признаков предшествующей эпохи, намеренно упрощенных в попытке подобрать правильные слова, теперь спросим, каковы реальные отличительные черты нового производства, капиталистической экономики и буржуазного строя, базу которого она обеспечивает. И мы сразу видим, в чем на самом деле состоит то изменение, которое новые технические системы, новые производительные силы, имеющиеся в распоряжении человека, вызывают после долгой и упорной борьбы в производственных отношениях, то есть в возможностях и способностях присвоения различных благ, в противовес тому, что происходило в предыдущем, феодальном и ремесленном обществе.

Таким образом, мы ясно установим основы нашего последующего исследования эффективных отношений между капиталистической системой и формой присвоения различных благ: потребительских товаров, орудий труда, земли, домов и различного оборудования, прикрепленных к земле, а затем распространим этот запрос на процесс развития капиталистической эпохи и ее закат.

Глава II

Буржуазная революция

Появление капитализма и юридических отношений собственности

Капитализм побеждает с помощью революции, которая разрывает ряд отношений. Среди них право феодалов на крепостных крестьян и право корпораций на ремесленников - это отношения между людьми, а не отношения собственности над вещами.

Капитализм также подавляет собственность ремесленников на свою продукцию и инструменты, а также, в значительной степени, привязанность мелких крестьян к своей земле, чтобы превратить их, как бывших крепостных, в массы безрезервных работников.

ождение капиталистической экономики в ее последствиях для отношений собственности представляется не как утверждение, а как очень широкая отмена прав частной собственности. Этот тезис, сформулированный таким образом, не только не является чем-то странным, но и не должен казаться новым, поскольку он полностью соответствует по форме и содержанию изложению Маркса.

Что касается феодальных землевладельцев, то буржуазная революция происходила как радикальная отмена привилегий, а не как подавление права собственности на землю. Здесь следует думать о революции не как о кратком периоде борьбы, мерах против мятежников и эмигрантов или даже последующих мерах по подавлению привилегий на землю этих организаций культа, но как об экономическом и социальном содержании великой трансформации, которая в своем потрясении начинается задолго до и заканчивается намного позже классических дат восстаний, провозглашений и обнародований новых законов.

Наступление капитализма имеет характер разрушения прав собственности большого класса мелких производителей, и в первую очередь, в некоторых странах, крестьян-собственников, работающих на своей земле.

История рождения капитализма и первоначального накопления совпадает с историей жестокой и бесчеловечной экспроприации производителей, которая записана на самых скульптурных страницах «Капитала».

В последней главе первой тома, как и в других фундаментальных трудах марксизма, будущее уничтожение капитализма рассматривается как экспроприация экспроприаторов того времени и даже - но мы поговорим об этом в более поздней части этого текста - как требование уничтожения и попрания «собственности».

Чтобы правильным образом все это понять, необходимо точно продолжить исследование, корректно применив наш метод, и никогда не упускать из виду отношения, существующие между формулировками языка или действующего права и теми определениями, что характерны для нас, марксистских социалистов.

Объяснение закрепления капитализма в области производственной техники связано с многочисленными улучшениями в применении человеческого труда в обработке материалов, они начинаются с первых технологических инноваций, рожденных на рабочем месте изолированного мастера, терпеливого и гениального, затем проходят огромный цикл с рождением первых фабрик, первоначально мануфактур, позднее основанных на операционных машинах, которые заменяют ручной труд рабочего, затем на еще большем использовании механически движущихся сил.

В наше время капитализм предстает перед нами как грозный комплекс оборудования, конструкций, работ, машин, технология которых покрыла почву самых передовых стран, и по этой причине кажется очевидным определить капиталистическую систему как собственность и монополию на эти колоссальные современные средства производства, что является неполной истиной.

Технические условия новой экономики состоят из новых процессов, основанных на дифференциации действий рабочих и разделении труда, но исторически, даже до этого явления, мы имеем более простое явление собирания и воссоединения в общем месте труда многих работников, которые продолжают работать, применяя ту же технику, те же простые инструменты, что и прежде, когда они были изолированы и автономны.

Потому подлинно отличительный характер инноваций заключается не в появлении обладателя или захватчика новых средств производства или крупных машин, средств производства, которые позволили бы производить вещи легче, таким образом вытесняя производство традиционных ремесел. Это крупное оборудование придёт позже, поскольку, как говорит Маркс, благодаря простой кооперации, то есть перегруппировке многих рабочих, достаточно даже простейшей комнаты, которую легко может снять «хозяин» - и в «sweating system» (потогонной системе) рабочие даже остаются дома. Отличительный характер, следовательно, прячется в другом месте, этот характер отрицательный и, следовательно, разрушительный и революционный. Рабочие были лишены

возможности владеть сырьем и инструментами и, следовательно, возможности владеть продуктом своего труда, каким-либо образом свободно потреблять или продавать его. Чтобы признать существование первой капиталистической экономики в действии, нам достаточно отметить, что появилась масса ремесленных производителей, которые потеряли возможность покупки сырья и инструментов - и, в качестве дополнительного условия, что большие массы закупленных средств оказались в руках новых экономических элементов, капиталистов, что позволяло им, с одной стороны, накапливать материалы и инструменты, а с другой - покупать рабочую силу нанятых работников, оставаясь абсолютными владельцами и собственниками всего продукта труда.

Именно этому второму условию соответствует факт первоначального накопления капитала, происхождение которого изучается в других научных трудах марксизма и которое восходит к множеству исторических и экономических факторов.

Сокращение транспортных расходов и затрат на снабжение, более эффективное использование времени, уделяемое рабочими этапам труда, которые все еще очень просты с технологической точки зрения, объясняют, что простого объединения работников достаточно, чтобы сделать новую систему более эффективной и действенной. У нас есть первое преодоление небольшой прибыльности ремесленничества в мастерских и отдельных цехах. Но оно определенно побеждено последующими событиями по причине разделения труда. Теперь уже не отдельный ремесленник, которому помогают один или два подмастерья, готовит производимый продукт, последний возникает из последовательных вмешательств рабочих разных профессий, каждый из которых самостоятельно не мог сотворить весь продукт и не знал как. Кроме того, многие из наиболее сложных операций, которые ранее выполнялись вручную после длительного обучения, выполняются на станке, и такой же продуктивный результат достигается при гораздо меньших усилиях оператора в физическом и ментальном смысле.

Следуя этому процессу, мы видим, что масса фабричного оборудования растет непропорционально, которая, естественно, юридически не принадлежит работнику, так же как и на начальном этапе ему больше не принадлежат даже простые ручные инструменты. Но юридическая принадлежность этих крупных оснащений капиталистическому работодателю не является обязательным условием; мы доказали это, напомнив, что еще до того, как они появились, у нас на первым мануфактурах уже был экономический и социальный капитализм в собственном смысле этого слова. Теперь нам остается рассмотреть многие случаи, когда в современной экономике производственное оборудование не является юридической собственностью собственника предприятия. На данный момент нам просто нужно вспомнить аренду, концессии, подряды и т.д. в

промышленности, а также крупную капиталистическую аренду в сельском хозяйстве.

Реальное обстоятельство, которое показывает нам приход капитализма, помимо первоначального накопления, заключается в *«принудительном отделении производителя от инструментов и продуктов его труда*».

Капитализм в экономическом и социальном плане проявляется как разрушение способности присвоения <u>продуктов</u> рабочими и как присвоение их капиталистами.

С потерей всех прав на произведенные блага работник, очевидно, потерял все права на инструменты, сырье и рабочее место. Такие права ранее представляли собой отношения индивидуальной собственности, которые чтобы капитализм уничтожил, заменить новым правом присвоения, собственностью, которая обязательно является правом на продукты труда, но не обязательно является правом на средства производства. Юридический титул последних может меняться без потери предприятием своего капиталистического характера. Более того, новая форма присвоения - говоря о капитализме в марксистском смысле - <u>не обязательно</u> является правом <u>индивидуального</u> и персонального типа, каким оно было в ремесленной экономике, которая редко выходила за пределы семьи.

Капитализм у Маркса - поскольку мы только восстанавливаем учение, каким оно всегда распространялось - не только устанавливается экспроприацией, но и является основой экономики и, следовательно, типом социальной собственности. Мы могли бы говорить в классическом смысле о персональной собственности, когда существовала возможность объединить все производительные и экономические действия под титулом собственности одного человека, но когда труд становится коллективным и связанным функцией многих производителей – это фундаментальный и необходимый характер капитализма – собственность на все новое предприятие является фактом широкого диапазона и общественного порядка, даже если юридически упоминается только одно лицо.

Эта концепция, существенная в марксизме, ведет непосредственно к классовой борьбе и антагонизму, присущему капиталистической системе. Присвоение продуктов со стороны работодателя, который теперь имеет дело не с рабами и крепостными, а со «свободными» наемными работниками, является отношениями, которые переходят в социальную сферу и которые касаются не только одного хозяина и сотню его рабочих, но весь рабочий класс против новой системы господства и политической силы, которую эта система основала с новым типом государства. Эта социальная функция может быть ясно прочитана в марксистском законе накопления и расширенного воспроизводства капитала. Рабовладелец и феодальный землевладелец получали свой личный доход от прибавочного труда, обеспеченного их подчиненными, но они вполне могли бы

потреблять его полностью без нарушения функционирования экономической системы в социальном масштабе. Доля продуктов труда, оставленная рабам и крепостным, была достаточной, чтобы гарантировать их выживание и увековечивание системы. По этой причине право собственности на рабов и крепостных, на землю является истинно индивидуальным правом. Не менее индивидуальные свободные крестьяне и ремесленники, которые никому не передают прибавочный труд (здесь у налоговых органов пока что не возникает вопросов - и в этих устройствах государство было «дешевым») и которые могли потреблять все плоды своего труда, что совпадает с их ограниченным владением небольшим клочком земли или маленькой мастерской (понимаемой как предприятие, а не как простое помещение). Капиталист, напротив, получает прибыль от неоплаченного прибавочного труда своих рабочих, которым ровно столько, СКОЛЬКО ИМ хватает ДЛЯ проживания, фундаментальная черта новой экономики не в том, что капиталист, теоретически и согласно писаному закону, может <u>потреблять</u> всю прибыль лично ^{5} ; наоборот, общий и социальный факт, что капиталисты должны резервировать все большую часть прибыли для новых инвестиций, для воспроизводства капитала. Этот новый и фундаментальный факт имеет большее значение, чем прибыль, достающаяся тому, кто не работает. Если последний довод о неработающих капиталистах больше заставляют задуматься и всегда лучше подходил для пропаганды возмездия на юридических ИЛИ моральных направленного против апологетов буржуазного строя, то основной закон капитализма для нас выглядит иначе: назначение большей части прибыли на накопление капитала.

Таким образом, отличительными характеристиками возникновения капиталистической экономики являются накопление в руках немногих массы покупательных средств, с помощью которых можно приобрести на рынке сырье и инструменты, а также подавление для широких слоев независимых производителей возможности владения сырьем, инструментами и продуктами их труда.

На нашем марксистском языке это объясняет происхождение промышленного капиталиста, с одной стороны, и массы незарезервированных наемных рабочих, с другой. И это было, как мы привыкли говорить, результатом экономической, социальной и политической революции.

Однако мы не утверждаем, что буржуа и новые капиталисты осуществили весь этот процесс, завоевав власть в гражданской войне и приняв закон, объявляющий, что всем, кто не принадлежит к классу победоносных капиталистов, запрещено покупать сырье, инструменты и машины, а так же

⁵ В первом томе «Капитала» Маркс упоминает интересный факт: «в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу»

продавать промышленные товары. Все оказалось совсем по-другому. Даже сегодня законом не только не запрещено быть ремесленником, но, поскольку накопление капитализма набирает свой поистине адский темп на наших глазах, мы видим фашистов, национал-социалистов и христианских социалистов соревнующихся в апологии ремесленного хозяйства, сливаясь в едином хоре со своими старыми возлюбленными ⁶ мадзинистами. И то же самое касается автономного сельского производителя, собственника участка земли.

Реальный процесс первоначального накопления был совершенно другим, и его можно представить языком современной философии и этики, языком положительного права или марксизмом, что гораздо более уместен.

Собственность как право распоряжаться продуктом своего личного труда еще на заре капитализма защищалась консервативными идеологами и теологами, и Маркс высмеивал их смущение по поводу передачи собственности в руки тех, кто не работал. В любом случае, все их теории об оправдании капиталистической прибыли сбережениями, воздержанием, прежним индивидуальным трудом не оправдали тот факт, что производитель булавок не мог положить её к себе в карман, не будучи осужденным за грабеж на выходе из мастерской.

В условно-юридический системе отношения собственности отдельного лица на цех, фабрику, запас рабочих материалов и изделий не исключалось ни старыми кодексами феодального строя, ни кодексами, разработанными буржуазной революцией.

Экономические и социальные отношения, однако, становятся понятнее в свете марксизма при рассмотрении стоимости продукта по отношению к количеству рабочей силы, необходимой для его получения. Если на фабрике такой продукт получен за четыре часа, а в мастерской ремесленника - за восемь, ремесленник с полными правами собственности может доставить свой продукт на рынок, но цена его снизится вдвое, и он не сможет получить пропитание на этот день. Не имея возможности физически работать по шестнадцать часов в день, чтобы уравнять свой баланс, он будет вынужден принять условия капиталиста, то есть проработать, скажем, двенадцать часов на него и оставить ему продукт, получив взамен зарплату эквивалентную шести часам работы, на которую он может прожить, пусть и весьма ничтожно.

Этот жестокий и свирепый переход сам по себе содержит необходимое условие для развития производственной техники: только благодаря тому, что ремесленник порабощается капиталом, предел стоимости рабочей силы сделал возможным создание социальной основы накопления капитала, экономический

_

⁶ Béguin, оригинале на французском.

факт, сопровождающий технический факт распространения оснащения и средств производства, характерный для новой научно-механической эпохи.

Почему же тогда утверждение новой системы производства и присвоения плодов труда обязано было сломать определенные препятствия в формах производства, то есть в отношениях собственности старого режима? Потому что существовал ряд санкций и ограничительных норм, противоречащих новым требованиям, то есть свободе передвижения капиталистов и наличию массового предложения наемного труда. С одной стороны, монополия государственной власти со стороны дворян и духовенства подвергала первых накопителей капитала - торговцев, ростовщиков или банкиров - риску постоянного преследования, а иногда и грабежа, с другой стороны, законы и корпоративные постановления предоставили организациям городских мастеров привилегию монополии на производство определенных промышленных изделий и, следовательно, на их продажу на определенных территориях. И массы промышленных рабочих не могли бы быть сформированы, если бы не была разорвана связь крепостных с землей и разоренных подмастерье и хозяев с мастерскими.

Потому революция не привела к новому положительному кодексу собственности, но была необходима для отмены старых феодальных законов, которые определяли отношения производства и торговли в сельской местности и в городах.

Рассматривая капиталистическую систему в противоположность феодальному строю, на руинах которого она восходит, мы не должны останавливать основное внимание на акте принятия нового права собственности на машины, фабрики, железные дороги, каналы или другие вещи, присваиваемого физическим или юридическим лицом.

Напротив, мы должны четко видеть отличительные черты, истинное описание капиталистической экономики, без чего не сможем с уверенностью следить за процессом ее эволюции и судить о характеристиках ее превосходства по сравнению с феодализмом.

Что касается эволюции отношений собственности, если оставаться в рамках прав собственности на движимые вещи, поскольку права собственности на землю и установочные оснащения подразумеваются по умолчанию - ключевые и необходимые для капитализма характеристики следующие:

<u>Первое</u>. Существование рыночной экономики, в которой рабочие обязаны приобретать все свои жизненные средства в широком смысле.

<u>Второе</u>. Невозможность рабочих присваивать и непосредственно доставлять на рынок движимые вещи, составляющие продукты их труда, то есть запрет личной собственности работника на его продукцию.

<u>Третье</u>. Выплата работникам покупательных средств и, в более общем смысле, благ и услуг в меньшем размере, чем стоимость прибавляемая ими к производимым товарам, а так же инвестирование значительной части этой разницы в новое оборудование (накопление).

На основе этих основных критериев необходимо исследовать, является ли титул личной собственности на фабрики и производственные оборудования необходимым условием для существования капитализма, и возможна ли не только чисто капиталистическая экономика без такой собственности, но даже определенная ситуация, в которой капитализму неудобно скрывать эту собственность под другими формами.

Такое исследование должно иметь в качестве предпосылки некоторые примечательные подробности об экономической важности и юридическом развитии права собственности на землю, недра и верхний слой почвы отдельных лиц и частных компаний нашего времени.

Глава III Пролетарская революция

Условия социалистического требования

Задача борьбы рабочего класса против капиталистической буржуазии состоит в том, чтобы сохранить техническое разделение труда и концентрацию производительных сил, созданных капитализмом, отменив одновременно присвоение хозяином продукта и частную собственность на средства производства и обмена, систему производства предприятием и товарное и денежное распределение, поскольку только путем подавления таких форм может исчезнуть система эксплуатации и угнетения, составной частью которой являются наемный труд.

режде чем перейти к предмету этого исследования, касающегося юридических институтов собственности, которые сопровождают капиталистическую экономику на её историческом пути, необходимо еще раз вспомнить, что всегда было реальными условиями великого социалистического требования.

Исторически они состоят в том, чтобы оставить в стороне литературные и философские намеки на коммунизм благ, которые были характерны для добуржуазных устройств, начиная с античности. Эти условия были связаны с конкретными отражениями классовых потрясений, относились к движению, которое с самого начала намеревалось атаковать фундамент социального строя и капиталистической системы. Это движение критики и борьбы, полная форма которого не может быть отделена от эффективного вмешательства в социальную борьбу наемного рабочего класса и его организации в международную классовую партию, принимающую доктрину «Коммунистического Манифеста» и Маркса.

Социалистическое требование, выраженное миллионы раз на страницах томов теории или в скромных словах речей и пропагандистских брошюр, не может быть живым и эффективным, если к нему одновременно не применяется диалектический метод марксизма в его простой непосредственности и в его мощной глубине.

Возгласа протеста против нелепостей, несправедливости, неравенства, подлостей, из которых сделан капитализм, недостаточно для формирования социалистического требования. пролетарского В смысле ЭТОМ недостаточно и бесчисленных псевдосоциалистических ИЛИ позиций гуманитарных полусоциалистических филантропов, либертариев, апостолов, более или менее взбудораженных новой социальной этикой и мистикой.

Боевой клич пролетариата и марксизма, адресованный буржуазному строю, - это не «Vade retro Satana!» 7, но в различные временные периоды приветствие, предложение союза и, наконец, объявление войны и приговор к разрушению. Позиция непостижимая для всех тех, кто основывает свое объяснение истории и ее борьбы на религиозных верованиях и моральных системах, как и вообще на ненаучных и даже неосознанно метафизических методах, ищущих в каждом событии и на каждой исторической стадии человеческого общества набор фиксированных критериев, должным образом оформленных прописными буквами, таких как добро, зло, справедливость, насилие, свобода, авторитет...

Среди характерных особенностей социальной организации, созданной капитализмом с его появлением, некоторые являются приобретениями, которые пролетарский социализм не только принимает, но без которых он не может существовать, другие являются формами и структурами, которые он собирается уничтожить после их развития.

Поэтому его требования должны быть определены в отношении различных моментов, в которых мы перечислили типичные элементы, отличительные черты капитализма во время его победы. Это революция и общая историческая предпосылка для появления устройства, за которое будут бороться социалисты. Почти непосредственная антикапиталистическая позиция, какой бы радикальной и твердой она ни была, не имеет характера апологической реставрации общих докапиталистических условий и форм. Сегодня все эти строгие положения должны быть четко восстановлены; хотя уже более века неоднократные усилия нашей школы ведут к одной и той же цели, поскольку на каждом этапе истории классовой борьбы опасные отклонения порождают движения и доктрины, фальсифицирующие очень важные положения революционного социализма.

В предыдущей главе мы сперва вспомнили хорошо известные техникоорганизационные характеристики капиталистического производства в его противодействии ремесленному и феодальному производству. В целом такие характеристики сохраняются и в полной мере востребованы социалистическим

___

^{7 «}Иди прочь, Сатана», латинское крылатое выражение, защита от искушения.

движением. Сотрудничество многих рабочих в производстве одного и того же типа объекта, последовательное разделение труда, то есть распределение работников между различными последовательными фазами развития, которые в итоге производят один и тот же продукт, внедрение в производительную технику всех ресурсов прикладной науки с помощью моторных и операционных машин - все это вклад капиталистической эпохи, от которого мы, конечно же, не отказываться станет собираемся которая даже основой социалистической организации. Освобождение технических процессов от тайн, корпоративной исключительности, надежная детерминистском видении сложного развития науки вне старых оков колдовства, религий и философских маний и т.д. это не менее важное и неотбрасываемое приобретение. Демонстрация того факта, что буржуазия внесла этот вклад подавляющими и варварскими методами, ввергнув производящие массы в нищету и рабство наемных рабочих, все еще остается нашим фундаментом. Но это, конечно, не подразумевает возврата к свободному производству автономного ремесленника.

В то время, когда последний, как и мелкий крестьянин, был лишен всякой собственности и превращен в наемного рабочего, он обнищал, и его сопротивление было преодолено насилием. Но новые организационные критерии производительных усилий позволили улучшить его результаты и эффективность в социальном смысле. На общем уровне, несмотря на грабеж со стороны промышленного хозяина, массы были в состоянии удовлетворить новые и более разнообразные потребности за то же рабочее время⁸. Даже прежде, чем рассматривать огромные преимущества с точки зрения производительности, к которым привело разделение труда и машин, мы считаем это окончательным преимуществом, от которого нельзя отказываться, даже говоря о простой экономии затрат на транспорт, коммерческие и управленческие операции, достигнутой мануфактурой по сравнению с простыми мастерскими. Каждый мастер был сам себе бухгалтер, кассир, продавец и приказчик с огромной тратой рабочего времени, в то время как на крупных фабриках те же услуги оказывают только один работник на каждую сотню рабочих. Любое предложение вернуться к фрагментации производительных сил, концентрированных капиталом, является для социалистов реакционным. И мы говорим о производительных силах не только в понимании людей, приобщенных к труду, о которых мы только что говорили, но и, естественно, касаемо масс сырья, уже обработанных или обработки, рабочих инструментов дожидающихся всего

В другой части этой работы читатель сможет найти подлинные объяснения тезиса Маркса о растущей нищете, который не противоречит закону о повышении уровня реальной заработной платы, упомянутому в пояснительном изложении основного текста марксистской экономической теории.

современного оборудования, полезного для массового и серийного производства.

Пусть читатель не сочтет за отступление наше подчеркивание, что требованием прогрессивной концентрации принятие социалистическим оборудования и рабочих мест, в отличие от экономики, основанной на малых предприятиях, вовсе не означает вследствие этого принятия капиталистической собой ускоренную системы, которая представляет техническую индустриализацию некоторых областей с оставлением других в отсталых условиях, как в отношениях между странами, так и между городом и деревней. Эти отношения исторически сохраняются до тех пор, пока буржуазный строй не дошел до конца своей фазы распада и понижения старых производительных безрезервных наемных работников. социалистическое требование не может не опираться на девятый пункт немедленной программы Манифеста: «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» - не противоречащий всем остальным мерам откровенно централизующего характера с точки зрения организации. Этим же критерием социалистическая позиция руководствуется в вопросе метрополии и колонии, мы хотим защитить последнюю от эксплуатации первой, не забывая, что только капитализм и его развитие могут ускорить этот результат на несколько столетий, хотя в этой области он превзошел все пределы в использовании безжалостных методов завоевания.

Унаследовав от капиталистической революции огромное развитие производительных сил, социалисты предлагают разрушить соответствующий аппарат производственных форм и отношений, что отражен в юридических институтах, после принятия того, что ранее пролетарии, четвертое сословие, боролись в союзе с буржуазией, когда последняя сломала формы и институты предыдущего строя, чтобы основать и укрепить свои собственные институты и распространить их как в развитом, так и в отсталом мире. Но в каком точном смысле наши исторические претензии связаны с разрушением и преодолением этих форм?

Капиталистическая производительная революция яростно отделяла рабочих от их продукта, от их орудий труда, от всех средств производства в том смысле, что она лишала их права распоряжаться ими напрямую, индивидуально. Социализм осуждает эту кражу, но он определенно не постулирует возвращать каждому ремесленнику его инструменты и предметы потребления, сотворенные с помощью этого инструмента, чтобы он вновь обменял их на жизненные средства. В определенном смысле отделение, жестоко достигнутое капитализмом, исторически бесповоротно. Но в нашей диалектической перспективе такое отделение будет преодолено в более высоком и широком плане. Инструменты и продукты были в личном распоряжении свободного и автономного мастера; они стали доступными капиталистическому хозяину. Их придется вернуть классу

производителей. Это будет социальное обеспечение, а не индивидуальное или даже корпоративное. Это будет уже не форма собственности, а общая техническая организация, и если мы хотим уточнить формулу, предвидя развитие, нам следует говорить об обеспечении со стороны общества, а не класса, поскольку такая организация стремится к бесклассовому типу общества.

В любом случае, не говоря уже о моменте распоряжения и «собственности» со стороны индивида на потребляемый предмет, мы не можем включить в социалистическое требование личный произвол работника над объектом, к которому он приложил руку.

Если в буржуазном строе рабочий обувной фабрики присвоит себе пару, он не избежит тюремного наказания, показав, что она ему по размеру, и станет еще хуже, если он постарается продать её, чтобы купить, скажем, хлеб. Социализм не будет заключаться в том, чтобы позволить рабочему по окончанию дня выходить с парой обуви через плечо, но не потому, что они украдены у хозяина, а потому, что это будет смехотворно медленная и громоздкая система всеобщей раздачи обуви. И прежде чем увидеть здесь проблему права или морали, давайте рассмотрим ее как конкретную техническую проблему, для которой достаточно вспомнить рабочих на заводе железнодорожных колес или, еще наглядней проиллюстрировать революцию, к которой ведут инновации в технологиях и жизни, упомянуть тех, кто работает на электростанции или радиостанции и не имеет причин, как в сотне других случаев, для обыска на выходе...

Однако вопрос о праве собственности на готовый продукт или даже полуфабрикат на самом деле является решающим, и он гораздо важнее, чем вопрос о праве собственности на инструмент производства, на фабрику, завод или любое оборудование.

Настоящей характеристикой капитализма является присвоение частным хозяином продуктов и последующая способность продавать их на рынке. В общем, в начале буржуазной эры это присвоение происходило от присвоения фабрики, завода, заведения частным владельцем, промышленным капиталистом, в юридический форме, аналогичной той, которая приписывает право собственности на возделываемую землю или дома.

Но такая индивидуальная частная собственность является статическим, формальным фактом, она является маской истинных отношений, интересующих нас, которые являются динамичными и диалектическими и которые находятся в природе производительного движения, в цепи непрерывных экономических циклов.

Следовательно, социалистическое требование, в то время как оно должно было принять вытеснение индивидуального труда ассоциированным трудом, предлагало так же отменить частное владение продуктами коллективного труда одним собственником, главой предприятия, и свободную продажу по

усмотрению. Логично, что оно выражало такой постулат, касающийся всей экономической динамики, как упразднение свободного частного права промышленника на производительное оборудование.

Такая формулировка, однако, является неполной даже на уровне, которым мы ограничиваемся в этом параграфе, то есть на уровне негативного и разрушительного содержания социалистического экономического положения, без затрагивания типа организации производства и распределения в социалистическом строе, и пути его достижения в области экономических мер и политической борьбы.

Формулировка является неполной, поскольку после объяснения того, что мы хотим выйти за рамки присвоения всех продуктов, произведенных на комплексном предприятии, единственным хозяином самого предприятия и этих продуктов, в ней не говорится о нашем плане действий в других формах, специфичных для капиталистической экономики.

Фактически капиталистическая экономика стала возможной только в той мере, в какой отделение рабочих от их средств производства и продуктов труда привело к появлению уже действующего торгового механизма распределения таким образом, чтобы капиталист мог выпускать продукты на рынок и создать систему наемного труда, отдавая рабочим часть выручки, чтобы они могли получать жизненные средства на этом же рынке. Ремесленник прибегал к рынку в качестве продавца и покупателя, рабочий может делать это только как покупатель и только на средства, ограниченные законом прироста капитала.

Социалистическое требование классически состоит в отмене наемного труда. Только отмена наемного труда подразумевает уничтожение капитализма. Но поскольку социализм не способен отменить наемный труд в смысле возврата рабочему абсурдной ретроградной фигуры продавца своего товара на рынке, с ранних времен он требует отмены рыночной экономики.

Товарная структура распределения предшествовала, как мы уже помнили, капитализму и включала в себя все предыдущие дифференцированные экономики, возвращаясь к той, где существовал рынок людей (рабовладение).

Современная товарная экономика означает денежную экономику. Таким образом, анти-меркантильные требования социализма подразумевают отмену денег не только как практического средства формирования капитала, но и как средства обмена.

В среде товарного и денежного распределения капитализм неизбежно стремится к возрождению. Если бы это было не так, то целесообразней было бы разорвать все страницы «Капитала» Маркса.

Анти-меркантильный аргумент можно найти во всех текстах марксизма и особенно в полемике Маркса против Прудона и против всех форм

мелкобуржуазного социализма. Заслуга коммунистической программы, составленной Бухариным, какой бы многословной она ни была, была в том, чтобы пролить свет на этот крайне важный тезис⁹.

Но в конце предыдущего параграфа мы добавили третью отличительную черту капитализма по отношению к побежденным им режимам: вычитание из продукта трудовых усилий рабочих большой доли, идущей на прибыль хозяина, и особенно назначение значительной её части для накопления нового капитала.

Очевидно, что социалистическое требование, если оно намеревалось лишить буржуазного хозяина права распоряжаться продуктом и выпускать его на рынок, то отбирало его право собственности на фабрику и одновременно возможность получения прибавочной стоимости и прибыли. Более века назад оно провозгласило, что можно отменить систему наемного труда, и это означало: выход за рамки рыночной экономики, известной до того времени. Разрушение продуктового рынка, на который робко выходил мелкий средневековый мастер с несколькими мануфактурными изделиями и где товары современного ассоциированного труда обретают капиталистический характер, не менее очевидно означает и разрушение рынка орудий производства и рынка капитала и, следовательно, накопления капитала.

Но всего этого пока недостаточно.

Мы уже говорили, что у процесса накопления существует социальная мера. Мы напоминали, что в сентиментальной пропаганде - кто из нас, социалистов, ею не злоупотреблял?... - в вопросе абстрактного распределительного правосудия подчеркивали несправедливость присвоения прибавочной стоимости, уходившей капиталисту или его семье, которая обеспечила ему уровень жизни намного выше, чем у рабочих. Поэтому мы кричали: «отменим прибыль!», и это было совершенно правильно. Но в той же мере этого было и недостаточно. В течение ста лет буржуазные экономисты давали нам один и тот же ответ, согласно которому, поделив общий национальный доход страны на число граждан, мы получим доход, немногим выше дохода простого рабочего. Рассказ правильный, но опровержение так же старо, как и социалистическая система, даже если Парето или Эйнауди¹⁰ никогда не найдут того, кто способен понять его.

⁵ Бухарин: «Программа коммунистов (большевиков)», 1919, «III. Всеобщая дележка или товарищеское коммунистическое производство?», стр. 13-17. В повестке дня VII съезда партии в марте 1918 г. стоял вопрос о пересмотре программы партии. Однако партийный съезд так и не дошел до подробного обсуждения пунктов. Затем программа была передана комиссии во главе с Лениным. В марте 1919 года она была принята на VIII съезде партии.

¹⁰ Луиджи Эйнауди - экономист и президент Италии. Вильфредо Парето - экономист и социолог, теоретик экономики благосостояния, вывел «закон о доходах» на основе эмпирических исследований. Он работал следующим образом: Парето обнаружил, например, что 20% английских семей владеют 80%

Различные оговорки, которые делает капиталист перед тем, как забрать свою последнюю прибыль, даже если потратит её на развлечение, имеют в определенной степени рациональное и социальное зерно. Даже в коллективной экономике обществу придется откладывать продукты и инструменты в достаточной пропорции для поддержания и развития социальной организации. В определенном смысле, это будет социальное накопление.

Будем ли мы, социалисты, говорить, что хотим заменить личное накопление социальным накоплением? Такого мы еще не заявляли. Если потребление капиталистом части прибавочной стоимости является частным фактом, отмену которой мы требуем, но которая количественно мала, <u>даже капиталистическое</u> накопление уже является социальным фактом и фактором, имеющим тенденцию быть полезным для всех в социальном плане.

Старые экономики, которые были вынуждены медленно делать припасы, оставались недвижимыми в течение целых тысячелетий, а накапливающая капиталистическая экономика за несколько десятилетий стократно увеличила производительные силы, таким образом работая на нашу революцию.

Но <u>анархия</u>, в которой Маркс обвиняет капиталистический строй, заключается в том, что капиталистическое накопление происходит в <u>предприятиях</u>, в фирмах, которые двигаются и живут в среде <u>товарного</u> производства.

Эта система, и в дальнейшем мы лучше изучим данный пугающий технический и экономический тезис на нескольких примерах, не только стремится организовать себя в соответствии с максимальной операционной прибылью компании, которая во многих случаях реализуется с вычетом прибыли других компаний. Первоначально, и здесь классические экономисты буржуазной школы были правы, превосходство крупного организованного предприятия над суперанархией мелкого производства привело к гораздо большей отдаче, что, в дополнение к прибыли отдельного капиталиста и оптимальных условий для новых заводов и новых прогрессивных достижений, позволило рабочему передовой промышленности иметь на столе блюда, неизвестные мелкому ремесленнику.

Но в ходе развития каждая фирма, замкнутая на себе, с коммерческим учетом платежей и товарных поступлений, стремится к максимальной прибыли, а потому решает проблемы общей отдачи человеческого труда или очень плохо, или прямо противоположно.

___

национальных активов, из чего пришел к выводу, что банки должны заботиться только об этих 20%, и 80% счетов было бы обеспечено.

Капиталистическая система не позволяет нам поставить максимизации не <u>прибыли</u>, а <u>продукта</u> за прежние усилия и рабочее время, и таким способом, чтобы после выделения доли, припасенной для социального накопления, мы могли бы увеличить потребление и сократить труд, производительные усилия, трудовые повинности. Капиталистическая система, которая озабочена только продажей продукции компании по высокой цене и покупкой по низкой цене товаров других компаний, не может достичь общей адекватности производства потребления И приводит И ТОЛЬКО последовательным кризисам.

Поэтому <u>социалистическое требование</u> постановляет уничтожить не только закон и экономику <u>частной собственности</u>, но и <u>товарную экономику</u> и <u>экономику предприятия</u>.

Только когда мы пойдем в направлении, ведущем к преодолению этих трех форм нынешней экономики: частной собственности на продукты, денежного рынка и организации производства в форме предприятий, мы можем сказать, что движемся к социалистической организации.

Следующий шаг - увидеть, что, удалив только одно из условий, социалистическое требование будет разрушено. Критерий индивидуальной и личной частной экономики может быть значительно преодолен даже в условиях полного капитализма. Мы боремся с капитализмом как классом, а не только с капиталистами как индивидами. Каждый раз, когда продукты поступают на рынок или каким-либо образом «регистрируются» в активах компании, понимаемой как отдельный экономический остров, каким бы крупным он ни был, капитализм остается существовать, тогда как заработная плата переносится на пассивные расходы.

Буржуазная экономика - это экономика двойной бухгалтерской записи¹¹. Индивидуальный буржуа - это не индивид, а фирма. Мы хотим разрушить любое предприятие. Мы хотим покончить с экономикой двойной записи, найдя экономику, состоящую из единого учета, которую история знает с тех пор, как троглодит¹² выходил срывать с пальмы столько кокосов, сколько было соседей в его пещере, и использовал для этого только свои руки.

Все это мы знали еще в 1848 году, что не мешает нам повторять это с юношеским пылом.

¹¹ Способ ведения бухгалтерского учёта, при котором каждое изменение состояния средств организации отражается по крайней мере в двух бухгалтерских счетах, обеспечивая общий баланс.

¹² Первобытный пещерный человек.

Мы увидим, что за сто лет в череде рассматриваемых нами отношений, произошло много эпизодов, которые еще больше усложнили нам утверждение все тех же тезисов.

Предупредим читателя, что в социалистической системе даже самое распространенное личное местоимение станет социальным местоимением.

Глава IV Сельская собственность

Буржуазная революция и владение недвижимостью

В докапиталистическую эпоху владение землей делилось на коммунальную форму, феодальную форму и свободную частную форму. Движимый капитал, завоевав право на приобретение недвижимой собственности, объединяет в руках господствующей буржуазии три формы эксплуатации: земельную ренту, проценты по авансированным деньгам, торговую прибыль.

В нынешнем смысле мы называем недвижимостью собственность, землю, а так же построенные на ней человеком строения и оснащения, которые нельзя транспортировать из одного места в другое. В начальный период капиталистического строя недвижимость в основном охватывала сельскохозяйственные угодья, жилые дома, здания заводов; и только тогда с распространением стационарных или переносных механизмов, а затем сетей связи, транспорта, передачи и распределения различных энергий мы столкнулись с еще более сложными случаями, когда отличия социально-технические и юридические отличия между недвижимыми и движимыми благами имеют большие тонкости.

Для большей ясности сначала остановимся на земельной собственности. Её распространение в последние дни феодального строя было довольно сложным, поскольку существовала область коллективного владения, принадлежащая коммунам или государству, большие феодальные владения, приписываемые центральными политическими силами семьям знати, и даже небольшие независимые хозяйства крестьян-земледельцев. Первая форма возникла из очень древних коммунистических методов управления землей, подвергавшихся постоянным нападкам со стороны лордов, фермеров и зарождающейся буржуазии; в основном она берет начало в народе и системах германского права, где во время миграций и вторжений на юг переросла в военный и династический феодализм.

Третья форма малого автономного владения появилась в Римской империи и римском праве, поскольку организация Рима, в метрополии и

завоеванных странах, была основана на распределении сельскохозяйственных земель среди свободных граждан, солдат в военное время, в то время как другие, гораздо более крупные, участки земли оставались владениями патрициата, который эксплуатировал труд рабских масс, лишенных политических прав, но также и освобожденных от военной обязанности. В римской системе, при отсутствии как коммунального управления землей, так и института суверенного права, которое позволило бы передавать её произвольно от одного лорда к другому, за исключением государственного контроля над землей в области оккупированных территорий, мы пришли к точному разграничению и парцелляции земельной собственности, классически дисциплинированной законом, действующим на всей территории империи, гражданским исторически организованным даже на Востоке. После того как мы сделали акцент на двух предшествующих формах феодальной собственности, давайте теперь посмотрим, каковы её характеристики. Победоносный военачальник, избранный группой союзных вождей и князей, затем абсолютный монарх, а также церковная иерархия, которые выполняют поручения и распределение власти между различными лордами и вассалами, развернутыми в последовательных иерархических порядках, постоянных или даже часто меняющихся по воле выборных округов. В этих более или менее замысловатых формах все этажи военачальников и священников живут за счет труда крестьянской массы, обязанной не покидать вотчину, которой они принадлежат.

В этой социальной системе, как несколько раз заметил Маркс, больше, чем юридические отношения между собственником и землей, господствуют отношения между владельцем поместья, а также сопровождающим его дворянским титулом, и, с другой стороны, массой семей его крепостных. Землевладелец заинтересован не иметь много земли, но иметь много крепостных, поскольку ему переходит определенная часть продукта труда последних. Другой осью феодальной организации является тот факт, что землевладелец, независимо от своего экономического управления, не может потерять свою вотчину; она не подлежит отчуждению, не может быть экспроприирована, и система майората даже избегает раздела земли во время наследования, что в римской системе, напротив, было важным институтом. Следовательно, по крайней мере в том, что касается огромных обрабатываемых пространств, переданных в феодальное владение, рынка земли нет, землю нельзя обменять на деньги.

Такая оценка добуржуазного устройства, с которой мы начнем оценивать положение победившего капитала по отношению к земельной собственности, является фундаментальной в марксистском анализе. Мы читаем в главе XXIV в Капитале, ссылаясь на эпоху крепостного права:

« Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не

размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство».

Поскольку мы бы не хотели бы, чтобы события, продемонстрированные нами из этих предпосылок, показались новыми или оригинальными, напомним, что касаемо взаимоотношений между землей и деньгами есть фундаментальный отрывок из главы II:

« Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка её осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время французской буржуазной революции».

Таким образом, современный капитал - это не просто собственность в целом, и чтобы его победить, недостаточно теоретически и юридически отменить собственность. Капитал - это социальная сила, динамика которой имеет гораздо более сложные аспекты, чем платоническое право собственности. Он представляет собой противоположность традиционной собственности на землю, и один из основных элементов антитезы состоит в том, что традиционная земельная собственность является действительно личной, в то время как капитал выходит за пределы полномочий индивида:

- « Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал» говорит Маркс в главе IV, чтобы установить, что в товарном обращении деньги являются конечным продуктом и что это первая форма, в которой деньги проявляют себя как капитал (мы встретим его позже в качестве фабрики, машин, запасов сырья, массы зарплат). В одном из примечаний к тексту говорится:
  - « Противоположность между властью земельной [феодальной] собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur», «L'argent n'a pas de maître» -«Нет земли без господина», «Деньги не имеют хозяина»».

Смысл современной экономики, которая затем следует за разрушением феодальных отношений, содержится в другой цитате, которую мы возьмем из главы XXII:

« Общий итог таков: овладевая двумя первичными созидателями богатства, рабочей силой и землёй, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведённых средств производства, в виде которых капитал существует».

Далее Маркс очень подробно рассматривает переходный период, который происходит в английской истории между отменой средневекового крепостного права и жестоким началом великого капиталистического накопления, которое основывает буржуазное богатство на распространении беспощадного страдания масс, в другом примечании вспоминается, что японское общество с чисто феодальной организацией земельной собственности и с широко развитым мелкокрестьянским хозяйством даёт гораздо более верную картину европейского средневековья, чем исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками.

Что касается оппортунистов нашего времени, которые в своей неизмеримой глупости охвачены ужасом, когда средневековые формы вот-вот, как они утверждают, вернутся, угрожая буржуазным завоеваниям цивилизации капиталистической эпохи, то они больше не знают, под каким еще соусом приготовить ублюдочную смесь между идеалами буржуазии и социалистическими требованиями, которыми мы бъём по их тупому лицу в заключительной строке этого примечания Маркса: « «быть «либеральным» за счёт средневековья ирезвычайно удобно »¹³.

* * *

В последние годы старого строя, когда власть буржуазии в экономической сфере стала уже внушительной, денежный капитал, в руках торговцев и банкиров, оказывал сильное давление, чтобы устранить препятствия, мешавшие захватить собственность. Несомненно, недвижимую центральный капиталистического накопления состоит в покупке на собранные деньги сырья, которое может быть обработано наемными работниками, и жизненных средств последних. Но для возведения первых заводов и рабочих мест также необходимо приобрести здания, которые будут превращены в перерабатывающее оборудование, и землю, на которой они будут построены. К тому же, новый класс хозяев вынужден конкурировать со старыми феодалами, стремясь преодолеть и лишить владений, даже домов, дворцов и сельскохозяйственных земель, в то время как обогатившиеся фермеры, как правило, выходят из отношений зависимости, скупая собственность землевладельца и становясь абсолютными хозяевами сельскохозяйственных предприятий, которые, как несколько раз отмечает Маркс, представляет собой уже настоящую промышленность.

Вся история и даже литература последних периодов, предшествовавших буржуазной революции, полна проявлений этой борьбы, которую вела буржуазия, обогатившаяся и высокомерная, конкурируя с дворянами, даже в том,

-

¹³ Капитал, том І глава 24.

что касается престижности. Последним, когда им не хватало денег, приходилось прибегать к помощи дельцов и ростовщиков, чтобы поддерживать великолепие своего образа жизни, они не только презирают и унижают тех, кто живет торговлей и перевозкой, но и полагаются на действующий закон, помогающий им защищаться от них, отказывая в выплате ссуд, и традиционной является сцена проблемного кредитора, спину которого покрывают ударами слуги синьора.

Третье сословие сможет полностью освободиться от этого состояния подчинения и неполноценности только с революционным завоеванием политической власти, а до тех пор оно будет глупо и напрасно конкурировать, обильно используя плоды своих спекуляций, перед величием своих классовых соперников.

В комедии Мольера «Le bourgeois gentilhomme» («Мещанин во дворянстве») мы видим торговца, который хочет изобразить высмеянного дворянина. Автор показывает, как труппа из четырнадцати комиков издевается над ним во время фальшивой рыцарской церемонии и поёт на итальянском языке, характерном для комедии искусств: «Ті star nobile, non star fabbola, pigghiar schiabbola» 14. Буржуа, как бы заранее предвосхищая марксистский тезис, говорит, что отнюдь не труд позволил ему накопить капитал, хотел бы, чтобы мы все забыли, что он сам обращался с молотом кузнеца и опоясывал меч рыцаря.

Но класс капиталистов вскоре отомстил за все унижения, удары и издевательства, победив класс знати и священников в социальной революции, установив свое господство и не нашел тормоза, сдерживающие экспансию феодальной собственности сил. Система экономических рухнула, непреодолимо распространилось приобретение недвижимости держателями денежного капитала, которые до этих пор только с большими усилиями могли удовлетворить эту особую потребность. Это была одна из важнейших характеристик капиталистической революции, которая, как всегда выражаясь лапидарными фразами Карла Маркса, успела «превратить землю в предмет свободной торговли», и так же, как она могла похвастаться освобождением работников села от феодального рабства и работников города от корпоративных связей, чтобы эксплуатировать их как своих сотрудников, так могла прославиться и тем, что «отдала землю во власть капитала ^{15} .

Мы могли бы охарактеризовать этот первый период консолидации триумфального капитализма как период обездвиживания движимого капитала,

¹⁴ Мольер, Le Bourgeois gentilhomme, Акт V, сцена I. Здесь говорит муфтий, а не труппа итальянских актеров из сцены 5. В русском переводе Любимовой: «Твой - дворян. Не вру ни капля. Вот тебе сабля». Роберт Жуани пишет, что муфтий говорит на сабире, жаргоне, на котором говорят на побережье Средиземного моря, на смеси испанского, португальского, итальянского и мальтийского языков. Он добавляет, что это был дипломатический язык.

¹⁵ Капитал, том І глава 24.

понимая под обездвиживанием крупномасштабные инвестиции в приобретение собственности, сельскохозяйственных земель и городских зданий, необходимое экономическое дополнение к владению крупными промышленными средствами производства. И эта экономическая необходимость стала в то же время политической необходимостью, так как для того, чтобы полностью победить старых лордов и их претензии на восстановление феодального строя, необходимо было также умертвить их на тех престижных позициях, которые они заняли в крупных метрополиях, зародившихся в результате экспансии капиталистических форм и в которых, тем не менее, именно короли, придворные, солдаты и священнослужители получали самые внушительные резиденции. Но еще одним требованием господства и престижа последних было сохранение очень больших площадей обрабатываемой земли деревень для различных целей роскоши, развлечений, охоты, отдыха, религиозной жизни и т.д. тогда как буржуазной экономике необходимо было срочно перенаправить с целью последующих инвестиций деловых интенсификации производства жизненных средств, необходимых для армии промышленных рабочих.

Мы вспоминаем этот первый период завоевания недвижимой собственности капиталом, потому что далее мы увидим, что он контрастирует с очень современным периодом, когда предпринимательский капитал, наоборот, все больше стремится освободиться от титула владения недвижимостью, так как вполне может выполнять свои функции с максимальной интенсивностью и производить головокружительную прибыль без необходимости полного владения недвижимостью и, с другой стороны, без малейших исторических опасений, что эти товары вновь вернутся в руки землевладельческих аристократических классов, ныне исчезнувших.

В промежуточный период стабильного капитализма, который следует кратко рассмотреть, прежде чем перейти к анализу этого третьего очень современного периода, упомянутый нами для ясности, отношения между собственностью и предприятием проявляются по-разному. Однако, если тщательно изучить различные экономические формы и соответствующие социальные силы, всегда становится ясно, что отличительная черта капиталистической эпохи заключается в предприятии, а не в собственности.

Мы можем только представить буржуа первого периода, романтического хозяина железоперерабатывающего предприятия, как своего рода уникального босса, в руках которого сосредоточены все элементы и факторы производства. Земля, на которой стоит фабрика, принадлежит ему, как и шахта, дающая ему руду, как и здания, в которых он работает, машины и инструменты. Он закупает все сырье и все вспомогательные инструменты, идущие на производство, а также рабочую силу, привлекая своих работников. Он является единственным хозяином всего продукта и доставляет на рынок, где, по его мнению, товар принесет ему

наибольшую пользу. Он сам является техником в той отрасли производства, в которой он работает, но также платит нанятым техникам и бухгалтерам. Первоначально то, что называется накладными расходами, ограничено, поскольку фабрика должна самостоятельно производить свет, тепло, движущую силу; налоги, выплачиваемые государству, очень низки, потому что в первых либеральных режимах буржуазия полностью применяла экономическую политику в стиле laisser faire, laisser passer и убери все ограничения и налоги, которые могут стать препятствием для инициатив производства и торговли. Таким образом, бухгалтерский учет прост и един, и вся прибыль, полученная в результате превышения доходов над расходами, попадает в карман капиталиста, которому не нужно вычитать ренту и арендную плату за используемые оборудование и здания. В этом классическом, примитивном случае капиталист также обладает достаточной денежной массой, чтобы быть самому себе банкиром, и, следовательно, не выплачивает проценты за наличный капитал, необходимый для покупки товаров и повышения заработной платы.

Если бы мы искали в сельском хозяйстве эквивалент этой модели предприятия, то нашли бы его в случае, когда управляющий является также собственником земли, всех мертвых и живых материалов, то есть из машин, инвентаря, заготовки семян и удобрений, стада скота и остального; у него также есть достаточно денег для повышения заработной платы поденных или круглогодичных работников. Во всех этих случаях единственное активное различие в том, что хозяин реализует выгоду между выручкой от продажи продуктов и суммой всех вложений, куда входит земельная рента, проценты на финансовый капитал и корпоративную прибыль, это экономические элементы, которые можно рассматривать в отдельности.

Буржуазный экономист находит их отличия в предполагаемых им разных источниках происхождения, каждый из которых самодостаточен для создания богатства: земля, приносящая ренту, ссудные деньги, приносящие проценты, предприятие, генерирующее прибыль, которое компенсирует способность к активности и умение того, кто мог рационально соединить воедино различные элементы производства.

Для марксистской экономики все эти прибыли производятся человеческим трудом и представляют собой активную разницу в активах между произведенной им стоимостью и меньшей суммой, которую наемные работники получали в обмен на свою рабочую силу.

Однако разница между различными элементами выгоды хозяина представляет собой историческое различие, соответствующее распределению прибавочной стоимости, которая выжимается из рабочего класса, между землевладельцем, капиталистом-кредитором и предпринимателем.

Это различие носит исторический характер, поскольку даже до появления реальной капиталистической промышленности, мобилизующей наемных работников, земля уже могла приносить ренту землевладельцу, так же как деньги сами по себе могли приносить проценты тому, кому они принадлежали, банкиру или ростовщику.

Теперь вопрос состоит в том, чтобы увидеть, какова истинная характеристика капиталистического производства в отношении этих различных элементов, когда вместо объединения в руках одного держателя они оказываются разделенными; то есть, когда законный владелец земли или завода, банкир, который выделяет деньги, и предприниматель, который, заплатив первым двум и всем другим разным публичным или полупубличным органам, частично пересекающимся в современной экономике, по-прежнему остаётся свободен получать наличную компенсацию и выгоду от коммерческой цены продуктов, которые он доставил на рынок.

Во всех этих случаях владелец земли, участка, здания и даже, в некоторых случаях, оборудования, получает деньги в виде соответствующей арендной платы, а банкир, выделивший деньги, получает достаточный процент на предоставленную сумму, государство и, возможно, другие концессионные органы получают различные налоги и пошлины, и все, что остается в остатке, представляет собой прибыль самой компании, которую капиталистический бухгалтерский учет имеет тенденцию ошибочно выделять как нечто, возникающее уже после того, как были вознаграждены различные капиталы, недвижимые и движимые.

Марксизм стал доказательством того, что эта третья форма, замаскированная классовыми апологиями как показатель достигнутых прогресса, науки, цивилизации, больше, чем две другие формы, ядовита и опасна, так как она усиливает эксплуатацию, грабеж и нищету. Социализм целиком заключается в революционном отрицании капиталистического предпринимательства, а не в его завоевании работниками предприятия.

Эти различные элементы и их отношения характеризуются в современных капиталистических формах самыми разными способами, но на самом деле мы находим весьма далекими от действительно новых экономических отношений те капиталистические предприятия, которые не соответствуют ни одной форме недвижимой собственности, и даже в определенных случаях не связаны с какимто одним фиксированным местом действия или определенными машинами и инструментами, в то же время динамика капиталистического процесса здесь развивается в самой полной и чистой форме. Таким образом, между собственностью и капиталом происходит своего рода развод, из-за чего второй становится все более подвижным, а собственность размывается, скрывается или даже представляется как собственность коллективных институтов посредством огосударствления, социализации и национализации, которые ошибочно

претендуют на звание форм управления, более не являющихся капиталистическими.

Примечание Мнимый феодализм Южной Италии

Центральный оппортунистический тезис о том, что в Италии существуют остатки феодальных отношений, господствующих по всему Медзоджорно, отражает не только политическую тактику компромисса и отрицания классового социализма, но и основан на тройной серии огромных ошибок о природе феодальной экономики и социальных отношений, о политической истории юга Италии и состоянии сельского хозяйства юга.

розный и отвратительный «стержень» наихудшего оппортунизма, в итальянском социалистическом и коммунистическом движении, - это жалкое выживание феодализма на юге Италии и на отношении избитого частности, вопроса сельскохозяйственных землевладениях, настоящей боевой лошади риторической театральности и итальянского политического подхалимства. Вывод из мнимого и сфабрикованного наблюдения - политическая тактика блоков и сотрудничества с радикальными буржуазными партиями, в том числе с северной Италией (которой эти господа на словах дают статус капиталистической страны) на уровне и в рамках грязного унитарного римского государства, и раньше и сейчас этого достаточно, чтобы квалифицировать ИХ революционного учения и действия. Но эти люди, наши социал-коммунисты 16, демократически-буржуазного сотрудничества, демонстрируют только презрение к уважению принципов, заявляя о приверженности общему оружию компромисса и исходя из случайного понимания ситуации. Поэтому это возможность подчеркнуть тот факт, что их тезис о полуфеодальном положении

¹⁶ Термин «социал-коммунизм» используется для обозначения парламентского и внепарламентского сотрудничества Социалистической и Коммунистической партий в первые годы после Второй мировой войны. Политика двух партий развивалась на основе единого фронта против фашизма 1934 года. Этот пакт, который был восстановлен в октябре 1946 года, действовал до 1957 года.

юга попирает любые серьезные знания о реальном положении дел в экономике и сельском хозяйстве юга, об отличительных чертах феодального управления землей и, наконец, об основных характеристиках исторических событий Обеих Сипилий¹⁷.

То, что банально считается отсталостью в социальном развитии Медзоджорно, как и вообще якобы недостаточная и незавершенная социальная эволюция Италии, не имеет ничего общего с исторической задержкой ликвидации феодальных институтов и даже там, где представлены знаменитые слаборазвитые регионы, напротив, является прямым итогом худших аспектов и последствий капиталистического развития в постфеодальную эпоху, особенно в Средиземноморской Европе. В немногих странах, как в Королевстве Обеих Сицилий, феодализм, если понимать его как влияние земельной аристократии, боролся, противостоял и был побежден силами центральной администрации государства, как при правлении Бурбонов¹⁸ и при господстве Испании, так и при предыдущих монархиях, начиная с правления Фридриха Швабского¹⁹. Борьба неоднократно поддерживалась движением крестьянских и городских масс, и арбитрами положения королевства вскоре стали интенданты и правители сильных централизованных держав Палермо и Неаполя. Результаты борьбы K TOMY, что принятое законодательство быстро законодательство других малых итальянских государств, в том числе самого отсталого Пьемонта; то же самое можно сказать о контроле, которому

¹⁷ При испанских Бурбонах Сицилия стала частью Неаполитанского королевства, которое в 1816 году (после Венского конгресса) стало Королевством Обеих Сицилий, охватив, таким образом, всю южную Италию. В то время оно было крупнейшим, но и экономически беднейшим государством. Оно просуществовало до 1860 года, когда было объединено с недавно созданным Королевством Италии (Гарибальди).

¹⁸ В 1799 году правление Бурбонов в Неаполитанском королевстве было нарушено революционными французскими войсками, которые вместе с южно-итальянскими сторонниками революции основали здесь Парфенопейскую или Неаполитанскую республику. Король, бежавший в свою сицилийскую столицу Палермо под защиту Великобритании, вернулся к власти в Неаполе в результате раннего отступления французов и кровавого контрреволюционного восстания сельского населения под руководством кардинала Фабрицио Руффо. Затем были казнены бесчисленное число местных революционеров. Жестокий антиреволюционный фурор сицилийских Бурбонов отразился, например, по слухам в опере Пуччини «Тоска», премьера которой состоялась в 1900 году, в образе злого начальника полиции Бурбонов барона Скарпиа. В 1806 году французский император Наполеон I во второй раз завоевал Неаполь. Неаполитанское королевство Бонапартов возникло в тесной зависимости от Франции, первоначально под властью брата Наполеона Жозефа Бонапарта, который переехал в Испанию, которая также была завоевана в 1808 году, а затем под властью зятя Наполеона Иоахима Мюрата, который поселился в Неаполе после первого падения Наполеона в 1814 г. Он мог постоянно перебегать на другую сторону, но в 1815 г. - теперь на стороне Наполеона, который вернулся, но потерпел решительное поражение при Ватерлоо - он потерял свою империю и немного позже свою жизнь.

¹⁹ Фридрих II (1194–1250) - римско-немецкий король и император, известность которого также обусловлена его страстью к науке и поэзии. В южно-итальянской империи, во время его правления, центральная королевская власть была усилена за счет территориального управления и законодательства. В 1231 году с конституцией Мелфи была принята первая светская правовая кодификация средневековья.

политическая власть подчиняла религиозные общины и светскую церковь; и нет необходимости скрапивать эту очевидную инсценировку борьбой избранных представителей народа в Неаполе и отсутствием возможности создания трибунала инквизиции в этом городе. Исторический и юридический процесс, после республиканской революции 1789 года во главе с дерзкой и сознательной буржуазией, вырос под сильной властью Мюрата, и восстановленные Бурбоны сохраняли осторожность, не подрывая компактное и мудрое законодательство, оставленное этим режимом в публичном и частном праве. Следовательно, было бы банальной оппибкой путать социальную историю Южной Италии с историей бояр и юнкеров²⁰ из северо-восточной Европы, которые продолжали править своими крепостными в автономных вотчинах, грабить их и судить по своему усмотрению, когда на протяжении веков жители Средиземноморской Италии были гражданами современной, хотя и абсолютистской, государственной правовой системы.

Что касается структуры аграрного хозяйства, то картина феодальной страны показывает нам обратную сторону той, с которой связаны недостатки латифундий итальянского Медзоджорно. В этой картине показано сельское хозяйство, которое, хотя и не является интенсивным, все же однородное и разделенное на небольшие фермы, с работающим населением, равномерно распределенным по культивируемым площадям, по разбросанным поселениям и небольшим фермам. Деревня, которую, к сожалению, наша Медзоджорно игнорирует²¹, является основной ячейкой сельскохозяйственных богатств многих европейских стран, богатств, в прошлом эксплуатируемых феодалами во имя своей славы и на которые нападал буржуазный хищник, иногда оставляя после себя пустыни и болота, как Маркс описывал Англию, порой восстанавливая этот богатый источник или ограничиваясь его измельчением, как во французской деревне.

²⁰ Энгельс пишет в «Крестьянском вопросе во Франции и Германии» 1894 г.: «Власть этих юнкеров основана на том, что на сплошной территории семи старопрусских провинций, - следовательно, почти на трети территории всей империи, - они имеют в своем распоряжении земельную собственность, которой здесь сопутствует общественная и политическая власть, и не только земельную собственность, но через посредство свеклосахарных и винокуренных заводов также и важнейшие отрасли промышленности этой области. Ни крупные землевладельцы, ни крупные промышленники остальной части Германии не находятся в таком благоприятном положении; ни те, ни другие не имеют в своем распоряжении целого королевства».

²¹ Как было сказано сразу после этого, итальянский Юг сильно урбанизирован, что, безусловно, не является феодальной характеристикой, но что препятствует тщательной работе по адаптации земли из-за распределения крестьян по земле. В тексте говорится «к сожалению», вероятно, из-за того, что немногие исторические примеры распределения сельскохозяйственного населения (апулийские усадьбы наследников крупных сельскохозяйственных комплексов Фридриха II) показывают нам интенсивное производство с высокой урожайностью при капиталистическом аспекте уже в средние века.

Большие латифундии Юга и островов - это большие полувозделываемые районы, где не может проживать человек, и где нет ферм или деревень в той степени, в которой доиндустриальное и, несмотря ни на что, явное антифеодальное городское планирование собрало население в крупных центрах по несколько десятков тысяч жителей, таких как Апулия и Сицилия. Происходит переполнение населения, но земля не может быть занята из-за отсутствия организации и инвестиций в труд и технологии, которых на протяжении веков ни одному государственному режиму - национальному или нет - не удавалось добиться или они не соответствовали потребностям правящего класса. Здесь нет ни домов, ни воды, ни дорог, горы обнажены, природный водный режим равнины нарушен, а малярия вездесуща. Этот спад в сельскохозяйственной технике берет начало в древности, он старше феодализма, который, будь он сильным, боролся бы с ним (поскольку техническая и экономическая расчистка бы века подошла лучше средние ДΛЯ децентрализованного и автономного режима феодального сеньората). Если мы думаем, что во времена Великой Греции 22, эти регионы были самыми процветающими и наиболее цивилизованными в известном мире и что они оставались очень плодородными во времена господства Рима, мы должны учитывать, что причины их упадка лежат как в маргинальном положении по отношению к распространению феодального германизма во время падения Римской империи (которое подвергало их чередующемуся вторжению и разрушению народами севера и юга), так и в депрессии средиземноморской экономики во время географических открытий океана, как в современного индустриального и колониального капиталистического строя, который сосредоточился на других местах в поисках основного сырья для индустриализации, расположения своих производственных центров и крупных транспортных путей, так и, наконец, в конституции итальянского унитарного государства (его анализ которого уведет нас очень далеко), который установил типично современные, капиталистические и империалистические отношения, даже предшествующие более современному времени.

Однако и до и после этой унификации взаимодействие сил и экономических отношений более чем соответствовало характеристикам буржуазной эпохи, составляющей важнейший сектор капиталистического накопления в Италии, ограничение которого было количественным, но не качественным.

Действительно, до и после 1860 года, несмотря на слабое промышленное развитие (говоря о котором, мы не должны забывать, что влияние национального единства было очень негативным, вызвавшим упадок и закрытие важных заводов),

²² Великая Греция - это название, данное регионам на юге древней Италии и Сицилии, колонизированные греческими поселенцами в 8 веке до н. э.

экономическая среда имела совершенно буржуазный характер. Мы можем сказать об итальянском Медзоджорно и местном так называемом феодализме то же, что Маркс сказал о Германии в 1849 году в своей речи на Кельнском процессе, точно подчеркивая тот факт, что буржуазная и либеральная политическая революция еще не победила:

« крупная земельная собственность была подлинной основой <u>средневекового</u>, феодального общества. Современное буржуазное общество, наше общество, покоится, наоборот, на промышленности и торговле. Сама земельная собственность утратила все свои прежние условия существования, она стала зависимой от торговли и промышленности. Земледелие ведется поэтому в наши дни на промышленных началах, и старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно всем другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, и продающих там, где можно дороже продать. Следовательно, образ жизни, способ производства, способ извлечения дохода, свойственный этим господам, показывает всю фальшь их традиционного высокомерного самомнения. Земельная собственность. как господствующий общественный фактор, предполагает средневековый способ производства и обмена».

Если расположение, прежде всего, угля и железной руды означало, что по завершению этого периода (а также после составления плана «Капитала», который брал Англию за модель полностью капиталистического общества), Германия великой страной добывающей механической стала промышленности, в дополнение к экономичному и наиболее современно управляемому сельскому хозяйству, тем не менее, очевидно, что это суждение Маркса об среде и социальной ситуации еще более радикально подходит к итальянскому Медзоджорно спустя столетие и после девяноста лет совершенно буржуазно-либерального и демократического политического режима, режима, которого ждала Германия после поражения 1848 года вплоть до 1871 года, и, если верить скучным слухам о тевтонском феодализме, то и того гораздо позднее.

В Южной Италии существует очень активный рынок продажи земли с частотой передачи, которая, безусловно, намного выше, чем даже в высокоиндустриальных провинциях; и это важнейший отличительный критерий между феодальной экономикой и современной экономикой. Он сопровождается не менее активным рынком крупной и мелкой арендной ренты и, естественно, земледельческих продуктов. Именно там, где широко распространена обработка почвы, она практикуется в крупных экономических единицах, где работают исключительно наемные подёнщики и батраки, и на протяжении многих десятилетий перекрывает собственность землевладельца, что часто испытывает большие финансовые трудности и обременен закладными, фигурой крупного

капиталистического арендатора, большого держателя денег и запасов. И там, где продукт сводится к пшенице, и где преобладает отсталое и даже дикое животноводство, не только движимый капитал находится в руках крупных фермеров, а не землевладельцев, но многие из них захватывают и полностью эксплуатируют земли, принадлежащие различным владельцам, иногда приводя не к рекультивации, а к их порче.

Взгляд на проблему управления городской собственностью приводит к аналогичным соображениям. Даже если оставить в стороне промышленную деятельность в самых передовых областях, вокруг главных городов и портов, все это движение рынков с современными объемом и циклами на протяжении многих десятилетий является источником накопления капитала, которое в значительной степени либеральной, ПОСЛУЖИЛО основой полупротектированной и протектированной промышленности на севере (Италия, задолго до Муссолини, была в авангарде протекционистских стран). Речь не только о том, что банковские вклады южных буржуа, собственников, предпринимателей и спекулянтов всегда подпитывали национальные частные финансы сильными потоками, но и о том, что на ресурсы Юга опирались налоговые органы, которые гораздо легче достигали недвижимых богатств и любого экономического движения, связанного с землей, чем коммерческие прибыли сверхприбыли. промышленные и деловые И итальянская капиталистическая экономика охватывает эти без сомнения современные отношения, которые просто смешно сравнивать с феодальной ситуацией и представлять не твердый союз, а несуществующий конфликт между зрелой и сознательной буржуазией, будто бы всегда стремящейся к совершенным и обновляющим <u>либеральным революциям Юга</u>, а также легендарными «отсталыми классами» и «реакционными слоями» отвратительной модной демагогии.

Презренная функция руководящего класса Юга связана с этой уже оформившейся картиной экономических связей. Остатки исторической аристократии живут в полуразрушенном дворце крупнейших городов; по всему региону господствуют не феодалы, а обогатившиеся буржуа, собственники, торговцы, банкиры, аферисты, больше похожие на незнатных парвеню, чем на синьоров. На окраинах движения своего богатства так называемая «интеллигенция» опустилась до уровня посредников и послов центральной буржуазной власти Римского государства, которому она предлагает паразитирующего персонала, ЛУЧШИХ СЛУГ своего раздутого производительных силах всех провинций, от комиссара общественной безопасности до судьи в мантии, от депутата, поддержанного всеми префектами и голосующего за все правительства, до государственного чиновника, готового служить капиталистическим монархиям и республикам.

Для истинных марксистов социальная борьба в Медзоджорно, не меньше, чем борьба в остальном итальянском государстве, составляла повестку дня до, в течение и после двадцатилетия ²³, в качестве преодоления самых новых и последних исторических форм капиталистического порядка и без исключительной необходимости модернизации по трансальпийской модели отношений и институтов, оставшихся далеко «позади».

Этот тезис о выживании феодального Юга заслуживает сравнения с тем тезисом, что понимает фашистское движение как восхождение аграрных классов против промышленной буржуазии. Направление группы (так называемая «Ordine Nuovo»²⁴), которая взяла на себя контроль Коммунистической партией Италии, перехватив его из рук революционных марксистов, с самого начала основывалось на этих двух фундаментальных расхождениях, на этих двух основных блюдах, которых было достаточно для построения целой практики и политики союза промышленных капиталистов и предателей пролетариата, как мы уже видели, применявшихся в Италии. Инъекция пораженческого вируса, фактора вырождения, сталинским интернациональным центром в его глобальной ориентации на переговоры и сотрудничество между силами капитализма и силами государства, ложно определяемого как социалистическое и пролетарское, не было неизбежным.

²³ Двадцатилетие фашистского режима.

^{24 «}L' Ordine Nuovo» - газета Грамши и Тольятти.

Глава V

Буржуазная законность

Капиталистическая экономика в рамках римского права

уржуазная революция систематизировала владение землей, восстановив правовую концепцию <u>свободы земли</u>, которая была основой гражданского права Рима.

«В позднем средневековье почти во всей Европе, оккупированной германскими завоевателями, мы почти полностью отказались от концепции свободы земли, которая обеспечила экономическое процветание Римской империи. Вместо этого возобладал феодализм, он был навязан необходимостью слабых защищаться от вторжений норманнов, венгров и сарацин, отсюда и тот факт, что они доверились сильным²⁵, признавая их владение с обязанностью выплаты ренты, а также личных услуг при условии его защиты от величайших несчастий; что объясняет раннее появление принципа: нет земли без господина²⁶. Римское право, напротив, признавало единственным источником владения титул, а именно договор, свободно заключаемый между теми, кто имел право на землю »²⁷.

Французская поговорка, которую мы уже нашли у Маркса в ответ на упомянутый принцип средневековой экономики, «деньги не имеют хозяина», противопоставляется в регионах, где не укоренился феодализм, римскому девизу: «нет собственности без титула». Полезно отметить, что страной, в которой

Основным делом династии Каролингов было переворот в отношениях землевладения. «Этот переворот в основе своей покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того чтобы прочнее привязать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились держателями земельных владений короны. И, во-вторых, для того чтобы обеспечить крупным магнатам набор свободных держателей для военной службы, этим магнатам была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным людям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними». (Энгельс, «Франский период»). То есть последние теперь не только зависели от них экономически, но и юридически подчинялись им. В результате этого потрясения «крупные» обращались к своим дружинникам (которые должны были обеспечить вооружение или военную службу) посредством коммендации: Служилый был обязан служить, и ему представлялось содержание и гарантировалась защита от вторжений.

^{26 «}Нет земли без господина»: Маркс видит в этом выражение слияния господ с земельной собственностью и открытие пути кабале и крепостному праву.

²⁷ Здесь и далее Орест Бордига, «Трактат о сельском хозяйстве», 1926.

меньше всего проникло секулярное ограничение персональных прав, присущее феодализму, была именно Италия.

«На нашем языке никогда не было слова, соответствующего французскому $Szerainete^{28}$, что означает захват земли феодалом. В Италии все формы римского права не погибли, и даже в некоторых регионах Медзоджорно они продолжали существовать без изменений, потому что эти районы не были оккупированы варварами и оставались под властью Византийской империи, хранителем римской традиции, или потому что они были возвращены вернули, когда пало герцогство Беневенто²⁹ ».

«В другом месте абсолютно свободное пользование землей со стороны ее владельцев не относилось к эпохе, столь же древней, как было у нас. Во Франции, например, оно нашло полное применение после отмены феодальных порядков знаменитой ночью 4 августа 1789 года. Тогда и последующими законами, Национальное Собрание просто отменило личные сервитуты (барщина³⁰), но сделало реальные права (ценс, шампар, ло, продажа, земельная рента и т.д.³¹) выкупаемыми. Однако восстания крестьян и поджоги различных сеньорских замков заставили упразднить их без необходимости компенсации, хотя многие из них даже не имели феодального происхождения. Потому уже существовавшие мелкая и средняя собственность была освобождена от бесконечного числа ограничений и препятствий».

Оставим автора, которого мы цитировали до сих пор, специалиста по аграрной экономике <u>несоциалистической</u> ориентации, и процитируем предложения, которыми эта французская аграрная революция была охарактеризована Марксом в «Классовой борьбе во Франции».

«Сельское население, больше двух третей всего французского населения, состоит главным образом из так называемых свободных земельных собственников. Первое поколение, безвозмездно освобождённое революцией 1789 г. от феодальных повинностей, ничего не заплатило за свою землю. Но последующие поколения уплачивали под видом цены за землю то, что их полукрепостные предки уплачивали в своё время в форме ренты, десятины, барщины и т. д. Чем более, с одной стороны, росло народонаселение, а с другой — увеличивалось дробление земель, тем дороже становилась цена мелкого земельного участка, так как вместе с уменьшением размеров парцелл вырастал спрос на них».

²⁸ Suzeraineté (фр.) - Сюзеренитет.

²⁹ Герцогство Беневенто на юге Италии было разделено на три княжества Беневенто, Салерно и Капуя в 850 году.

³⁰ corvees, на французском в оригинале.

³¹ cens - поземельный налог, champarts — налог на урожай, lods - налог феодалу при переходе от ленника к другому, все слова на французском в оригинале.

Маркс продолжает этот отрывок тщательным изучением обнищания крестьянина в парцеллярной системе, которая сводит на нет аграрную технику и валовый продукт, повышает цену земли и все пассивные обязательства по ипотечным долгам, банковским и ростовщическим процентам, налогам и т.д. и низводит мнимого собственника до потери в пользу капиталистов той части заработной платы, которая полагалась бы за его работу, будь он юридически безрезервным; вывод следующий:

«Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации. Конституционная республика, это — диктатура его объединённых эксплуататоров; социально-демократическая, красная республика, это — диктатура его союзников».

Эта политическая позиция - Маркс пишет о ней в 1850 году французским революционным социалистам 1848 года. И именно в этом отрывке мы находим классическую фразу: *«революции - локомотивы истории»*.

В этой статье также содержится подтверждение того, что правильная марксистская оценка рассматривает крайнюю парцелляцию крестьянской собственности как одно из многих средств экспроприации для капиталистического накопления, а не как отстаивание принципа так называемой социальной справедливости, отрывок, относящийся к Англии, взят из письма Энгельса 1850 года:

«Тенденция каждой буржуазной революции - раздробить крупную земельную собственность, несмотря на то, что эта тенденция постоянно дополняется безусловной тенденцией мелкой собственности к концентрации, к гибели при столкновении с крупным сельскохозяйственным производством, могла некоторое время порождать у английских рабочих представление о предложенной О'Коннором парцелляции, как о чем-то революционном. Этому требованию парцелляции земельной собственности революционная фракция чартистов противопоставляет требование конфискации всей земельной собственности и требует, чтобы она не была разделена, а оставалась бы национальной собственностью »³².

Буржуазная революция во Франции, напротив, выставила на распродажу огромное количество национальных имуществ в результате конфискации и изъятия церковных собственностей.

Другие процессы в Англии, после поражения феодализма и отмены крепостного права, привели к образованию крупной <u>буржуазной</u> аграрной собственности, принадлежащей сегодняшним <u>лендлордам</u>, на которых мы

³² Третий Международный обзор май-октябрь 1850.

ссылаемся в «Капитале», в главе XXIV, и в изложении элементов марксистской экономики, которое опубликовано в этом издании.

Вместо демократической апологии Великих Революций марксистский язык, основанный на диалектическом принятии новых порожденных ими условий, обнажает бесчестие зарождения капиталистического строя, закрепился ли он в земельной парцелляции или, наоборот, основывается на крупной буржуазной собственности, причем в обоих случаях «свободной» собственности.

«Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления».

Цитата фундаментальна и повторялась множество раз, но сегодняшнее социалистическое³³ поколение, как говорит Шельба³⁴, отвечает обвинением в узурпации и терроре и бьет в колокола защиты капиталистической свободы, когда под действием одурманивающих наркотиков избирательной демагогии мечтает о фрейдистском возвращении феодализма из внутреннего чрева нашего современного общества, что гораздо более непристойно, чем сам феодализм.

* * *

Восхваляемое буржуазное завоевание свободы земли и освобождение крепостных от земли, практически эквивалентно завоеванию денежным капиталом неограниченных возможностей по приобретению недвижимого имущества, оно нашло свою систематизацию в гражданском праве, возврату к классическому римскому механизму, в наполеоновском кодексе, который возвеличился как памятник мудрости и послужил образцом для законодательства всех современных государств. Вся система вращается вокруг принципа собственности, берущей начало в титуле и доступной всякому гражданину, тому известному «любому», с которого начинаются все статьи буржуазных кодексов. Больше не требуется, чтобы хозяин земли принадлежал к касте или к привилегированному и олигархическому ордену. Чтобы удержать этот титул «любому» достаточно принести соответствующую сумму денег. Однако когда локомотив буржуазной революции двинулся со своей начальной станции, было достаточно только материальной оккупации куска земли со стороны тех, кто годами и поколениями работал над ним. Но как только революция закрепила свою победу в новой системе стабильных правил, для приобретения

³³ Socialistame (итал.) в оригинале.

³⁴ Марио Шельба – христианский демократ, в то время министр внутренних дел.

собственности и её титула возникла необходимость в переходе по наследству или уплате рыночной цены. Таким образом, земля была свободна, потому что любой мог купить её, то есть тот <u>любой</u>, у кого было достаточно <u>денег</u>.

Этот возврат к юридическим рамкам, характерным для римского права, который последовал за отменой феодальной и германской правовых систем, вовсе не означает, конечно, возврата к производственным отношениям и социальной экономике античной эпохи. Достаточно вспомнить, что в Греции, в Риме и в странах, где они господствовали, наряду с демократией, которая сделала свободных граждан равными по закону, в силе оставалось рабство, и поэтому целый класс был вынужден работать на земле, не только не имея возможности претендовать на нее, но и считаясь собственностью других людей, обмениваемой на деньги и передается с семейным наследием хозяев. Хотя среди граждан, свободных перед законом, существовали различные классы патрицианских землевладельцев, ремесленников, с небольшими участками земли, по большей части не прибегавшие к рабскому труду, и, следовательно, купцов и непосредственных рабочих, ремесленников и даже капиталистических хозяев, владеющих денежными средствами, очевидно, что присутствие эксплуатируемого класса на дне социальной лестницы создало совершенно иные отношения, даже приведшие к великим революционным попыткам со стороны рабов.

Следовательно, классический письменный закон, который регулирует право собственности на землю и вообще недвижимость, передачу по наследству, куплю-продажу и т.д., со всеми другими сложными юридическими отношениями, должен читаться следует читать с оговоркой, что субъект, который обозначен традиционным словом «любой», даже если он не является виртуальным членом какого-либо социального комплекса, обязан принадлежать к ограниченному и привилегированному верхнему классу свободных граждан, не являющихся рабами.

Это означает, что реальный закон, теоретическое выражение физических отношений между человеком и вещью и в нашем примере между человеком и почвой, только в абстрактном смысле уступает преобладающей системе конкретных личных прав, типичной для средневековых и феодальных времен, прав, которые являются выражением баланса сил между человеком и человеком (например, запрет на отказ от обработанной земли или на смену профессии). Фактически, в римском мире личный закон господствует в широкой социальной сфере, образованной рабовладельческим производством, расширяя отношения между хозяином и рабом до права на жизнь и смерть. Тем не менее, рабовладелец заинтересован в поддержании жизни, силы и здоровья раба, и Маркс делает

наводящее замечание, что в Древнем Риме villicus³⁵, как начальник, управляющий рабами в аграрном производстве, получал более низкий рацион, чем последние, поскольку его труд был менее тяжелым (цитата из Теодора Моммсена)³⁶.

Революция, которая произоппла между двумя социальными эпохами - в экономическом аспекте это падение рентабельности рабского труда по сравнению с его ценой, в политическом аспекте это грандиозные восстания, наиболее классическим из которых является восстание Спартака, который пал после двух лет гражданской войны в битве под Везувием, в то время как шесть тысяч его сторонников были убиты, а в идеологическом аспекте это моральное равенство людей, проповедуемое христианами, - по сути, в значительной степени исключила ряд персональных прав, запретив рассматривать человека как товар.

Следовательно, воскрешение буржуазной революцией теории римского права для регулирования отношений между человеком и недвижимостью стало существенным новшеством: новый действующий закон касается всех граждан, которые являются членами общества, а не только привилегированной частью, как в античности. Этот современный закон может похвастаться тем, что завершил завоевание свободы в отношении рабства путем освобождения от крепостного права и корпоративных оков, тем, что сделал всех членов общества равными и свободными от личных уз по закону. В области земельной и недвижимой собственности, которая все еще интересует нас, новые кодексы, предписанные наполеоновскими юристами или скопированные, согласно диалектическому закону истории, у юристов вражеских держав, разгромленных Наполеоном, регулируют отношения граждан и свободной земли³⁷.

Но на самом деле юридические формы, гарантированные властью государства и его материальными силами, всегда санкционируют и защищают силовые отношения и отношения зависимости между человеком и человеком, и реальное право человека на вещь остается абстрактной формой. Гражданин Тицио смог стать собственником поместья Туллия, поскольку у него была сумма денег, необходимая для получения титула собственности, выплаченная гражданину Семпронию, поскольку при режиме свободы земли поместье Туллия могло быть отчуждено по выбору предыдущего хозяина. Что означает реальное право Тицио, свободного гражданина свободной буржуазной республики, на свободную землю, которую он купил? Оно означает, что он может оттородить её и, даже не беря на себя расходы на забор, он в праве исключить всех свободных граждан, включая Семпрония, из её границ, и если некоторые из них проигнорируют этот запрет, его титул позволяет ему обратиться к

³⁵ villa (латю) - имение; villicus был хозяином имения.

^{36 «}Капитал» глава 4, примечание 43.

³⁷ В оригинале издания в этом месте пропущена строка.

государственным силам и даже при определенных условиях убить их. Свобода Тицио и его свободное право собственности, распространяемые с помощью философии или теоретического права, выражаются в личных отношениях, заключающихся в ограничении, даже с применением насилия, инициативы всех остальных.

Новый строй буржуазной свободы - это режим собственности, восстановленный в букве закона, даже если эта собственность больше не исключена для каст рабов, крепостных или буржуазии. Поэтому всегда существует система властных отношений между человеком и человеком, и, с социальной точки зрения, всякий «любой» в кодексе делится на два класса: землевладельцы и не-землевладельцы, лишенные юридического права и экономических средств, необходимые для его получения.

* * *

Христианство отменяет <u>касты</u>, либеральная революция отменяет <u>ордена</u>, а <u>классы</u> существуют не в письменном праве, а в экономической реальности. Маркс открыл не их существование и их борьбу, известную и отмеченную задолго до него, но тот факт, что между ними царят, все более худшие, чем между древними кастами и средневековыми орденами, экономический разрыв, антагонизм и социальная война.

В параграфе 3 главы II «Государства и революция» Ленин указал на то, что Маркс в письме от 5 марта 1852 года сам разъяснил первоначальное содержание своей теории следующими точными словами:

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов ».

В этот момент на основании своего исторического разгрома оппортунистов Ленин устанавливает, что существенным в учении Маркса является не классовая борьба, а диктатура пролетариата.

«На этом оселке надо испытывать <u>действительное</u> понимание и признание марксизма».

Третий пункт по отношению к первому не менее важен, поскольку диалектике Маркса удалось установить, что великие исторические факты классовой борьбы, классовой диктатуры не имманентны для каждого общества и любого исторического периода, не выведены из пустых рассуждений о «природе человека» или «природе общества». Человек по своей природе не является ни

хорошим, ни плохим, ни рабовладельцем, ни рабом, ни авторитарием, ни либертарием, его вид не предопределен как неизбежно классовый или эгалитарный, государственнический или анархистский! Помимо этих философских ошибок, марксистская школа, исследуя последовательное развитие фаз производства, устанавливает, что современный пролетарский класс, учитывая социальные отношения, в которых он действует, вынужден использовать борьбу класс революционного насилия, диктаторского государства, чтобы сделать возможным развитие системы производства и коллективной жизни, все более лишенной сервитута насилия и авторитарных государственных рамок.

Возвращаясь к первоначальному формированию капиталистического общества, то, что мы сказали о революционных изменениях в отношениях между денежным капиталом и владением землей, демонстрирует, что без этой фундаментальной области исторический процесс может рассматриваться только односторонне. Мы только напомнили о победоносном распространении капиталистической мануфактуры и промышленности, а также о превращении предпринимательского класса в господствующий класс в обществе и государстве.

Старые социалисты, и среди них мы храним добрую память о Константино Лаццари³⁸, пусть он и не был теоретиком и подобно остальным избегал говорить об отмене собственности в целом, не ограничивались противоречием между фабричными наемными рабочими и их хозяевами и использовали формулу (формулы очень важны, и приведенного выше разъяснения Ленина достаточно, чтобы доказать это): борьба с устоявшимся порядком собственности и капитала.

Маркс в своем письме к Бракке с гордостью критикует готскую программу германской социал-демократии, осуждает выражение: « в современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов ». Маркс решительно возражает:

«В современном обществе средства труда составляют монополию земельных собственников (монополия земельной собственности является даже основой монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о "монополии на средства труда, т. е. на источники жизни". Добавление "источники жизни" достаточно показывает, что в средства труда включена также и земля».

В этом отрывке Маркс имеет исключительную важность для анализа, который мы начали проводить: «в Англии капиталист по большей части не является

³⁸ Лаццари, Константино (1857-1927) - будучи политическим секретарем Итальянской Социалистической партии, принадлежал к его правому реформистскому крылу; после 1917 г. противник большевиков, открыто выступил против революционной тактики на съезде партии 1919 года. Он всегда был озабочен «единством партии», к его уважению, но объективно саботировал давно необходимый раскол в партии.

собственником даже той земли, на которой стоит его фабрика». Это напоминание нацелено против Лассаля, который пренебрег борьбой с землевладельцами в Германии и даже считал, что государство Бисмарка не сможет противостоять борьбе рабочих против промышленников. Все письмо продиктовано озабоченностью теоретической путаницей, возникшей в результате объединения партии с лассальянцами ³⁹: « Пзвестно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой ». Итог прогноза, сделанного Марксом 5 мая 1875 года, можно вывести из приговора оппортунизму социал-демократов, подписанного Лениным 30 ноября 1917 года, когда он прервал свой труд о государстве и революции из-за русской революции.

* * *

Таким образом, буржуазный строй состоит в господстве класса промышленных предпринимателей, капиталистов в торговле и банковском деле и собственников недвижимости. Последние столь же буржуазны, как и остальные, и не имеют ничего общего с феодальной аристократией, уже ликвидированной социально и политически; они происходят от древних держателей денег, торговцев, финансистов, ростовщиков, которые наконец смогли купить землю, ставшую легально доступной для капитала, и сосредоточиться на последующих покупках участков разного размера.

Как говорится в «Манифесте», пролетариат не может подняться, не разрушив всю надстройку верхних слоев, которые составляют официальное общество.

Мы уже напоминали, что буржуазная экономика сама качественно различает следующие три источника прироста: земельная рента, проценты на денежный капитал, корпоративная прибыль. Все это для нас, марксистов, составляет продукт эксплуатации пролетарского труда. В конце этой главы, посвященной регулированию буржуазным правом земельных привилегий, мы проведем существенное качественное различие в степени трех элементов выгоды хозяева, которое продемонстрирует, что третья форма, то есть прибыль

³⁹ В мае 1863 года Фердинанд Лассаль и другие основали в Лейпциге «Всеобщее объединение немецких рабочих»; по их словам социализм должен быть организован в кооперативном и прусском национальном государстве. В то время главными требованиями были всеобщее избирательное право - как средство завоевания власти - и «производственные ассоциации» при поддержке государства для возможности «проложить путь» социализму. «Детство пролетарского движения», - говорят об этой фазе Маркс и Энгельс в «Мнимые расколы в Интернационале», 1872 г. Лассальянцы и Эйзенахцы объединились в мае 1875 года в Готе, чтобы сформировать «Социалистическую рабочую партию». Маркс и Энгельс подвергли критике длинный ряд политически ложных и ненаучных тезисов, свидетельствующих об уступках лассальянству в «Критике Готской программы».

предприятия, помимо того, что она самая современная, является наиболее эффективной и самой опасной и все больше и больше представляет собой сердце капиталистического гнета.

Доход от земельной ренты имеет довольно низкий предел по сравнению со всем совокупным имуществом (сумма денег, конвертируемых при покупке, рыночная стоимость в свободной торговле), и этот предел устанавливается сезонным характером производства в сельском хозяйстве. Валовый (брутто) продукт по прошествии времени может быть увеличен только до определенного предела, которые снижается даже для немногих самых плодородных почв и наиболее интенсивных культур. Поэтому экономика должна всегда говорить о годовой валовой и чистой ренте, и вторая, в большинстве случаев, не превышает 5-6% от капитальной, имущественной, фондовой стоимости.

В качестве следствия эффективной конвертируемости между земельными и денежными владениями, даже процент, получаемый денежным капиталистом, когда предоставляет кредит спекулянтам, собственникам, самому государству, не может превышать этот временный предел и эти годовые ставки в 5-6%, кроме исключительных случаев и особых рисков, связанных с потерей наследства.

Поэтому две традиционные формы, которые характеризуют буржуазного землевладельца или <u>рантье</u>, обладают ограниченной способностью эксплуатации и вымогательства прибавочной стоимости и связаны с непреодолимым препятствием годового цикла.

В современном предпринимательстве, напротив, сила воспроизводства капитала и размах прибыли уже совсем другие, что мы должны понимать даже шире, чем в простой производительной организации на крупных предприятиях и фабриках. Здесь нет сезонного или временного ограничения цикла, генерирующего бругто-продукт и, следовательно, нетто-прибыль. Отношение между чистой прибылью и суммарной стоимостью предприятия может превышать всякий предел, и восстановление всех факторов цикла воспроизводства может происходить очень много раз за классический годовой период.

Поэтому Маркс радикальным образом перевернул алгебру буржуазной экономики, когда в своем мощном исследовании связал прибыль не с удобной буржуазной фикцией фондовой стоимости фабрики, а со стоимостью того же валового продукта, а затем с единственной частью этой стоимости, составляющей заработную плату, выплачиваемую рабочим.

Определенное количество продукта (мы уже остановились на критерии, согласно которому реальная характеристика капиталистических привилегий - это собственность на продукт, а не собственность на землю, здания и машины, которые могут быть представлены различными сторонами), который будет стоить на рынке, например, 1 миллион лир, может содержать, скажем, 900 тысяч

лир на издержки (аренда, проценты, амортизация, накладные расходы, жалованье, заработная плата), тогда прибыль компании будет 100 тысяч лир и, следовательно, 10% от всего продукта; если заработная плата составляет 200 тысяч лир, то норма прибавочной стоимости по Марксу составит 50%.

Но цикл, который производит эту массу продуктов, может повторяться бесчисленное количество раз в течение итогового года, и прибыль компании будет головокружительно увеличиваться, в то время как ежегодные расходы на аренду недвижимости и банковские проценты останутся прежними. Суммарная стоимость этой компании - это величина, которую трудно определить среди бесчисленных хитростей и бухгалтерских уловок современных деловых спекуляций, она может даже полностью исчезнуть, поскольку стоимость завода и стоимость денежного фонда уже возмещены за счет арендной платы и пассивных процентов.

Поэтому буржуазный фабрикант-спекулянт может получить миллион из ничего (с его-то умением!), буржуазный землевладелец или ростовщик⁴⁰, чтобы получить ту же прибыль, должен иметь около двадцати миллионов и, кроме того, ждать целый год, тогда как первый иногда способен закрывать свой цикл в более сжатые сроки, а иногда даже предвидеть реализацию указанной прибыли в производстве.

Теперь согласно критериям различия между фондовыми организационными балансами нам предстоит расшифровать, что не так-то просто, историческую тенденцию капиталистического движимого предприятия к шокирующей сложности его современных форм, и его отношения с формами титульной земельной собственности и источниками финансирования формами, уже известными экономике, с одной стороны, более древней, а с другой, менее яростно эксплуатирующей нищие классы, менее подверженной беспорядкам, противоречиям и непрерывному разрушению в производительном механизме общественно полезных средств, поскольку они были основой менее грабительского, кровожадного и свирепого типа общества, чем самое современное капиталистическое общество.

⁴⁰ В оригинале contantista (итал.) – владелец наличных денег.

Примечание Мираж земельной реформы в Италии

ундаментальная неразбериха заключается во всем, что написано и сказано в политических целях об аграрной трансформации, независимо от того, представлена ли она как революция, параллельная буржуазной или рабочей революции, или как реформа в рамках установленного порядка.

Революции разрушают старые отношения собственности и права, которые прежде не позволяли уже существующим производительным силам с уже разработанными техническими предпосылками двигаться в рамках своей организации. Мы можем называть реформами последовательные радикальные меры в широком историческом смысле, которые реализует новоутвердившаяся революционная власть, чтобы сделать этот технический переход практически возможным, но в обычном и нынешнем смысле реформы являются постоянными обещаниями исправлений, служащими тому, чтобы притупить и замаскировать противоречия, конфликты и тупики системы, что долгое время действовала в подходящих для нее конформистских рамках.

В сельском хозяйстве, как и в любом другом экономическом секторе, необходимо проводить различие между собственностью и предприятием, что под любым углом и с любой точки зрения позволит проследить инновационную программу. Собственность - это факт права, охраняемого государством, система ограничений, налагаемых на социальные факты. А предприятие и его функционирование являются фактом производственной организации, определяемой в принципе техническими условиями и возможностями.

Феодализм, сметенный великими аграрными революциями, не был организационной сетью предприятий, он не организовывал технически и не управлял сельским производством, он эксплуатировал его путем сбора подати с крестьян, обеспечивавших все элементы производства, труда, инструментов, сырья и т.д. Феодальные вотчины были большими и даже огромными, а индивидуальные хозяйства очень малыми, поскольку они принадлежали средним земледельческим семьям, и средними, поскольку они были созданы первыми крестьянами-владельцами, первыми аграрными буржуа, что были тогда угнетенным классом.

Революция, которая в некоторых странах была лишь крупной реформой, разрешила основную юридическую проблему, запретив право синьора на получение этой подати. Ничего не изменилось в технике организации эксплуатации, поскольку синьор и раньше не вносил никакого организационного вклада, поскольку не имел знаний или опыта в области агрономии и торговли или, если он исполнял военные функции, в суде или магистратуре.

Эволюция и, в некоторых странах, серия реформ технической организации, началась не потому, что мелкие землевладения сильно отошли от традиционных методов возделывания, но там, где капитал, вложенный в землю, позволил сформировать новую земельную буржуазную собственность, где на крупных территориях были организованы средние и крупные хозяйства, которые арендовали капиталистические владельцы инвентаря и машин, а в некоторых случаях одновременно управленцы и собственники земли и движимого капитала.

Как революционное достижение, избавление сельского населения от бремени феодализма произошло одним махом только во Франции 1789 года и в России 1917 года, что сопровождало в первом случае капиталистическую революцию, а во втором - рабочую. Начиная с этого момента развитие сельскохозяйственной организации происходило иначе и под влиянием различных сил, и в этом контексте исследование России, её успехов и отступлений особенно интересно. Здесь достаточно вспомнить, что во Франции революционно-юридический формулой была свобода торговли землей, а в России - национальная собственность на землю и концессия хозяйствования крестьянам. Но даже во втором случае рождение класса обогатившейся и средней буржуазии на селе не могло быть остановлено, и борьба с ней имела свои взлеты и падения, начиная с того факта, что в преобладающей мере допускалась свобода торговли товарами.

Еще один фактор отличает два великих исторических явления: во Франции это было интенсивное производство и высокая плотность населения; в России - экстенсивное производство и низкая плотность. Общее у них одно: равномерное распределение сельского населения по обрабатываемой территории.

В Италии, как мы уже говорили, не было великого и одномоментного освобождения от феодального крепостничества, которое и ранее никогда не было социально господствующим. В зависимости от технических данных различных регионов все типы сельских предприятий жили в относительной свободе, от малых до средних и крупных, от тех, которые основаны на интенсивном культивировании, до тех, которые основаны на экстенсивном культивировании, и во всех формах частной собственности, минимальных, средних и больших, или коллективной, располагавшейся на коммунальных и общинных землях. В великой битве за освобождение предприятий и сельских

классов от веса систем сеньориального права не было необходимости, и она не состоялась; а там, где появлялись эти феодальные формы, они встречали сопротивление коммун, синьорий⁴¹, монархий и тех же внешних администраций.

История этих превращений была очень сложными, и мы ограничимся цитированием автора, по общему признанию немарксиста, чье имя мало что значит, но который, всю жизнь работал над вопросами итальянского сельского хозяйства, показав, что это вопросы фермерства — занятия ими политических постов для себя или для своих представителей:

« Существует множество исторических свидетельств преемственности обработки земли в Италии с применением римского права... Нет сомнений в том, что наряду с владениями, регулируемыми римским законодательством, должны были расширяться огромные территории феодальных отношений, владельцы которых не могли их улучшить, поскольку тогда им пришлось бы платить третьим лицам, что не вкладывали бы ничего, и, по правде говоря, остатки этих сервитутов были ликвидированы законодательством XVIII и XIX веков. Но большая часть земли была освобождена от упомянутых связей, как и крепостные в период общего пользования, благодаря которым стали возможными великие аграрные осушительные и ирригационные преобразования в долине реки Π о и плантациях в Tоскане, которые сильно развились в XII-XV веках. В течение этого периода институт аграрного консорциума развивался и укреплялся, что невозможно без абсолютной свободы земли, которая, как теперь можно сказать, является полной, за редкими исключениями, почти во всех цивилизованных странах, это повлекло устранение препятствий третьей стороны выгоде участия полной совершенствования сельскохозяйственных и культурных методов [автор, открытый сторонник личной собственности на землю, настаивает на том, что феодальная форма привилегий должна была быть пропущена, потому что препятствовала развитию сельскохозяйственных производительных сил, достигших зрелости, т. е. развитию инвестиций, капитала и труда в земельную мелиорацию, уже зрелой на то время, и тем самым дает нам хороший аргумент в пользу обоснованности марксистского метода] ».

«Применение наполеоновского кодекса консолидировало этот строй по всей нашей стране, и способствовало отмене феодального устройства в Медзоджорно в 1806 году, в Сицилии в 1812 году и в Сардинии с 1806 по 1838 годы. Гражданское законодательство новой I Італии еще больше подтвердило эту ориентацию, отменив фидеикомиссы и майораты⁴², а затем стремясь ликвидировать все формы участия

⁴¹ В отличие от коммун, которые были политически автономными, суверенными городскими республиками, такими как Венеция или Генуя, синьории обозначают городские правительства или городских лордов с синьором, могущественным, «сильным человеком» во главе.

⁴² Фидеикомисс — поручение в римском праве наследодателя наследнику или отказопринимателю совершить что-нибудь (выдать вещь, часть наследства и даже все наследство) в пользу третьего лица, им

в едином владении землей. Тем не менее, сохранились важные остатки коллективной собственности, при том что наблюдалась тенденция к оправданию всех форм распущенности при захвате земель, а взимание земельной ренты было особенно привилегированно законом. [Все эти меры характерны для буржуазной и либеральной революции, в ожидании которой наши суперослы все еще обновляют требования!]. Таким образом, освобождение земельной собственности было особенно связано с улучшением урожая, которое началось в нашей стране еще в XII веке [не дожидаясь министра Сеньи 43 и оппозиционного эксперта Руджеро Грико44, обратите внимание!], что делает возможным формирование капиталистического селыкого хозяйства [ка-пи-та-ли-сти-че-ско-го, мы повторили цитату без добавления прилагательных, как обычно делают те, кто, как и мы, страдает фобией капитализма, но до такой степени, что приписывает «синьориальный» или «феодальный» в уточняющих кратких скобках] с очень высокой отдачей, чего другой строй не «конечно, не позволил бы »45.

Мы надеемся, что не наскучили своим историческим методом, но как быть? Когда все разноцветные страницы всех печатей говорят, каждые десять строк о баронстве, феодализме, а также о бедной буржуазии и несчастном капитализме, которые не могут свободно развиваться в этой кровавой средневековой деревне (если бы это было правдой!), мы всегда должны плотно забивать гвозди... и снова видим эту потребность сегодня в самых основных вещах.

«Аграрное богатство происходит из земли, которая производит, в зависимости от ее площади, определенное количество продуктов питания, стоимость которых определена на соответствующем рынке [...]. Здесь преобладает явление ограничения этого богатства, да и вообще, например, в нашей стране на время последних аннексий [1918 год] на 287 000 км² этой области 22 600 были от природы непродуктивными или были сняты с производства для других целей, около 264 000 остались выделенными под возделывание, то есть 92,1%. По данным 1921 года население в этих пределах составляло более 37 миллионов жителей, то есть 130 человек на квадратный километр территории и не менее 141 человека на квадратный километр земельных и лесных угодий. У нас действительно большая доля горных районов (более 800-1000 метров над уровнем моря), которая в Альпах включает в себя обширные пространства вечных снегов, и там, а так же на Апеннинах, от 1500 до 2000 метров над уровнем моря и даже более, и она, вероятно, пригодна только под

указанного. Майорат - порядок наследования имущества при обычном праве, согласно которому оно целиком переходит к старшему в роду или семье.

⁴³ Антонио Сеньи — итальянский государственный и политический деятель, президент Италии в 1962-1964 годы, пожизненный сенатор.

⁴⁴ Руджеро Грико— соучредитель Коммунистической Партии Италии 1921, член ЦК; присоединился к группе Грамши, где взял на себя задачу организации сельскохозяйственного отдела.

⁴⁵ Орест Бордига, «Трактат о сельском хозяйстве», 1926.

скудные пастбища и леса. Холмистая местность также имеет обширные пространства оползней, прибрежных равнин с песком и дюнами, болотистых местностей и т. д. Потому наиболее плодородная часть земли, на которой сосредоточена большая часть нашего населения, значительно сокращается — территории с плотностью 300, 400 или 500 жителей на квадратный километр, а иногда даже 700 и 800 ».

« По этой причине частое утверждение болтливых попугаев о том, что среди нас все еще существуют обширные пустоши, подверженные выгодной колонизации, следует принимать с исключительной осторожностью. Конечно, полно плохо обрабатываемых земель, и итальянскому аграрному производству еще есть куда расти. Но приведенные выше цифры доказывают, что вопрос так называемых «невозделываемых почв» имеет очень относительное значение, иначе откуда у нас взяться такой плотной популяции».

Даже попугаи знают, что с 1921 по 1949 год цифры менялись. Действительно, из 301 000 квадратных километров 278 000 являются обрабатываемыми, то есть это сохранившееся отношение в примерно 92%, в то время как население в настоящее время составляет 45 миллионов, что означает, что плотность населения возросла до 150 и 162 человека на квадратный километр, то есть на 15%!

Между голодными годами войны и корыстными пожертвованиями сельскохозяйственных продуктов времен UNRRA и ERP46 кажется очевидным, что производительность сельского хозяйства, из-за малого количества мяса, но большого количества костей, из которых состоит наш полуостров-«туфелька», достигла после оснащения того небольшого прироста урожая, который только был возможен. Что касается населения, оно даже не мечтает остановить увеличение, в 1948 году число превысило полмиллиона человек, достигнув относительного прироста в 10-12 на одну тысячу человек. Годовое превышение рождаемости над смертностью составляло чуть более восьми на тысячу во время демографической мобилизаций Муссолини, которому сегодняшние сплетни приписывают хорошие и плохие способности и силу, в которой он был совершенно не виновен. Считается, что Муссолини запретил эмиграцию, но мера была просто тактически слабым ответом крупным капиталистическим державам, захлопнувшим дверь перед итальянскими рабочими. В любом случае, даже этот предохранительный клапан не сработал, как в прошлом: между 1908 и 1912 годами эмиграция достигла максимума в 600 000 рабочих в год (двадцать на тысячу); после войны, в 1920–1924 годах, она снова восстановилась до более 300 000 рабочих, а затем резко упала; похоже, что в прошлом году она

⁴⁶ U.N.R.R.A. (United Nations Relief and Rehabilitation Administration): Организация Объединенных Наций, призванная «прийти на помощь» странам, пострадавшим в результате Второй мировой войны. Е.R.P. (European Recovery Programm): Европейский план восстановления после Второй мировой войны.

сократилось до 137 000, но большинство из них - временные работники (три на тысячу человек).

Что касается части населения, которая занимается сельским хозяйством, то, по первой довоенной статистике (1911 г.), она составляет приблизительно 25%, а сегодня это будет не менее десяти миллионов человек, но следует отметить, что это десять миллионов производительных единиц, за исключением молодежи в возрасте до десяти лет, недееспособных пожилых людей, некоторых женщин, поэтому очевидно, что подавляющее большинство итальянского населения все еще живет за счет аграрной экономики. Более важно рассмотреть распределение активного сельскохозяйственного населения, которое после второй войны, по оценкам, было примерно следующим: 19% собственников, 8% фермеров, 17% издольщиков, 56% подёнщиков и батраков. Последние составляли большинство, и необходимо учитывать, что большинство собственников, фермеров или издольщиков живут в экономических условиях, близких к бедности. Важно отметить, что доля чистых сельскохозяйственных пролетариев была выше в Медзоджорно, чем на севере и в центре: она составляет около 79% в Апулии, 70% в Сицилии, 69% в Калабрии.

Эта довольно исключительная ситуация в итальянском сельском хозяйстве по сравнению с другими европейскими странами, помимо демонстрации серьезной социальной и политической ошибки, что относит его к добуржуазной экономике, помогает понять, что проблема (очень маленьких или очень больших) перемен в динамике производительных предприятий основана на абсурдном допущении, что вопрос искусственно можно свести к изменению всеобщего или исключительного перераспределения юридической и личной собственности на землю.

Нелегко гулять по саду статистики... В недавних обсуждениях реформы Сеньи по аграрным контрактам оппоненты обвиняли друг друга в том, что они не умеют читать. Мы знаем, как они манипулируют этой статистикой. Во время «битвы за пшеницу» ⁴⁷ министерство сельского хозяйства запрашивало у

⁴⁷ Битва за пшеницу (battaglia del grano) была пропагандистской кампанией, впервые начатой в 1925 году с целью обеспечить себя в поставках пшеницы. Бенито Муссолини: «Через пять-десять лет Италия будет экономически независима от других стран. А до тех пор должна вестись битва за пшеницу, а в остальном мы должны хранить молчание». Эта пропагандистская кампания по продвижению местных товаров была прямым результатом экономической ситуации в Италии после окончания Первой мировой войны. Экономика Италии была в значительной степени разрушена, а продукцию сельского хозяйства было практически невозможно продать из-за низких цен на мировом рынке. По этой причине протекционистские меры должны были поспособствовать развитию сельского населения. Меры по увеличению производства включали улучшение почвы, субсидирование удобрений, оборудование и т.д. В результате средний урожай пшеницы может быть увеличен до 20% в краткосрочной перспективе. В частности, протекционистские меры поддерживали крестьян, и особенно выигрывал бедный юг Италии. Однако из-за сосредоточения внимания на выращивании пшеницы без должного внимания другим сельскохозяйственным продуктам, возникла огромная монокультура.

провинциальных инспекций данные по площади, засеянной пшеницей, и по урожаю, а фашистская партия запрашивала у федеральных чиновников цифры, которые должны быть достигнуты. Федералы и инспекторы не хотели ни ломать голову, ни терять должность. В этой ситуации все действуют одинаково, и все «офисы планирования» проглатывают ложь. Легко понять, чего может стоить статистика, собранная в Италии нынешней обескровленной, раздутой и шатающейся государственной администрацией. Просто подумайте, что мы находимся в многопартийной системе и что степень фальсификаций в общественных делах возрастает по мере увеличения числа участвующих партий.

Более поздние данные из книги Серпиери ⁴⁸, источника, который, несомненно, является авторитетным, когда дело доходит до сравнения ситуации до и после «рисорджименто» ⁴⁹, значительно увеличивают количество собственников, к которым добавляется большое количество долгосрочных узуфруктуариев⁵⁰ и других; и после того, как более или менее закрепилась доля фермеров и дольщиков, они снизили долю подёнщиков и батраков только до 30% от всех занятых в сельском хозяйстве.

Если исходить из переписи населения, то приходится ссылаться на тех фашистов, которые пытались провести социально-корпоративный переучёт профессий и экономических позиций. Но нелегко прочитать число собственников из деклараций, отсортировать городских и сельских или оценить, все ли члены семьи собственника, включая женщин и несовершеннолетних, пользующиеся общими благами, объявлены фермерами-собственниками.

Если мы вернемся к кадастру, который, несомненно, составлен с точными данными, то получим статистику не отдельных лиц, а компаний. Среди них мы находим широкий спектр юридических лиц: коммуны, кооперативы, общества и т. д. Частные компании остаются, но, с одной стороны, во многих случаях коллективным правам собственности семейных подчиняются сложным наследников, что соответствуют все еще к еще неразделенному или неделимому владению, с другой стороны, абсолютно невозможно выяснить, принадлежат ли тому же индивидуальному владельцу несколько ОДНОМУ собственности в разных коммунах государства, так как каталоги владельцев устанавливаются от коммуны к коммуне. Есть 7800 коммун, и каждая имеет тысячи предприятий. Если бы МЫ хотели воззвать К национальной

⁴⁸ Арриго Серпиери (1877-1960), эксперт по аграрному вопросу, автор закона о земельных преобразованиях, основы «интегральной расчистки под пашню» (1929).

⁴⁹ Под «Рисорджименто» («Обновление») — традиционно период национально-освободительного движения (1815—1861).Возможно, здесь под «Обновлением» следует понимать фашистские меры по деурбанизации: увеличение числа крестьян и возделываемых площадей, «битва за пшеницу» и т.д. Данные, по-видимому, взяты из работы Серпиери «Земельная реформа в Италии» (1946).

⁵⁰ Узуфрукт - пользование без прав собственности.

ответственности землевладельцев, то работа была бы такой, чтобы можно было бы, поиграв с комбинаторикой ⁵¹, установить, что служащие специального назначенного супербюро потребляют немалую долю аграрной продукции страны. Как и в духовном наблюдении, сделанном в домах Фанфани и Тупини: нас хватит только на постройку зданий под офисы планирования и не более⁵².

По этой причине, лучшие трактаты объясняют значение статистики по размеру владений относительно числа владельцев с соответствующим количеством голов скота, земельной площадью или аграрной стоимостью (которые воплощают традиционный пропагандистский трюк: 1% владеет 50% земли, а 80% должны ютиться на едва ли 20% поверхности), изображая это на примере воображаемых стран. Предположим, что у нас есть система титульной собственности на землю, свободной торговли землей и передачи по наследству, и тогда не будет другого распределения, кроме указанного в скобках, или - если не будет внешнего вмешательства – иной способ непреодолимо приведет к возвращению указанного распределения, так что тревожная последовательность стадий: много земли для немногих и мало земли для многих - с одной стороны, арифметический эффект перспективы, а с другой стороны, это характеристика гражданского порядка свободной земли в свободной стране.

Разнообразное распределение аграрных владений в Италии по отношению к различным типам коммерческих организаций представляет хорошо известную региональную картину, когда крупная и масштабная собственность и мелкое семейное хозяйство, большие и средние, хорошо оснащенные поместья и небольшие фермы на склоне горы находятся всего в нескольких километрах друг от друга. Разнообразие от региона к региону является неоспоримым, и если мы хотим прийти к рациональному решению технической проблемы, но без серьезного желания изучения сегодняшней условной сельскохозяйственной политики, то можно отметить, что именно региональное разнообразие и его причудливые чередования - повод бороться с недостатками экстремальных случаев с помощью национальной унитарной программы...

Поскольку бесспорно то, что средние и дорогие имения в долине реки По с расцветающим скотоводством и орошаемым земледелием, а также несколько меньшие по размеру фермы центральной Италии, где преобладает

⁵¹ Комбинаторика: раздел математики, имеющий дело с конечными или бесконечными дискретными структурами; Комбинаторика - важная основа для вычисления вероятностей.

⁵² Ироническое отступление в отношении «национальной ответственности» землевладельцев связан с тем, что этот «особый класс» пользуется определенными прерогативами (подобно чиновникам), поэтому и сотрудники «супербюро» получают особую выгоду. Фанфани и Тупини были христианскими демократическими политиками в послевоенной Италии, которые инициировали так называемый план Фанфани в 1949 году, который предусматривал строительство 300 000 единиц социального жилья. Только, как это обычно бывает с реформистскими проектами, выделенные средства были проглочены административным аппаратом, а для строительства дома ничего не осталось.

высокодоходное лесное хозяйство, и целый ряд аналогичных компаний на юге и в Сицилии приближаются к оптимальной производительности, то проблема знаменитых «латифундий» - не единственная, с которой еще предстоит столкнуться, но есть еще по крайней мере два вопроса: большие поместья, которые не будут искоренены бедными простаками сегодня, и крайняя фрагментация мелкой собственности, неотделимая от мелких ферм, - настоящая чума нашего сельского хозяйства, главная причина упадка, нищеты, социального и политического конформизма, по причине неизмеримого рассеивания болезненных трудовых усилий.

Прежде чем остановиться на этих двух бедствиях с реальными данными, давайте сразу отметим, насколько абсурдно то, что господствующая христианскодемократическая партия призывает к разделу владений, к этой глупой утопии «всех собственников» и ее неумелой перспективы наделить бедных крестьян опустошенными землями, которые не годятся для обработки и от которых любой аграрий, даже неграмотный, но обладающий элементарными знаниями ремесла, откажется, даже если они будут отданы бесплатно. Оппозиция неспособна противостоять правящей партии, даже в целях маневра и полемического саботажа, выдвинув хорошо обоснованную критику разрушения земель при СЛИШКОМ мелком возделывании И старинных формах примитивного хозяйствования.

Все собственники: давайте возьмем 270 000 км² и распределим на 45 миллионов итальянцев. У каждого будет три пятых гектара, площадь, которая, если бы она была квадратной, была бы чуть меньше квадрата восьмидесяти метров на восемьдесят. Секта имбецилов, рожденная на этой земле режимом свободной собственности и геометрических кадастровых разделов, потребует 300 метров с каждой собственности, и если бы мы хотели установить заборы, даже самые простые, их экономическая стоимость приблизилась бы к реальной стоимости малой земли... И крошечные размеры обрабатываемых полей, сгибающие человека к изнурительному рабству мотыги, - только одна из причин снижения производительности.

Не думайте, что эта аргументация абсурдна, поскольку реальная статистика представляет образцы еще более раздробленные клочки земли.

Обращаясь к статистике средней площади кадастрового участка, то есть доли земли, которая не только принадлежит одной ферме, но и одинаковых культуры и плодородия, мы естественным образом получаем площадь меньше чем средняя площадь одного из многих участков в собственности компании, но это дает лучшее представление об измельчении аграрных площадей с точки зрения технического управления. В то время, как в нашем воображаемом случае каждый итальянец будет иметь 0,60 гектара, то есть 60 соток, существуют провинции, где средний участок еще меньше, это Аквила и Турин: 35 соток, Неаполь: 25 соток, Империя: 22.

Упомянутый автор защищает режим свободной продажи земли и семейного владения, поскольку он...

« представляет собой очень эффективный стимул для улучшения земли и ее культуры посредством максимального использования труда владельца и членов его семьи », а также потому, что он « приводит к лучшему разделу богатства и меньшей доле без запасов (...), и все, что производит мелкий фермер, в отличие от ренты от сдачи в аренду, а иногда и прибыли сельскохозяйственного капиталиста в виде крупной собственности, остается целиком в деревне и способствует улучшению земли и тех, кто ее обрабатывает », - вот что он говорит о фрагментации земли, и его нельзя заподозрить в социалистических тенденциях.

« Разделению владений соответствует аналогичный процесс культуры, которая обычно осуществляется трудом самого владельца и его семьи, что, таким образом, компенсирует недостаточность ренты и прибыли, чтобы гарантировать необходимый минимум для существования [...]. Класс очень мелких собственников, как и все трудящиеся классы вообще, имеет очень высокий коэффициент рождаемости, следовательно, факт, что в среднем у него больше наследников, чем в крупных сословиях, и что, с другой стороны, средняя продолжительность жизни этих трудолюбивых и не щадящих себя фермеров всегда короче, чем у зажиточных классов. Π ередача собственности по наследству, по этой причине, происходит чаще, и она делится так, что каждый наследник имеет свою долю земли, в то время как, с другой стороны, как правило, им не хватает движимой собственности, с помощью которой ликвидируются доли некоторых наследников в зажиточных классах [...]. Вот почему мелкая собственность имеет тенденцию к разделу гораздо чаще, чем крупная, с серьезным недостатком, заключающимся в том, что каждый наследник требует свою долю семян, винограда, оливковых деревьев и т.д. Таким образом, клочки земли в несколько акров или даже несколько квадратных метров и владения, собранные из разных участков, расположенных очень далеко друг от друга на коммунальной территории, помогают нам понять, как много тратится времени, энергии и труда на это измельчение.

Кроме того происходит реальная потеря плодородной земли во время отметки границ, которые, при оценке в 0,30 метра только на проход людей, забора или чегото еще, составляет 12% на один ар, и только 1,2% на один гектар. Такое приумножение границ еще более приводит к судебным разбирательствам из-за узурпации, нарушениям, смещению границ, ненадлежащему насаждению и т.д., в которых добрая часть скудных доходов мелких собственников растрачивается непродуктивно. Недаром Сардиния, которая помимо бескрайних просторов пастбищ, лесов, коммунальных благ и т.д., также имеет по-настоящему раздробленную собственность, имеет больше всего разбирательств по этому поводу.

В Сардинии так много маленьких земель, что в довоенное время тут и там происходила фискальная экспроприация за неоплаченные налоги в 5 лир!»

А сегодня государство собирается экспроприировать толстосумов?!

« Неизбежное измельчение собственности, являющееся следствием фактов, изучаемых нами, может быть неблагоприятным для роста селыскохозяйственного производства, особенно потому, что мелкий собственник из-за слабости его дохода не может создать достаточный оборотный капитал. Π о этой причине ему обычно не хватает тягловых и продуктивных животных, он прикован цепью к лопате и кирке даже там, где мог бы использовать плуг, и он не хочет вводить лучшие инструменты, удобрения, современные искусственные или любые другие сельскохозяйственного производства, потому что в первую очередь он не имеет средств на их приобретение, а во вторую очередь, как правило, из-за мизонизма ^{53} и консерватизма и отсутствия культуры. Если ему удастся сэкономить, то он предпочтет купить, по бог знает, по какой цене, небольшой участок земли, а не собирать оборотный капитал».

Для краткости прервем оставшуюся часть картины с неизбежными ростовщическим долгом, нищетой, нехваткой жилья и описанием самых бедных регионов, что есть не только в регионах Кампания, Абруццо или Калабрия, но также и в Эмили и горах Венето, « которые из-за раздела собственности могут быть квалифицированы как земли подлинной сельской демократии ». Демократия вполне определенно является христианской и является лучшей почвой для посева политических семян нынешнего правительства.

На месте преступников теперь должен сесть другой обвиняемый, крупный помещик. Прежде всего, следует отметить, что латифундий представляет собой крупную земельную собственность, но, по крайней мере, в четырех из пяти случаях он не представляет собой единицу предприятия или культуры, поскольку разделен на небольшие фермы или мелкие издольные хозяйства. Мы также можем винить в этом все или почти все преступления, связанные с парцелляцией.

С чем обычно у остальных нет согласия, так это с тем, что отмена юридического титула владения не означает дробления на меньшие участки культуры и организацию в крохотные и мелко организованные производства, поскольку все причины, вызвавшие явление латифундий, сохраняются. Мы можем только вернуться к парцелляции, которая, нанося ущерб уже плодородным землям, является катастрофической на бесплодных землях и может привести к ухудшению ситуации и чаще всего к восстановлению латифундий, если мы не подавим свободу купли и продажи.

Условия, которые породили латифундии, комплексные, и здесь не место для их обсуждения. Мы начнем с непреодолимых природных условий, с геологической природой земли. Например, в Сицилии общирные глинистые

-

⁵³ Враждебность к новизне.

образования эпохи эоцена⁵⁴ непригодны для лесного хозяйства и позволяют только экстенсивное выращивание пшеницы; недалеко от этих регионов, в провинции Мессина, расположенной на гранитных образованиях, провинции вулканической Катания, преобладает интенсивное И рассредоточенное возделывание. Эндемичная природа малярии появляется из-за гидравлического развала горных склонов и низменных рек, редкого населения и исторических причин, о которых несколько раз вспоминали, вторжения с побережья и отсутствие безопасности до недавнего времени. Эпоха, столь же недавняя, что сами американские освободители и благодетели, едва прибывшие в Калабрию и ликвидировавшие фашистских лесных партизан по очевидному зову демократической морали, в качестве военных трофеев уничтожили многовековые леса калабрийских Апеннин; таким образом, они непоправимо усугубили эпидемию нерегулируемых вод в направлении низменных, неблагополучных и нездоровых прибрежных равнин. Затем они бросились помогать с DDT.

Экономически эти отношения определяются тем фактом, что землевладелец чаще всего доверяет управление капиталистическому спекулянтуфермеру, которому достаточно небольшого операционного (оборотного) капитала, и который эксплуатирует землю через серию субаренды пастбищ пастухам и пахотных земель мелким фермерам, которые из-за конкуренции

« теряют почти всю коммерческую прибыль в пользу крупного фермера... Они никогда не живут на возделываемых землях, но приезжают работать издалека, когда происходит посадка и сбор урожая, они укрываются в стогах сена, пещерах, гротах или даже в залах или под ангарами с уже указанными нами последствиями...».

Эти мелкие фермеры живут в более худших условиях, чем обычные подёнщики, с другой стороны, никогда не смогут организовать менее экстенсивное сельское хозяйство из-за отсутствия операционного капитала.

Предложение по решению проблемы латифундий с помощью принудительного раздела земель очень старо, и было уже много примеров, восходящих к древнейшим временам, которые приводили к экспроприациям изза неудавшейся мелиорации необрабатываемых земель. Но неудачи этих попыток не заставляли себя ждать, особенно в тяжелые экономические времена. В действительности недостаточно выгнать нерадивого собственника, который, тем не менее, при нынешнем строе все еще получает большую компенсацию за счет населения, необходимо будет обеспечить бенефициаров не только оборотным, но и основным капиталом для выполнения работ, которые намного превысили бы для каждой доли участка уже оплаченные расходы на экспроприацию.

⁵⁴ Эоцен — вторая геологическая эпоха палеогенового периода; началось около 56 и закончилось около 34 миллионов лет назад.

Фактически, дома, улицы, культивации, акведуки и т.д. должны быть спланированы и профинансированы, чтобы крестьяне могли там жить; поскольку нужные преобразования вступят в силу только в долгосрочной перспективе, до этого времени крестьянам так же необходимы деньги. В 1894 году после движения сицилийских «фаши» 55 появился проект Криспи; с 1883 года закон о римской земле санкционировал сегодняшний «революционный» принцип экспроприации крупных необрабатываемых территорий, который затем перешел от законов Серпиери 1924 года к действующему закону Сеньи. Либералы, фашисты, христианские демократы собирались прибегнуть к экспроприации много раз, но за годы случаи применения можно пересчитать по пальцам одной руки.

Мы не будем рассматривать предложения итальянского и иностранного законодательства, направленным, наоборот, на ослабление раздробленности сельскохозяйственной собственности, потому намерены противопоставлять реформе правительства противоположную реформу, мы просто хотим подчеркнуть, что технические эксперты оппозиции, понимающие конкретные и случайные условия, не задумываются об этом. Убежденные в том, что русская аграрная революция была распределением земельных участков в пользу титульной собственности, они не видят дальше своего носа и знают только, как требовать перераспределения земли крестьянам и даже батракам, конечно, также и подёнщикам, и однозначно не в коллективное управление, но в индивидуальную собственность, абсолютную и неограниченную собственность; это последнее распоряжение Коминформа, о чем можно прочитать во многих статьях в «Unità» по аграрному вопросу и проблемам Юга. В России земля не была сразу экспроприирована и распределена, а только были отменены феодальные привилегии дворянства и духовенства и освобождены от этого свинцовой тяжести небольшие существующие хозяйства, границы которых, поначалу, не были смещены. Затем была предпринята попытка, без особого перегруппироваться крупные, В более государственные кооперативные хозяйства; и поэтому этот факт составляет историческую проблему совершенно отличную от нашей, о чем авторы даже не догадываются: ни о доле горной и равнинной местности в России; ни о плотности населения в 9 человек на квадратный километр, и 30 - в европейской части России, а не 150, как здесь; ни о доле обрабатываемой земли к общей площади составляющей 25% вместо 92%, как у нас, и это несмотря на огромную равнину и не считая азиатскую Россию, лишь на черноземных территориях Украины это отношение возрастает нестабильных практическом отсутствии класса сельскохозяйственных наемных работников и т. д. и т.п.; и все это потому, что

⁵⁵ Fasci (ит.): Пучок. Ассоциации социалистических или анархистски настроенных крестьян, рабочих и подёнщиков, которые соревновались с латифундиями между 1891 и 1894 годами и которые также имели сепаратистские намерения. По приказу правительства Криспи движение было подавлено военными

эти господа больше не преследуют более высокие цели и принципы, а посвятили себя изучению конкретных и непосредственных жизненных условий «народа»...!!!

Если мы на мгновение остановимся на предложении христианских демократов – было легко предугадать испуг крупных землевладельцев по поводу того, что социал-коммунисты не принесут им головной боли, даже если окажутся в министерстве, но приходится ожидать ударов от христианских демократов - их пустая демагогия абсолютно очевидна. По словам христианских демократов, по всей Италии пострадает около восьмидесяти крупных объектов, принадлежащих миллиардерам. Часть их них будет отобрана. Речь шла об установлении максимумов. Необходимо было учитывать не только размеры собственности, но также и богатство, которое оно представляет, и для этого, кажется, они измеряли не максимальную площадь, а налог на собственность, который, как предполагается, составляет показатель стоимости фонда. Но при одинаковой площади крупная ферма, управляемая современным способом, может даже стоить в 15 раз больше, чем горные или пастбищные угодья, и в основном это зависит от стационарного оснащения. Было бы неверно экспроприировать 100 гектаров, которые уже некуда улучшать, чем 1500 гектаров почти безлюдной земли. Тогда было установлено два юридических критерия: ударить по собственности более высокой стоимости и по собственности с урожайностью ниже средней, что якобы указывает на заброшенное возделывание. Поэтому супертехники должны были предложить Сеньи классификацию из восьмидесяти богатеев, которых нужно принести в жертву, посредством коэффициента, полученного путем умножения налогооблагаемой суммы крупной собственности на её площадь в гектарах или, что то же самое, путем деления квадрата налогооблагаемой суммы на средний налогооблагаемый доход. Алгебра? Да, реформистская и конкретистская алгебра.

Но критерий отбора отдельных богачей не имеет значения. Вопрос в том, что делать с землей, которая была отобрана у них, даже если только частично, - в этом случае легко предсказать, что они получат хорошую компенсацию и что с их шеи будут сброшены старые и непригодные для возделывания остатки - и как дать «свободным» крестьянам возможность освоить её в новой сельской и христианской демократии. Кто-то будет обязан внести оборотный капитал и еще на восстановление земель. Это больше капитала важный Индивидуальный или коллективный фермер, безусловно, не сможет это сделать. Государство будет ссылаться на обычные специальные законы, например, о мелиорации сельскохозяйственных земель, о скудных ассигнованиях, доступных для обычных жуликов, в то время как с другой стороны, государство окажется не в состоянии обеспечить не только новые инвестиции в сельскохозяйственное оборудование или даже ремонт установок, пострадавших Международный капитал и известные американские фонды и планы способны на это еще меньше, поскольку их основным критерием является инвестирование

на короткие циклы - официально закончившийся в 1952 году План Маршалла - и весьма прибыльные.

Проблема сводится к вопросам экономики вообще и мировой политики. Изменение титула собственности, если это произойдет, ничего не решает. Земельные реформы осуществимы во времена процветания и наличия капитала по выгодным ставкам и долгосрочного кредита. Для такой страны, как Италия, есть только эти два решения. Первое: экономическая автаркия, принятая нашей буржуазией после благоприятной войны, которая сковывала бы национальный капитал в стране и заставляла его частично улучшать землю. Такая возможность, политическую автономию, военную силу и предполагающая внутреннюю власть, оказалась исторически ликвидированной; Фашизм добился некоторых результатов, в том числе осущения понтийских болот, что так часто пытались осуществить в истории цезарей и пап. Второе: зависимость от мировой державы, которая заинтересована в сильном производстве продуктов питания для итальянского народа, на внутреннем рынке и в коммерческих или военных целях. Это не относится к Америке, которая, особенно ввиду производственных кризисов, в значительной степени полагается на планирование производства продуктов питания, которое теперь перешло от локальных циклов прямого потребления к обширному мировому движению, столь же плодотворному для спекулятивных прибылей, как и производство промышленных товаров, и которая, в случае войны, сбросит атомные бомбы, раскидав ящики консервных банок своим наемникам. Это также не относится к России, которая не включит Италию в свою сферу и не будет иметь экономических интересов в господствующих странах с высокой плотностью голодных ртов; и в любом случае она не экспортирует капитал в эти страны, но должна, напротив, импортировать его и соревноваться на военном и политическом поприще на грани холодной войны, чтобы получить прибыль от инвестиций западного капитала. Это даже не относится к тому случаю, если Италия окажется под влиянием мирового созвездия, полученного по соглашению двух или трех великих держав, которое будет колонизировать все континенты и океаны, а не костлявые ребра Аусонии⁵⁶.

Следовательно, нынешняя аграрная реформа в Италии состоит в распространении демагогических глупостей и не выходит за рамки мелкой политической борьбы между группами и интересами, которые, обеспечивая влияние на народные течения внутри страны, надеются продать свои услуги иностранным руководителям по высоким ценам.

-

⁵⁶ Аусония (греч. и лат.) - поэтическое название Италии.

Министр Сеньи хвастается своим знаменитым «расчленением»⁵⁷ - честный термин для тавматургии ^{58} низкого сорта - самых крупных поместий, чтобы обеспечить несколько сотен тысяч мелких собственников, то есть итальянских босых нищих, годящихся для прихода, казарм и посмешища для всех цивилизованных капиталистических стран с обоих берегов океана. По его указке тысячи свечей и штыков производятся ночами в итальянской деревне, таких какие Наполеон требовал в Париже, а Муссолини - в наших мало населенных промышленных городах. Но после признания успеха в расчленении, разделении и заселении участков земли, как он намерен регулировать процесс передачи и преобразования собственности? Что он будет делать с священным принципом современного гражданского права, принципом свободной торговли землей? контролировать концентрацию, eë «рекорпорацию» арифметическими пределами, которые будут подлежать проверке всякий раз, когда нотариус составит акт купли-продажи земли или наследства? Одной лишь мысли о таких атрибутах должно быть достаточно, чтобы у самого горячего сторонника экономического «дирижизма» встали волосы дыбом.

Считаете ли вы, что социал-коммунисты, ставшие после вчерашнего заигрывания напыщенными врагами сегодняшних реформаторов христианской демократии (но по совершенно другим причинам), способны бросить в лицо Сеньи аргумент, что любое реформистское усилие подтверждает, что капиталистический строй должен быть не изменен, но уничтожен? Как бы не так! Они восклицают, что смертельно важно реформировать, еще больше расчленить, раздробить, дабы еще больше приумножить поколение сельских демократов, которые, устранив красные силы классовой борьбы в деревне, восславят итальянскую пролетарскую историю, создадут фаланги избирателей по правительственным спискам, армии призывников генерального штаба Америки на предприятиях в России.

История учит, что ренегаты, отличившиеся такими шедеврами, всегда переходили на службу к новому хозяину.

Не менее поучительно, что предмет земельной реформы - это сельскохозяйственные договора. Антифашисты всех оттенков дали большие обещания реформ, когда они вырвали шаткую Италию из рук фашизма, не осознавая, что единственно возможные попытки реформизма в современном мире основаны на тоталитарной политике. Ни нацистский фашизм, ни сталинизм не являются революциями, но они представляют собой серьезный реформизм и предоставили этому убедительные доказательства. Реформизм

⁵⁷ В оригинале «scorporo» - «дискорпорация».

⁵⁸ Тавматургия (греч.) - «чудотворство», способность творить чудеса с помощью богов.

новой Италии как о стенку горох ⁵⁹. Антифашисты обещали освоить три основных сектора: государственную реформу, промышленную реформу и аграрную реформу. Большинство и оппозиция, на которые был разделен тогдашний фронт освободительных комитетов того времени, с их противоречивыми подходами, пересекающимися во всех направлениях и отсутствием достижений, каждый день доказывают свою пустоту и не противостоят друг другу по-настоящему, чтобы следовать компасу своих социальных и политических позиций.

Они считают многословие полезным, например, для завоевания голоса рабочего и занимают сторону хозяина, и якобы ломают копья, противостоя буржуазии и среднему классу, но на деле только вручают им оружие.

Договор аренды земли, для которого демагогический тезис защищает простое блокирование, т.е. на запрет со стороны владельца выселить арендатора, скрывает в тех же юридических рамках заметно отличные экономические и социальные отношения. Плагиат тезиса о блокировании аренды за жилье который, как будет показано, является еще одной бессмыслицей - не означает, что мы скажем нечто новое по этому вопросу. При небольшой аренде арендатор, который использует свой материальный труд в дополнение к минимальному и неоценимому оборотному капиталу, сталкивается с землевладельцем, будь тот крупным, средним или мелким собственником, поэтому, несмотря на факт выплаты денег вместо их получения, первый является работником. На большой напротив, землевладельцем сталкивается капиталистический предприниматель, который на современных фермах обращается к наемным рабочим, а объекты с отсталым земледелием сдает в субаренду мелким колонам. Заряжать батареи для его защиты, а не для нападения на него, является ужасной ошибкой, самоубийством рабочих партий, даже умеренных, отрицанием исторической классовой борьбы итальянских земельных рабочих, которые состояли в сицилийских фаши против габелотто⁶⁰, версуриеро⁶¹, деревенского торговца, подлинного и отвратительного буржуа, и даже раньше, в Полезине⁶², в 1884 году, восстали против предпринимателей со знаменитым боевым кличем: «La boje! - La bolle e deboto la va de fora!»⁶³ - и сегодня, впрочем, как всегда,

⁵⁹ В оригинале «fa sudare i rinoceronti» (итал.) - заставить носорога вспотеть

⁶⁰ В оригинале Gabellotto: на сицилийском диалекте арендатор, который часто сдавал участки в субаренду; gabellare = тратить себя на что-то, что-то подделывать.

⁶¹ Versuriero - в Медзоджорно бизнесмен, торгующий землей; versura = южно-итальянская единица аграрной площади различной стоимости.

⁶² Регион Южной Венето, между По и Адидже.

^{63 «}La boje» - это имя, под которым вспоминают крестьянское движение 1882—1885 годов. Воје означает пузырь, а боевой клич на диалекте долины По относится к котлу на плите, который кипит, и, следовательно, означает что-то вроде: Котёл вот-вот переполнится.

несмотря на подлость своих лидеров, они настроены также против ружей демократического и национального итальянского государства.

С помощью законодательства, которое было разработано без малейшего представления о чем-либо, аграрный капитализм в Италии явно опирался на протекционизм аренды – даже за счет земельных собственников, что также стали полностью буржуазными, хотя уже менее кровожадными. Примером тому знаменитые указы Гулло⁶⁴, которые вдвое сократили <u>арендную плату</u> за так называемые «пшеничные» контракты. Что это за контракт? Аренда обычно оплачивается наличными. Однако это может быть натуральная плата в продовольственных продуктах, другими словами, каждый год фермер поставляет определенное количество одного или нескольких продуктов питания независимо от валового продукта, поскольку речь идет об аренде, а не о частичным колонате⁶⁵. Таким образом, землевладелец защищен от колебаний стоимости валюты и снижения своего реального дохода, что зависит от общей инфляции, как это часто происходит после войн. Но многие землевладельцы не находят никакого преимущества в получении продуктов питания, поскольку в случае крупного фермерского хозяйства то будет значительная масса товаров, которые нелегко транспортировать, хранить и т.д. Поскольку они по-прежнему хотят защитить себя от колебаний валютных курсов, было решено платить за аренду деньгами, но не фиксированной суммой, а годовой урожайностью обычных товаров - пшеницы, неочищенного риса, конопли - из тех, которые чаще всего официально привязаны к государственным ценам, в количестве, указанном относительно размера фонда. Мы слышим, что рента составляет четыре центнера пшеницы с гектара, но может случиться так, что фермер не поставит пшеницу, так как он, возможно, даже не вырастил и не собрал ни зернышка, занимаясь животноводством или выращиванием других культур. Для той же цели мы могли бы предусмотреть ренту в долларах или в золоте, зная, что мы еще не нашли дерево, которое приносило бы эти фрукты. Что ж, при уменьшенной вдвое ренте, ни один трудящийся крестьянин ничего не сэкономил, поскольку по самой своей природе система почти никогда не применяется к мелким арендаторам, в то время как аграрные предприниматели гораздо богаче землевладельцев и иногда и сами являются владельцами огромной городской и деревенской недвижимой собственности, собирающей миллионы.

⁶⁴ Гулло Фаусто (1887-1974): депутат КПИ, министр сельского хозяйства и юстиции.

⁶⁵ Частичная аренда или частичный колонат - переходная форма от первоначальной формы ренты к капиталистической - собственник предоставляет в пользование также инвентарь, а арендатор (колон) тратит либо только свою рабочую силу, либо вдобавок другую часть оборотного капитала; он платит в качестве аренды определенный процент своего урожая в деньгах или натуральным образом; тогда как при стандартной аренде доля устанавливается количественно, вне зависимости от урожая.

Считается, что сегодняшние Солоны ⁶⁶ еще не поняли этих простых взаимосвязей.

В случае с издольщиной, с одной стороны, все народные копья в пользу издольщиков были сломаны без учета того, что даже среди них есть некоторые, кто, как и предприниматели, прибегают к найму работников. Для их защиты было решено увеличить долю продукции издольщика. Но в Италии контракты на частичный колонат сильно разнятся в зависимости от урожая, разными долями земельных участков и разными платежами по авансам, расходам и налогам для подрядчиков, так что создается худший беспорядок. Слева в какойто момент раздался гром, что эта форма договора должна исчезнуть как принадлежащая К феодализму. И мы снова здесь: пролетарская социалистическая партия не собирается превращать, кнутом или пряником, капитализм в социализм, но проследит, чтобы капитализм не вернулся к феодализму. Поэтому призвана не покрывать позором, возродившийся капиталистический идол... Во всяком случае, аргумент, ложный в самом корне, ложен во всем остальном:

«Договор об издольстве имеет очень древнее происхождение и принадлежит всем странам, в которых господствовало римское право, поэтому он особенно широко распространен среди нас, а также во Франции и в иберийских странах... »⁶⁷.

Такой договор сильно развился много после освобождения крепостных в Италии с XIII века... Влияет ли издольщик на техническое развитие сельского хозяйства и как влияет на различные виды сельскохозяйственных культур - очень сложная проблема; в социальном плане важно то, что издольщик должен рассматриваться не только как противник помещика, но и противник пролетариата; в этом случае он - работодатель, буржуа, враг; и что он находит представителя, издающего законы в его интересах. Последний честно убежден в пользе этих законов и неумышленно прислуживает издольщику... приняв его, вопреки здравомыслию, за крепостного или товарища-пролетария.

Когда христианские демократы предложили скорректировать форму арендных платежей, все еще продолжались возгласы против феодальных пережитков и объявление охоты на этого ошибочно подозреваемого. Существует долгосрочная аренда, когда собственник получает фиксированную постоянную ренту от оператора, и он не может ни отклонить ее, ни попросить увеличения, напротив, именно арендатор может выкупить землю, если он не посчитает нужным обойтись двадцатикратно выплаченной арендой. Это право передается

⁶⁶ Солон, около 600 года до н. э. афинский государственный деятель и один из семи мудрецов Греции; будучи выдающимся реформатором и перестройщиком Полисного союза, он как законодатель ввел ограничения на скопление земельных владений в руках отдельных лиц.

⁶⁷ Орест Бордига, «Трактат о сельском хозяйстве», 1926.

и продается как право собственности. Какого черта эти исключительно коммерческие отношения называются феодальными? Это правда, что некоторые ранние буржуазные законы изначально хотели ликвидировать эту форму в то же время, как и многие другие феодальные формы, но:

« Долгосрочная аренда возникла во времена поздней Римской империи в результате постепенного преобразования государственных концессий на землю в вектигальную форму ^{68} , то есть в бессрочное право колона с обязательством возделывания и платы пошлину и так далее...» ^{69} .

В любом случае, эта одержимость феодализмом может быть исторической ошибкой из-за заразительной боязни, но самая большая из ошибок принадлежит реформисту, который не видит, что прибыль уходит в карман, принадлежащий далеко не тому, о ком он так печется. Зловещие социал-коммунисты, проголосовав против десятикратного увеличения арендной платы, были убеждены, что действуют в пользу массы трудящихся крестьян, которые в долгах по краткосрочной или долгосрочной аренде перед крупными землевладельцами. Частично это так, но эти арендаторы составляют всего несколько тысяч, и на самом деле арендные ставки настолько низки, что благодаря экономическому релятивизму они фактически являются привилегированными по сравнению с любым другим типом аграрного управления, так что новое бремя, конечно, не было так непомерно. Но в большинстве случаев собственники владеют дополнительной землей на условиях долгосрочной аренды и управляют ею, как и другими землями, находящимися в аренде или частичном колонате. Низкая рента за долгосрочное пользование предоставляется коммунам, учреждениям социального обеспечения или религиозным общинам, которые во многих случаях видели, что их доходы сводятся на нет инфляцией. Если бы можно было заблокировать логическое постановление правительства, то большая часть ренты, которая с этого года (1949) была бы выплачена сверх обычной, пошла бы в карманы собственнического класса, который так хотелось бы устранить и атаковать как отсталый и паразитический класс...

Те, кто прибегает к этим техническим, реформистским, законодательным методам, и чье проницательное ясновидение было так высоко оценено в сравнении с нашей слепой верностью максимальным принципам, забывают только одну деталь: их глаза расположены на затылке, чтобы не слишком грубо ориентироваться в пространстве.

Они тридцать лет пытаются тщательно изучить конкретные проблемы, но в любом случае, только создают видимость. Например, они не знают, сколько

⁶⁸ Вектигаль: по римскому праву регулярная дань, древнейшая форма налогообложения; скорее всего, рента выплачивалась только за пользование пастбищами и государственными землями.

⁶⁹ Орест Бордига, «Трактат о сельском хозяйстве», 1926.

крупных южных имений с общирным земледелием возникло в результате накопления долгосрочной ренты, купленных по низким ценам бедняками, и насколько удобно для землевладельцев то, что рента все еще выплачивалась в довоенных лирах, а иногда даже в долях лиры. Каждый скромный стажер, занятый оценкой стоимости земли, учитывал эту предсказуемую корректировку ренты. Все эти явления являются продуктами гражданского устройства свободы земли, последствия которого будут оставаться неизменными до тех пор, пока не будет подорвана эта вольная ярмарка буржуазного капитализма.

С берегов Потомака великий шарлатан капитализма⁷⁰ освятил все свободы. Он забыл про одну из свобод, но его сторонники, ученики и достойные союзники практикуют её с великодушием, энтузиазмом и, что еще хуже, с восхитительной добросовестностью: свободу нести чепуху.

⁷⁰ Намек на Франклина Рузвельта, президента США с 1933 по 1945 годы. В 1941 году он провозгласил четыре свободы с целью создания антигитлеровской коалиции: свобода слова и выражения; Свобода каждого исповедовать веру по-своему; Свобода от нужды и свобода от страха.

Глава VI Городская недвижимая собственность

Капитализм и городская собственность на здания и землю

рганизация экономических и юридических отношений, относящихся к зданиям и городским землям в эпоху современного капитализма, может показаться менее важной, чем агрокультурный сектор, с одной стороны, или промышленное производство, с другой.

Помимо объем ТОГО факта, ЧТО экономического представленный управлением жилищным фондом, не является незначительным, поскольку он составляет довольно большую долю бюджета каждой семьи усредненного населения (в Италии в обычное время и для определенных социальных слоёв эта доля достигает до четверти и более бюджета), проблема очень интересная, так как ее рассмотрение позволяет очень существенно выяснить ряд фундаментальных элементов и экономических отношений, чтобы понять современное развитие капитализма, в частности, всего, что касается отличий между титульной собственностью и совокупной собственностью, которые в определенном смысле представляют собой статику частной экономики, и непрерывными отношениями управления и оборотных операций, расходов и доходов, которые составляют её динамику.

Чтобы начать экспозицию по порядку, мы дадим обзор исторического происхождения городской частной собственности, предмет, который заслуживает подробного изучения и рассмотрения.

Этот процесс сильно отличается от того, что привело к определению и разделу сельскохозяйственных объектов собственности. Когда кочевые племена поселились на плодородных землях, начался переход от коллективного пользования и обработки к разграничению индивидуальных и семейных кусочков земли, происходивший разными способами. Через бесчисленные конвульсии и потрясения мы пришли к классической и хорошо систематизированной римской системе, а оттуда к феодальной системе, вплоть до победы буржуазии, о чем мы говорили в четвертой и пятой главах, сельскохозяйственные земли становятся пригодными для продажи, и эта юридическая дисциплина воскрешает римскую систему.

Превратности жилья нельзя спутать с особенностями сельскохозяйственных земель. Бывший кочевник или полукочевник, охотник, рыбак, собиратель диких растений, затем первый земледелец, переносят всюду с собой свое жилище, колесницу, кожаную палатку или легко импровизируют его постройку в рудиментарной хижине или в естественных пещерах.

С образованием частных и стабильных сельскохозяйственных хозяйств население, занимающееся земледелием, чаще всего самостоятельно строило первые постоянные жилища на полях; до сегодняшнего дня их следует соотносить как с землей, так и с производственным управлением, так же, как с сельскохозяйственным инвентарем, которым человеческий труд на протяжении веков обрабатывал верхний слой голой почвы. В этом разделе мы хотим проследить рождение уже городского жилья.

Очевидно, что первые агломерации постоянных строений возникли не для прямых нужд несельскохозяйственной производственной техники, поскольку в менее развитые времена первоначальное производство было хорошо совместимо с рассредоточением населения и ежедневными и сезонными временными распорядками в земледелии. Больше чем первые ремесла и производства ненатуральных продуктов решающими для возникновения городов были потребности социальной, политической и военной организации. Поэтому мы можем думать, что городское пространство зародилось в коллективном устройстве, и только после этого оно было разделено на отдельные области в соответствии с потребностями администрации, обороны, господства, в отношении разбросанных масс или ордам захватчиков. Весь пояс возведенных городских стен, следовательно, принадлежал королю, тирану, военачальнику, первым формам государства и иногда ассоциациям священнослужителей. Вот что означает легенда о Ромуле и Реме: мы следуем за тем, как Рим ограждается стенами, а первое сельскохозяйственное орудие, плуг, превращается в строительный инструмент. Потребности в укрепленной обороне тогда сыграли свою роль; Греческий полис имел в центре акрополь или цитадель; одно из латинских названий города - oppidum, что означает укрепленное место, в то время как civitas является больше юридическим термином для государства, а не топографическим указанием.

В ту же римскую эпоху, с ростом города и все более широкими городскими стенами, с рождением господствующего класса патрициев, собственников обширных земледельческих поместий и многочисленных рабов, возникли частные aedes и insulae ⁷¹, а также раздел городской собственности между жилищами низшего класса. Однако государство, республиканское или имперское, сохранило строгий контроль над всем городским комплексом, что

_

⁷¹ Храмы и многоэтажные многоквартирные дома.

доказывает огромное значение магистратуры городских строителей. Мы видим отражение этого даже в легендарной сказке о Нероне, одержимом грандиозными проектами обновления городов, который в своих целях не останавливался даже перед поджогом <u>городских</u> кварталов.

В средние века развитие крупных центров испытывало упадок по сравнению с великолепием азиатских и классических античных столиц. Появились феодальные усадьбы, вокруг или у подножия которых скопились посёлки, которые сначала сосредотачивали крепостных и домашних слуг, а затем мало-помалу и мастеров-ремесленников и независимых торговцев.

Города по-настоящему активно возводятся и растут только с современной буржуазией. Выходя за рамки любых соображений военной защиты синьориальных или династических держав, они свалили и пересекли узкие границы стен и бастионов и расширились, образовав огромные современные агломерации, в кругу которых на гигантских фабриках и комбинатах были собраны миллионы рабочих, которых сконцентрировала современная производственная техника.

Фундаментальный марксистский тезис - это тесная связь между распространением промышленного производства и буржуазной экономикой и внушительным социальным явлением городского планирования.

« Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни ^{72} .

Возможно, за Италией последовали Нидерланды, которые в конце средневековья отстроили первые примеры крупных городов современного типа. Великие дворцы и внушительные комплексы гражданских домов не только носят имена и гербы великих дворянских семей, но и принадлежат фирмам, созданным плебеями, накопившими в банковском деле, торговле, судоходстве первые большие капиталы и вложившие значительную часть в городские постройки, в то время как наиболее важные мастера становятся хозяевами зданий, в которых размещались их мастерские, подобно лавкам и тавернам в Риме.

Современный капитализм, распространившись на другие государства, дал нам увидеть рождение молодых буржуазных индустриальных городов, таких как Манчестер или Эссен, или крупных агломераций на окраинах исторических столиц, которые после падения <u>старых порядков</u> увеличились непропорционально числу их жителей, став Большим Парижем, Большим Лондоном или Большим Берлином сегодня; в то время как другие буржуазные

^{72 «}Манифест коммунистической партии».

города, основанные за границей, лишены исторического квартала, узнаваемые по планиметрии монотонной ортогональной сетки и отмеченные <u>стандартом</u> этой меркантильной эпохи и бесчеловечными законами гонки за прибыль.

* * *

Подобно тому, как правовой механизм Римского кодекса и кодекса Юстиниана был чрезвычайно полезен для приобретения пахотной земли капиталом, он также служил кодексам новой буржуазной власти для регулирования владения, покупки и передачи городской собственности, как с точки зрения существующих зданий, так и с точки зрения земли под строительство. Особая правовая дисциплина служила для разделения прав частных лиц на отдельные здания по отдельным этажам или квартирам в индивидуальной долевой собственности. Если капиталистическая спекуляция новых хозяев общества привела к далеко идущим изменениям в инвестировании в загородные поместья, в применении новых производительных средств и сил, и в их преобразовании в соответствии с новыми потребностями потребления, еще более впечатляющие результаты были бы достигнуты там, где повсюду практикуется «свободная» торговля землей под строительство и постоянное повышение её стоимости, которая в старом и новом мире достигла гиперболических высот.

Хотя одни и те же нормы права определяют организацию рынка сельскохозяйственных земель и городских земель, устанавливая эквивалентность между стоимостью этих объектов недвижимости и суммой денег, в которую они конвертируются, эти два факта очень отличается в экономической реальности.

В то время как непрерывный годовой доход от земельной ренты остается неизменным, земельной собственности по-прежнему присваивается стоимость, которая переходит законному владельцу. Консервативные экономические школы заимствовали у физиократической школы, которая, защищая феодальный строй, хотела восславить производительную силу земли перед мануфактурой и промышленностью, концепцию фундаментальной производительности земли, что, даже будучи наименее облагороженной, дает продукт без человеческого труда и до него. Наилучшие урожаи стали возможными благодаря вкладу дальнейших инвестиций в труд в виде различных сооружений и установок, а также периодическим вмешательствам, таким как рыхление, удобрения и т.д., которые добавляют к этой базовой ренте, согласно официальной экономике, новый прирост, представляющий собой прибыль сельскохозяйственного предприятия.

Если не считать иной марксистской позиции вопроса - согласно которой, как мы видели, земля не имеет производительной силы как таковой и является средством труда, - земельная рента не может превышать определенные пределы,

учитывающие данную земельную площадь и продолжительность её урожайного использования. Те же самые большие улучшения земли при нынешнем экономическом механизме, если они позволяют значительно увеличить производство товаров, тем не менее требуют таких вложений капитала, что даже превышают базовую фондовую стоимость земли, и требуют очень долгих ожиданий и даже приостановления выплаты ренты, которая должна быть отнесена к пассивным расходам вместе с процентами от инвестированного Следовательно, при капиталистическом строе капитала. стоимость обрабатываемых земель может возрасти, но в довольно узких пределах. Аграрная трансформация, которая была бы крайне полезна для общего благосостояния, редко подходит правящему буржуазному классу и не достигнет большого развития до заката капитализма.

Другим явлением проявляет себя рынок городской земли и всего, что на ней построено. В сельскохозяйственном производстве существует определенный баланс между, с одной стороны, важностью земли как имущества того, кто гордо наделен титулом собственности, и с другой — в качестве вложения в производство: аграрные режимы не были самыми хищническими. В индустриальной экономике стоимости продуктов и масса прибыли многократно увеличиваются, в то время как стоимость титульного имущества остаётся ограниченной.

Это исследование имеет цель выявить самые современные тенденции капитализма без имущественной собственности, но с очень высокой прибылью. Однако вернемся к нашей площади под строительство и найдем пример максимума фондовой собственности, сконцентрированной на небольшой и полностью инертной почве, где не растет ни травинки и где не потрачено ни одного часа человеческого труда. Пока земля не продана под строительство, отсутствует управляющий или оборотный баланс, нет необходимости в какомлибо движимом капитале. Нет даже налога, подлежащего выплате, пока не введен налог на «имущество». Этот налог должен представлять собой современную частичную конфискацию частного имущества, но в действительности он также выплачивается из различных доходов зажиточных классов, а в случае нашего участка для строительства это лишь минимальное вычитание из непрерывного увеличения фондовой и продажной стоимости собственности - правила гораздо более сильное, чем денежное имущество, к которому можно просто добавить проценты.

Теперь эта особая форма обогащения буржуазных классов является лишь одним аспектом первоначального накопления капитала, основанного на обнищании и попадании в водоворот промышленной урбанизации, которому подвергаются мелкие производители, свободные крестьяне или ремесленники, низведённые до состояния неимущих пролетариев. Это социальный факт: благодаря концентрации в ограниченных городских пространствах масс

производительных сил - начиная с людей и заканчивая современными машинами и инструментами - основным условием получения огромной прибыли, которую промышленность предлагает хозяевам, является организация территорий в этих привилегированных районах для строительства заводов, офисов, домов для масс наемных работников. Следовательно, на этом рынке недвижимости за одну и ту же площадь могут причитаться еще более высокие суммы денег, и тогда единицей измерения будет уже не гектар, а квадратный метр.

Эволюция сложного городского организма идёт по тем направлениям, которые все приводят к увеличению стоимости земли под строительство. С постепенным ростом интенсивности движения на улицах, хотя увеличение скорости механических транспортных средств способствует одновременному проезду большего количества людей и грузов, все больше требуется расширение дорог, и с каждым преобразованием жилые кварталы становятся меньше. В то же время развитие техники позволяет увеличить высоту, и на одной площади, таким образом, имеется все больше этажей, комнат и жителей. Все большая эксплуатация и использование земли приводит к росту цены, которую запрашивает собственник. Согласно критериям действующей экономики, стоимость участка под строительство рассчитывается путем расчета ренты за самое большое здание и вычетом затрат на его строительство, которые обычно оказываются ниже, чем ранее рассчитанная стоимость здания. Разница представляет собой премию, которая возвращается землевладельцу, которая представляет собой стоимость земли, отличную от стоимости сельской недвижимости, помимо прочего она приносит дополнительную ренту, когда хозяин земли остается хозяином построенного на ней здания.

Следует уточнить, что в договоре аренды жилья построенных домов нет прибыли предприятия, сопоставимой с прибылью аграрного капиталистического арендатора, который платит ренту владельцу земли, а затем обеспечивает ее использование и возделывание, оставаясь при этом хозяином продукта.

<u>Фирма</u>, построившая здание, экономически несопоставима с аграрным предпринимателем; её интересы удовлетворяются по завершению строительства, и она исчезает из отношений: когда мы говорили о расчете затрат на строительство, мы включали прибыль строительной компании, а также коммерческий процент, начисляемый на денежный капитал, который был задействован на время строительства. Во всех этих экономических процессах разные значения могут выпадать на одного и того же человека, но их необходимо различать, чтобы расшифровать процессы, изучаемые экономическим детерминизмом. Таким образом, в сельском хозяйстве мы не всегда строго отличим землевладельца, предпринимателя и ручного наемного работника. Крупный земледелец-предприниматель объединяет в себе первые две фигуры, мелкий колон – только последние две, мелкий крестьянин-собственник - все три,

и расходует на это собственные деньги: он будет не только собственником, но и банкиром, строительной компанией и собственным арендатором.

Мы уже видели, как марксистский текст напоминает, что часто в Англии промышленник не является собственником своего завода. В другом тексте, который мы рассмотрим очень скоро, мы даже замечаем, что собственник дома может не быть собственником земли, на которой он построен. Некоторые юридические нормы позволяют давать разрешение на строительство на земельном участке, собственник которого получает ренту от застройщика и владельца дома. К слову, похожие и очень интересные формы распространяются в сфере строительства и сооружений, сделанных за чужой счет частными спекулянтами на земле, что им не принадлежит, а находится в правительственной собственности или принадлежит публичным органам (муниципалитетам, провинциям, государству), таким образом, получая концессионный, широко распространяющийся, тип капитализма без собственности.

Экономическое движение современной капиталистической эпохи идет в различия, разделения, между направлении раздела показателями цикла производства-потребления, а не в их суперпозиции и их путанице. Этот тезис не только является фундаментальным объективным тезисом, но и должен сопровождаться другим тезисом, согласно которому данное капиталистического направление развития мира марксисты, непримиримые революционные противники, принимаем и развиваем как основу для перехода к коллективной экономике.

Поэтому, возвращаясь К ТОЛЬКО ЧТО построенному зданию, принадлежащему частному владельцу, увидев, как рождается и передается в обществе его титульное имущество, давайте рассмотрим его эксплуатацию и управление. Представим сначала важную концепцию градостроительной экономики. Сельская фондовая собственность в определенном смысле вечна, поскольку в рабочем цикле земля физически воспроизводит свою базовую продуктивность, в отличие, например, от горных месторождений, для которых можно рассчитать дату истощения. Городское строительство, напротив, не вечно. Только литература поет «exegi monumentum aere perennius» - «Создан памятник мной. Он вековечнее меди» 73; но даже гигантские здания прошлых времен живут ограниченный век, каким бы длинным он ни был; они портятся и рушатся. Обычный жилой дом имеет конечный жизненный цикл по разным причинам. С одной стороны, время изнашивает конструкции, приближая час оседания и развала, с другой стороны, тип жилья следует за развитием техники, он должен соответствовать новым требованиям, а иногда уже требует менее дорогостоящих процессов, чем в старину. Как говорится в тексте, на который мы ссылаемся, также

⁷³ Гораций, «Оды», книга третья.

бывает, что в определенный момент здание экономически стоит меньше, чем земля, на которой оно стоит, поскольку его квартиры заслуживают низкой арендной платы, а эксплуатационные расходы увеличиваются. Жизненный цикл городского жилого дома может быть очень изменчивым, например, если противопоставлять бедняков и толстосумов, побежденных и победителей, то он составит 300 лет в Неаполе и 30 лет в Нью-Йорке.

Собственник здания получает доход от квартирной платы или аренды, которую периодически платят ему арендаторы. Этот доход вовсе не вечен и не постоянен, и не полностью доступен для хозяина дома. Этому доходу, который обычно называют брутто (валовой) рентой, противостоит целый ряд расходов: расходы на охрану здания (или на смотрителя), освещение и уборку помещений, общие вычеты для арендаторов (коридоры, лестницы и т. д.), обслуживание ветхих частей; общие административные расходы и прочее. В большинстве случаев необходимо добавить среднюю сумму для незанятого жилой площади или несобранной квартирной платы. И, наконец, чтобы справиться с износом здания, мы должны отложить то, что называется амортизационным рейтингом, это то есть периодическая рента, которая, если сэкономить, позволяет накопить сумму, которая будет потрачена на восстановление здания как нового, когда его жизненный цикл будет завершен. Как только все эти затраты суммируются и их сумма вычитается из валового (брутто) дохода, а также налогов, подлежащих уплате государственным органам, остается эффективный чистый (нетто) доход, которым собственник может свободно распоряжаться. Обычно стоимость собственности здания рассчитывается исходя из фондовой стоимости капитала, которая при действующих ставках процента будет воспроизводить чистую (нетто) ренту. Более глубокий анализ показывает, что такой метод подвержен множеству ошибок, поскольку допускает постоянство многих условий, которые на самом деле являются переменными.

Мы напомнили обо всем этом, чтобы с помощью простого сравнения показать экономические и социальные различия между компанией, управляемой владельцем жилья и традиционными производительными аграрными и промышленными предприятиями. Последние основывают свои операционные поступления на реализации продуктов, которые они постоянно производят и продают. Благодаря этому валовому доходу они могут, таким образом, оплачивать различные расходы, среди которых две очень важные категории, которые практически отсутствуют у собственника жилья: приобретение сырья для производства и оплата наёмного труда. Итак, в отчете об аренде дома отсутствуют три элемента: производство товаров, зарплата, приобретение сырья. На самом деле дом изнашивается и расходуется, но это небольшая часть годового бюджета, минимум фондовой собственности и упомянутые выше экономические резервы, которые его обеспечивают. Напротив, в промышленности эти три элемента (продукты, заработная плата, сырье) не только представляют

преобладающую часть годового баланса, но могут достигать более высоких значений, в некоторых случаях, превышают фондовую стоимость заводских установок, даже если производственный цикл подразумевает их сохранение. Однако в действующем законодательстве и экономике наблюдается регулярный и договорный обмен платежами и стоимостями при аренде домов, как и в случае платы наличными за кусок хлеба. Что арендатор получает в обмен на свои деньги? Конечно, не то, что он мог бы отнять или проглотить или уничтожить. На языке буржуазного кодекса он получает право пользования домом, и он платит за это по преобладающим ценам за единицу времени. И поэтому арендодатель просто продает арендатору пользование, владение домом, право войти и остаться в нем. Мы увидим, что в марксистской экономике этот обмен рассматривается как коммерческий обмен между эквивалентами, при котором вполне возможно, что одна из сторон наносит ущерб другой, поскольку вся буржуазная торговля представляет собой сеть мошенничества, где всегда вероятно самые богатые получают возможность объегорить самых бедных. Но нет никакого применения <u>рабочей силы</u> для преобразования материала, и поэтому этот обмен не является частью той области, в которой благодаря приобретению этого конкретного товара (рабочей силы) появляются прибавочная стоимость и капиталистическая прибыль.

В существующем механизме отношений между договаривающимися сторонами эти особенности арендных отношений приводят к заметным практическим и юридическим противоречиям. Они сводятся к тому материальному факту, ЧТО сельскохозяйственный ИЛИ промышленный производитель крепко держит свой единственный товар в руках и что для того, чтобы его обменять, в принципе нужно добыть деньги. Тот конкретный товар, домовладение, даже если мы хотим квалифицировать его как продукт, находится в руках арендатора, а не хозяина дома; если арендатор не платит, то задействуется сложный судебно-полицейский механизм. Это основа для глупости и демагогии буржуазного жилищного законодательства в чрезвычайных ситуациях, а также его эксплуатация народными и псевдосоциалистическими партиями. Прежде чем объяснить этот момент, мы должны сначала – в качестве доказательства нашего тезиса о том, что арендные отношения не являются капиталистическими отношениями – показать, что мы не говорим ереси или глупости, и, во-вторых, что мы действительно не обнаружили ничего нового.

* * *

Ленин в своей кардинальной работе «Государство и революция» подробно цитирует работы Фридриха Энгельса, такие как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом», в главе IV он обращается к работе того же автора под названием «К жилищному вопросу», совершенно неоправданно менее

популярной и редко встречающейся в социалистической пропаганде. Ленин приводит слова Энгельса о коммунистической программе в жилищной сфере, показывая в своей обычной ясной манере задачи государства в руках рабочих, сходства и различия между этим государством завтрашнего дня и современным государством буржуазии, сравнивая по форме и содержанию их деятельности. Ленин озабочен двумя твердыми принципами. <u>Первый</u>: государство, возникшее в результате революции, - это новая и другая государственная машина, которая будет сформирована после слома и разрушения нынешней государственной машины. Второй: функции этого нового силового аппарата и классового вмешательства в организм старой экономики развернутся без боязни (как предполагают либералы и либертарии), что на основе новой власти будет воздвигнута новая форма угнетения эксплуатации привилегированных людей. К вопросу о том, подтверждала ли история до сих пор марксистские и ленинские доктринальные конструкции по этому поводу, конечно же, нельзя подходить без полной ясности в позитивном исследовании сегодняшних экономических и социальных отношений. Жилищный вопрос превосходно служит Энгельсу и Ленину в качестве меры пропасти, что лежит между решениями марксистской революционной критики и решениями детского утопизма или легалитарного и антиклассистского реформизма.

Исследование Энгельса датируется 1872 годом и состоит из трех разделов, опубликованных в «Volksstaat» в Лейпциге, к которым добавлено предисловие 1887 года. Энгельс написал его в ответ на опубликованные в том же журнале труды некоего Мюльбергера, отошедшего от марксизма в прудонистском направлении. Энгельс пользуется возможностью раскритиковать мелкобуржуазную позицию Прудона, позицию, которая под разными именами и поныне возрождается и пытается подорвать марксистскую директиву. Это мастерское доказательство, теоретическая уверенность которой, как это всегда бывает в исполнении Энгельса, сопровождаемая кристальной ясностью развития и формы, поражает. Возможно, в марксистской литературе нет полного и систематизированного текста об аграрном производственном подобного этому, что определяет и исчерпывает проблему городской собственности. И тем не менее несравненный Энгельс почти извиняясь разъясняет, что разделение труда между ним и Марксом было необходимо, чтобы он защищал позиции в периодической печати, а Маркс мог полностью посвятить себя великому главному труду. Энгельс добавляет, что, рассматривая жилищный вопрос, он хотел обновить критику Прудона, опубликованную раннее в 1847 году под названием «Нищета философии», и он заключает дословно: «Маркс сделал бы все это гораздо лучше и убедительнее ».

С самого начала позиция, которую критиковал Энгельс, заключается в том, что она хочет разрешить «жилищный кризис», современное явление, периодически охватывающее и поражающее самые разные страны, с помощью

реформы, позволяющей любому арендатору стать владельцем дома, в котором он живет, путём выкупа, выплачиваемого по частям владельцу. Автор статьи, которую опровергает Энгельс, естественно, приходит к этой грубой программной ошибке из-за огромных пробелов в области экономики. Энгельс исправляет их, пользуясь возможностью раскрыть марксистскую интерпретацию. Один из ошибочных тезисов таков:

«<u>Съемщик</u> по отношению к домовладельцу — то же, что <u>наемный рабочий</u> по отношению к <u>капиталисту</u>».

Маркс, возможно, разразился бы пламенем и молниями, услышав такую ерунду; Энгельс спокойно сказал: это совершенно неверно. Терпеливо и ясно, он объясняет, как дела обстоят на самом деле, вспоминая простые описательные критерии, которые мы привели выше. Он извлекает из них опровержение глупого расчета, согласно которому арендатор ежемесячными платежами выплатит сумму, в два, три, пять раз превышающую стоимость дома. Кроме того, Энгельс пользуется возможностью не только полностью разоблачить экономическую критику мелкобуржуазного социализма, но и его этикоюридический каркас. Автор статьи, который, как и тысячи его заблудших товарищей, считал себя марксистом, позволил себе написать еще одну чепуху: «Однажды построенный дом служит вечным поридическим основанием...»; По словам Прудона, в действительности все, что нужно, это успешно вложить в экономику «вечную идею права». Энгельс показывает пустоту такого языка, желающего заклеймить жадность хозяина дома, как когда-то ростовщиков отлучили от церкви, и он цитирует Маркса:

«Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «вечной справедливости», «вечной правде», «вечной взаимности» и другим «вечным истинам», то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит «вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божией»?»⁷⁴.

Между 1847 и 1887 годами противник уже был повержен, когда он был разоблачен в теизме. Маркс и Энгельс, атлеты полемики, сегодня столкнулись бы с более сложной задачей, потому что карликовые марксистские писатели опустились не только до уровня Прудона, но и до самих отцов церкви. Теперь они практикуют «catch as catch can»⁷⁵!

Поскольку неблагоразумный автор не довольствуется предложением своей чудесной «структурной реформы» в вопросе жилых домов, но и может похвастаться тем, что обладает подобным рецептом для всех остальных секторов,

⁷⁴ Маркс, «Капитал» том 1.

⁷⁵ В оригинале идиома на английском, означает пользоваться любым случаем, не упускать шанса.

то Энгельс расширяет область своего внимания на марксистское описание от всего производительного процесса до вопроса о ставке процента на капитал, высмеивая утверждение «взять производительность капитала за рога» с переходным законом, твердо устанавливающим размер процента с всех капиталов в один процент! И все же до сих пор многие из них представляют социалистическую борьбу как кампанию за отмену аренды жилого дома, земли и денежного процента, полагая, что таким образом перенесли на землю царство морали, не давая денег тем, кто не работает; в то время как, напротив, речь идет о том, чтобы заставить исчезнуть целую палитру общественных форм, оберегаемых и защищаемых чудовищными опорами вооруженной власти, сосредоточенной в политическом государстве!

Ответ Энгельса устанавливает, что « «производительность капитала», это бессмыслица, которую Π рудон неосмотрительно заимствует у буржуазных экономистов ». По правде говоря, всякий классический буржуазный экономист более серьезен, чем наш мелкобуржуазный и реформистский экономист, поскольку (после опровержения заявления физиократов, будто богатство производительности земли, и меркантилистов – будто оно возникает из производительности обмена) он справедливо утверждал, что труд является источником всего богатства и мерой стоимости всех товаров. Однако ему объяснить, как капиталист, вкладывающий оставалось промышленность, не только возвращает его в результате, но и получает сверх того прибыль, и для этого пришлось провозгласить, окутывая себя тысячью «производительность капитала». противоречий, некую Для марксистов, наоборот, производителен только труд, который не является ни землёй, ни домом владельца, ни деньгами банкира. Сельскохозяйственные угодья, дом, фабрика, машина - это производительные силы, потому что они являются инструментами и средствами производства, то есть используются человеком для работы. В нынешней системе, покуда она не будет свергнута, способность к деньгам и является не производительной, а социальной способностью «присваивать себе неоплаченный труд наемных рабочих».

На руках у нас только плохой перевод, поэтому перестанем перефразировать Энгельса и предоставим ему слово:

«Процент с денежного ссудного капитала является только частью прибыли; прибыль с промышленного или с торгового капитала представляет собой лишь часть прибавочной стоимости, отнятой классом капиталистов у рабочего класса в виде неоплаченного труда [...] Что же касается распределения этой прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, то ясно, что для промышленников и торговцев, в предприятия которых много капитала вложено другими капиталистами, норма прибыли, при прочих равных условиях, должна повышаться в той же мере, в какой падает ставка процента. Следовательно, понижение и,

наконец, отмена ставки процента в действительности вовсе не «взяла бы за рога» так называемую «производительность капитала»».

Мы находим здесь тезис, на котором неустанно настаиваем на этих страницах: рантье и владелец земли и дворцов, эти бедные остатки ушедшей эпохи, это не те люди, которые нас больше всего обкрадывают; таковыми действительно являются капитаны промышленности и предприниматели, ультрасовременные и прогрессивные, и завидев их, мы кричим: вот он враг!

Прудон считает, что сжатие и окончательное устранение процентов на капитал будут точно включать - помимо того, что они будут универсальной и замечательной панацеей для всех других экономических и социальных вопросов: кредит, государственные долги, частные долги, налоги — полную отмену арендной платы за дома. Энгельс показывает, что даже если бы реализация этого упрощенного плана была возможна, фундаментальные капиталистические экономические отношения между наемными рабочими и хозяевами производственных компаний не изменились бы; он снова и снова обращается к основам марксистской экономики и к «Капиталу» Маркса:

« Краеугольным камнем капиталистического способа производства является именно тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу рабочего по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего работать дольше, чем необходимо для воспроизводства цены, уплаченной за рабочую силу. Произведенная таким образом прибавочная стоимость распределяется между всем классом капиталистов и землевладельцев вместе с их оплачиваемыми слугами, начиная от папы и императора и кончая ночными сторожами и прочими».

Но коммерческая цена дома подобна ценам на хлеб, одежду и т.д., и входит в стоимость воспроизводства рабочей силы, в ту часть рабочей силы, которая оплачивается заработной платой и составляет необходимый труд, и именно за пределами этой части мы вступаем в область прибавочной стоимости или неоплаченного труда, который отражается в цене продукта вместе с оплаченным трудом. Как и во всех обменах на деньги, работник и любой другой покупатель могут быть обмануты; в обмене своего труда на заработную плату рабочий обязан быть обманут. Отношения, в которых уловлен капиталистический характер экономики, - это отношения, в которых рабочий получает свою зарплату, а не те, в которой он делит её между пекарем, портным, хозяином дома и т.д.

Как только вопрос экономического анализа остается прояснен, исследование Энгельса с той же энергией отвергает социальную ошибку всевозможных прудонистов, обвиняя их в том, что они всегда выдвигают требования, общие для наемных рабочих, мелкой и средней буржуазии, и в качестве класса только последняя нуждается в защите, и это показывает,

насколько данная позиция является реакционной. Он цитирует эти глупые замечания из оппортунистической риторики:

«Мы в этом отношении стоим гораздо ниже дикарей. У троглодита есть своя пещера, у австралийца своя глиняная хижина, у индейца свой собственный очаг, — современный же пролетарий фактически висит в воздухе».

Мы должны также дословно процитировать великолепное опровержение Энгельса, которое также ссылается на не менее отвратительное требование о выделении земли:

«В этой иеремиаде прудонизм проявляется во всей своей реакционности. Для создания современного революционного класса, пролетариата, было абсолютно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, еще привязывавшая рабочего прежних времен к земле. Ручной ткач, у которого, наряду с его ткацким станком, был свой домик, огородик и клочок поля, при всей нищете и при всем политическом гнете был тихим, довольным человеком, «исполненным благочестия и почтительности», снимал шапку перед богачами, попами и чиновниками и был весь насквозь пропитан рабским духом. Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле рабочего в лишенного всякой собственности, избавленного от всех унаследованных цепей, поставленного вне закона пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства. И вот приходит этот плаксивый прудонист и сокрушается по поводу изгнания рабочих из их домашних очагов, видя в этом большой шаг назад, тогда как именно это изгнание и было первейшим условием их духовного освобождения».

Энгельс напоминает, что он был первым, кто описал в «Положении рабочего класса в Англии» свирепость этого изгнания рабочих из своих домашних очагов, а затем продолжает:

«Но могло ли мне прийти в голову усмотреть в этом совершенно необходимом при данных обстоятельствах историческом процессе развития шаг назад — «ниже дикарей»? Никоим образом. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача 1772 г. с его «домашним очагом». И разве троглодит со своей пещерой, австралиец со своей глиняной хижиной, индеец со своим собственным очагом совершит когда-либо июньское восстание или осуществит Парижскую Коммуну? ».

Затем Энгельс высмеивает вкусный пример, который, как можно было бы сказать, сформировался после прочтения сегодняшнего закона о плане

Фанфани⁷⁶, последствий идиотского плана (который уже обсуждался в то время в Америке, что согласно письму Элеоноры, младшей дочери Маркса, о продаже рабочим по непомерным ценам домов в пригороде), чтобы заставить каждого промышленного рабочего купить свой дом в рассрочку, и представьте себе рабочего, который после работы в разных городах владеет одной пятнадцатой частью дома в Берлине, одной тридцать шестой дома в Ганновере и другими, еще более сложными долями в Швейцарии и Англии, все для того, чтобы «вечная справедливость» не могла пострадать.

В заключение:

«Все эти пункты, выдвинутые здесь перед нами в качестве вопросов, в высшей степени важных для рабочего класса, на самом деле представляют существенный интерес только для буржуа, а еще более для мелкого буржуа, и мы утверждаем, вопреки Прудону, что рабочий класс отнюдь не призван блюсти интересы этих классов».

Естественно, в этот момент к Энгельсу, Ленину и всем столь же консервативным, как мы, кто не нашел способа выйти за пределы шестидесятисемилетних позиций, возникает вопрос - <u>что делать с жильём?</u> Именно этот отрывок хотел процитировать Ленин, чтобы продемонстрировать, как мало общего между утопической ультралевизной и последующими позициями радикального марксизма, он ярко восклицает о перспективах будущей экономики: « У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя ».

Энгельс подводит итог:

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, то есть не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной «нужде в жилищах» при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в

⁷⁶ Фанфани, Аминторе (1908-99): политик, несколько раз премьер-министр и многое другое. Фанфани и Тупини инициировали так называемый план Фанфани в 1949 году, который предусматривал строительство 300 000 единиц социального жилья.

этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. II как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятие квартир современным государством».

Ленин поясняет, что этот пример показывает формальное сходство между некоторыми задачами современного буржуазного государства и теми, которые будет выполнять диктатура пролетариата⁷⁷.

примечательно одно. Военное законодательство буржуазных государств ограничивало и блокировало выплату аренды, запрещая выселение арендаторов, так же как в некоторых случаях действующий правовой механизм предусматривал экспроприацию частных зданий с переходом в общее пользование с выкупом. В другом месте Маркс отмечает, что закон об экспроприации предусматривает компенсацию владельцу рыночной стоимости, арендатор, оставленный на обочине великими современными произведениями городского обновления, не получает никакой компенсации, но он несёт транспортные расходы, платит более высокую аренду, не говоря уже о самом современном вымогательстве, называемом поручительством или гарантией нового жилья, если ему повезет найти его. Кроме того, во время военных операций теперь принято, что квартиры могут быть заняты для военных целей или любых других сопутствующих услуг.

Мера, запланированная Энгельсом для исправления социальной болезни перенаселения городов, имеет, однако, нечто радикальное и абсолютно оригинальное по сравнению со всем, что мы видели ранее, и всеми реформистскими планами по изменению юридической собственности и созданию новых мелких собственников. Это пересмотр использования жилого дома. Ужасные комиссары послевоенного периода, занимающиеся вопросом жилья, вполне могли бы поселить того, кого они посчитали нужным, в пустующих домах, но у них никогда не было власти навязывать совместное проживание в больших квартирах или контролировать тот факт, как богатая семья, будь она владельцем или арендатором, может иметь по пять комнат на человека в том городе, где бедняки живут впятером или более в одной комнате. Именно таким будет реальное деспотическое вмешательство, которое нанесет ужасный удар по всем « частным гарантиям и законным правам » (требование

^{77 «}Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже "распорядится" занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства».

«Манифеста») и заставит звонко вопить о революционном нарушении неприкосновенности домашнего очага!

Поэтому в качестве немедленной революционной меры предусматривается перераспределение использования домов между жителями, в то же время в качестве более отдаленной перспективы - рассредоточение перегруженных городов.

Но что не может не удивить многих людей, <u>считающих</u> себя марксистами, - это экономическая концепция Энгельса о том, что использование жилья не станет сразу же бесплатным во время всей фазы, которую Маркс называет первой стадией коммунизма. Экономическая позиция, которой в свою очередь придерживается Ленин, комментируя известное письмо к Бракке о Готской программе. Вот другой отрывок из Энгельса:

«Впрочем, необходимо констатировать, что «фактическое овладение» всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем».

Только в высшей фазе коммунизма, когда предметы потребления и различные услуги больше не будут обмениваться на деньги, арендная плата также исчезнет, и когда общая организация также предоставит для всех обслуживание и обновление жилых домов для всех.

Мы ясно видим глубокий контраст между этой четкой линией и <u>прогрессивистскими</u> программами <u>народных демократий</u>, которые отстаивают перспективу фрагментации земельной ренты. Короче говоря, нет нужды распределять одну сотую долю того, что присваивает себе предприятие, и одну тысячную часть того, что уничтожается безумным беспорядком производства.

* * *

Кроме неизбежных расходов, без которых по прошествии времени можно остаться без жилья, и которые можно рассматривать как земельную ренту, зависимую от права собственности на землю, хотя она, как мы уже говорили, материально непроизводительна, есть еще дополнительная сумма валового

(брутто) дохода от аренды дома, и если она тем или иным способом возвращается обществу, то, говорит Прудон, все в порядке. Это, отвечает Энгельс, означает отмену частной собственности на землю, тема, которая « *отвлекла бы нас слишком* далеко ».

Энгельс, очевидно, хотел сказать, что, несомненно, с пролетарской революцией и последующим огосударствлением земельной ренты всякая частная собственность на землю будет отменена, и, тем не менее, нельзя исключать, что аналогичная «реформа» в отношении городских земель могла бы быть проведена буржуазным государством. Это было бы намного серьезней, чем «выкуп» со стороны отдельного арендатора.

Сегодня мы видим, что многие градостроители, конечно же, не принадлежащие к марксистской школе, предлагают превращение городских районов в «публичную собственность». В крупных городах они будут принадлежать государству или муниципалитетам, и предполагается, что нынешние владельцы получат полную компенсацию. Действительно, эти градостроители исходят из феномена очень быстрого роста стоимости земли под застройку во все более растущих окружениях вокруг больших городов, отсюда очевидный абсурд, отмеченный Энгельсом, что может быть выгодно снести здание, находящееся в хорошем состоянии, ради спекуляции на земле. Это делает городские работы по облагораживанию и восстановлению чрезвычайно дорогими, и именно по этой причине капитал ненавидит их. Но даже хороший буржуазный защитник принципа наследования может утверждать, что этот огромный выигрыш, иногда получаемый за гораздо меньшее время, чем смена одного поколения, является не накоплением богатства, передаваемого от отца к сыну, а, очевидно, пассивным результатом серии социальных фактов. Таким образом, вся земля в городе будет выведена из торговли, муниципалитет в надлежащее время распределит их между улицами, площадями, общественными зданиями и жилыми домами; эти проекты могут быть переданы в «концессию» на истечении которых определенное количество лет, ПО муниципальной администрации.

Ясно, что такой план, хотя он абсолютно не исключает выплаты горожанами аренды, вовсе не будет революционным и не подорвет капиталистические общественные принципы.

Но может ли буржуазное общество преодолеть свои проблемы урбанизма с помощью плана, подобному этому, или других стратегий? Современная городская наука опирается на технический и архитектурный опыт и забывает, что основа этой дисциплины имеет историческую и социальную природу⁷⁸.

⁷⁸ Участие Амадео Бордиги, зарабатывавшего на жизнь инженером, в идеях городского планирования и реконструкции после Второй мировой войны, обсуждаемых в «Колледже инженеров и архитекторов»,

Не в силах отреагировать на факт сосредоточения растущего числа жителей в минимальном пространстве, городское планирование Ле Корбюзье и похожих на него, что считается очень передовым, заставляет здания расти до головокружительных высот, с немыслимым количеством этажей, и мечтает о вертикальных городах с искусственной атмосферой, использующих металлические конструкции, что изменило технику и, следовательно, эстетику зданий ⁷⁹. Но эта тенденция кажется «футуристической» только если мы отождествляем лучшую ориентацию коллективной жизни и её будущие формы с этим ужасающим скоплением людей, втянутых в еще более лихорадочную, нездоровую и абсурдную жизнь.

Во второй из своих статей Энгельс определяет свою тему следующим образом: как буржуазия решает жилищный вопрос; и он опровергает лицемернофилантропическую буржуазную литературу касаемо нездоровых и переполненных кварталах современных метрополий.

Мелкая буржуазия непосредственно заинтересована в этом вопросе, и мы достаточно прояснили этот момент. Но крупная буржуазия, говорит Энгельс, также имеет свой интерес. Во-первых, опасность инфекционных эпидемий, как правило, распространяется не только на бедные районы, но и на престижные кварталы. Буржуазный идеал, который в урбанистике называют зонированием⁸⁰, состоит в четком отделении домов рабочих от домов богатых; но в старых городах все еще сохранились следы феодальной организации, которая переплетала дворцы и небольшие дома, дворян, простолюдинов и крепостных.

«Господствующий класс капиталистов не может безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия

характеризуется радикальной критикой городских катастроф. В густонаселенном Неаполе, где жил и работал Бордига, лихорадочная строительная деятельность, которая не была результатом процессов индустриализации, а должна была заменить лежавшую в её основе индустриализацию, быстро приняла разрушительный и неконтролируемый характер. «Протест» Бордиги против архитектурных преступлений, враждебных, говоря вообще, человеческому сосуществованию, характеризующихся прибыльным бизнесом и спекулятивными организациями, не может ограничиваться его профессиональной компетенцией, но, как он также предполагает, имеет социальное, политическое и историческое измерение и заложено в повторном утверждении марксистской доктрины и метода. В этом контексте мы хотели бы обратить ваше внимание на книгу Луиджи Герозы: «L'ingegnere 'fuori uso'« (помимо «бесполезного» или «вышедшего из строя», «fuori uso» также имеет переносное значение «причиняющего кому-то зло»). Мы должны поблагодарить Герозу за малоизвестный аспект важности Бордиги с точки зрения его «урбанистического вклада».

⁷⁹ Ле Корбюзье (1887-1965): архитектор, градостроитель, теоретик архитектуры. В 1922 году он выдвинул концепцию «современного города на три миллиона жителей»; продолжающую строительство все более высоких зданий. Ле Корбюзье: «Игра с эстетическими представлениями исторических времен уже не удовлетворяет нас. Мы формируем собственный язык форм и собственную эстетику. Мы обучаем наше чувство формы чистым целевым формам инженерства и индустрии».

⁸⁰ Теперь известно как «джентрификация».

оборачиваются против самих капиталистов, и ангел смерти свирепствует среди них так же беспощадно, как и среди рабочих».

Пусть это остроумное и резкое замечание сделано тем, кто изображает стареющего Энгельса, как склонного к ослаблению ненависти между классами.

Второй раздел статьи касается политической полиции городов и подавления вооруженных восстаний, которые до второй половины XIX века получали полную свободу действий на узких и извилистых улицах столиц. Энгельс признает классовый мотив в прорезании районов широкими и прямолинейными улицами, по которым пулеметный огонь и артиллерия могли бы косить мятежников. Более поздний опыт подтверждает, что ядром любых подавлений мятежа является завоевание крупных столиц и промышленных городов, но он также показывает, что незаконные вооруженные формирования могут вести партизанскую войну более эффективно и длительно по пересеченной местности. Хороший технический пример - сильные стороны Джулиано 81, учитывая, что они не были передовыми отрядами генеральных штабов регулярных войск прошлого.

В третьей части, Энгельс описывает крупные спекулятивные предприятия капитализма, поддерживаемые правительствами в рамках двойного аспекта: вопервых, это строительство ульев для рабочих рядом с колоссальными фабриками, что приводит к превращению свободного наемного рабочего в своего рода «феодального раба капитала»; и во-вторых, преобразование центральных районов крупных городов в соответствии со строительством и дорогами, классическим примером служит метод Османа ⁸², с его grand curée ⁸³ Второй империи, создавший парижские бульвары в спекулятивных оргиях. Все другие страны поспешили последовать примеру этого явления.

Экономическая основа этих урбанистических потрясений, анализируемая в аспектах государственного финансирования, в мнимой <u>самопомощи</u> или взаимовыручке рабочих (чьей заработной платы в данном случае было

⁸¹ Сальваторе Джулиано, сицилийский бандит и глава «добровольческой армии за сицилийскую независимость». Умер убитым в 1950 году. Среди прочего, бандиты Джулиано, которым платили крупные землевладельцы, устроили кровавую бойню на первомайском празднике в 1947 году. Без сотрудничества с мафией и их защиты Джулиано не смог бы сделать свою банду сильнейшей на Сицилии.

⁸² Осман, Жорж-Эжен (1809-91): градостроитель Парижа. В середине XIX века он спроектировал «современный» городской пейзаж, который сохранился до наших дней. «Настоящая цель работы Османа заключалась в том, чтобы обезопасить город от гражданской войны. Он хотел сделать возведение баррикад в Париже невозможным на все времена». Вальтер Бенджамин «Париж, столица XIX века».

⁸³ Curée (французский): добыча, часть охоты. Восстановление города повлекло за собой «гонку за богатством». Венский культурный философ Эгон Фриделл видел в «Новом Париже» Османа в своей «Культурной истории Нового времени» «истинное отражение Второй Империи: фасадное, кричащее, искусственное и подобие парвеню».

недостаточно для выживания) на частных предприятиях, заставляет автора сделать вывод, что двигателем и выходом из ситуации является общественно-политическая консолидация капитализма.

Таким образом, фундаментальные марксистские тезисы по вопросу о городской недвижимости и опровержению прудонистов повторяются самим Энгельсом в пяти пунктах:

- 1 «Передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной земельной собственности », но не самой ренты.
- 2 «Выкуп наемного жилища и передача собственности на жилище его бывшему съемщику вовсе не затрагивает капиталистического способа производства ».
- 3 «Это предложение при современном развитии крупной промышленности и городов так же нелепо, как и реакционно»
- 4 «Принудительное понижение процента на капитал никоим образом не посягает на капиталистический способ производства и, напротив того, как это доказывают законы против ростовщичества, является требованием весьма старым и в то же время невыполнимым ».
- 5 «С уничтожением процента на капитал вовсе не уничтожается плата за наем помещения».

Относительно ориентации крупного капитализма и и служивших ему градостроителей касаемо развития быта городских органов и нехватки жилья, здесь есть еще два пункта, взятых из текста, также представляющих собой марксистские тезисы:

- 6 «Без жилищной нужды не может существовать такое общество, где огромная масса трудящихся должна жить исключительно на заработную плату, то есть на необходимое для сохранения их жизни и продолжения их рода количество жизненных средств; [...] где, наконец, домовладелец, в качестве капиталиста, не только имеет право, но, в силу конкуренции, в известной мере даже обязан беспощадно выколачивать из своего домовладения наиболее высокую по размеру наемную плату. В подобном обществе жилищная нужда вовсе не случайность, она необходимый институт; она может быть устранена [...] лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания».
- 7 «Буржуазное решение жилищного вопроса заведомо потерпело крушение, наткнувшись на противоположность между городом и деревней. [...] Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять». [...] Стремиться решить жилищный вопрос, «сохраняя современные крупные города, бессмыслица. Но современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства, [...] в присвоении всех жизненных средств и средств труда самим рабочим классом».

* * *

Отдельного упоминания заслуживают шедевры фашистской фашистско-подобной итальянской государственной администрации В блокировании аренды и перестройки домов, равно как и подлое демагогическое поведение движений, которые в нашей стране, прикрываясь представительством, позорят рабочий класс и его великие традиции...

Мы видели, и ежедневно видим, как шарлатанские и предвыборные спекуляции прививаются к многократно трагическим историям захватов <u>заводов</u> и <u>земель</u>.

Мы еще не видели опыта вторжения и захвата домов и квартир.

Причина этого, помимо прочего, в том, что больше нет никаких фантомов баронов, но есть не только супербуржуазные дельцы, но в равной степени кучка демагогов и выскочек по обе стороны железного занавеса, которые сильно переживают за свой образ жизни ручных жиголо.

Проблема общественных работ в Италии

ак и любые режимы при приближении и в начале войны, всемогущий и сверхгосударственный итальянский фашизм начал использовать все рычаги власти, чтобы остановить общий рост цен и сопутствующее обесценивание денежной валюты. Мы не будем здесь затрагивать факт, что общий рост цен и денежная инфляции соответствуют интересам предпринимательского класса, его государства и правительства, и что только соображения консервативной социальной политики и демагогия вдохновляет авторитарные законодательные инструменты на замедление роста цен.

Законы о замораживании цен, принятые в 1940 году, охватывали все: продукты земли и промышленности, заработную плату, оклады и надбавки, действующие государственные контракты с самыми разными компаниями на работы и поставки.

Среди этих мер наиболее интересными были те, что были направлены на замораживание арендной платы за недвижимость, как в деревнях, так и в городах. Условия в сельской местности менее просты: арендатор обрабатываемой земли не только арендует участок, получая право жить и пребывать в его границах, как если бы это был «сад наслаждений», но и приобретает реальные средства производства, к которым применяет свой труд или труд своих наемных работников, извлекая плоды и продукты, конвертируемые в деньги на рынке. Выше мы подчеркнули глупую путаницу между социальными и политическими масштабами борьбы за снижение аграрной ренты и, по-видимому, очень свиреными «доходами хозяев земли», в зависимости от того, является ли получатель сниженной ренты мелким крестьянином, печально известным колоном крупным буржуа ИЛИ все-таки капиталистическим предпринимателем, агропромышленным который сельскохозяйственных рабочих, а иногда и земельных субарендаторов.

В случае городского строительства, а точнее строительства городского жилья, простота выдвинутых условий явно подтверждает некоторые фундаментальные положения марксистской экономики.

Это единственный случай, когда блокирование доказало свою эффективность и было успешным. Прежде чем спросить, был ли этот успех в интересах рабочего класса, как кажется на первый взгляд, и как спешат нам сообщить низкопробные пропагандисты, мы заметим, что относительная ограниченность сектора, помимо правильности марксистских концепций, показывает так же несостоятельность и узкий спектр возможностей для управления и планирования современного государства в экономической области, даже если оно показывает себя жестким политическими и полицейскими действиями.

Хотя во всех областях сельскохозяйственных и промышленных работ не столь значителен напыщенный титул собственника помещений и оснащений, как важны распоряжение и владение продуктами, и мы взялись доказывать данный факт в этом труде. Арендованное здание не производит ничего движимого, транспортабельного или пригодного для продажи, но лишь предлагает свои удобства, свою полезность, использование в качестве жилья и проживания.

Государство может навязать лимит, чтобы продукт, скажем, шляпа, не мог продаваться более чем за сто лир, что уже является шагом в сторону «теоретического» поражения капиталистической экономики. Но по своему историческому и социальному характеру нынешнее государство не может заставить продавать за 100 лир одну, две или тысячу шляп, если производитель и владелец добровольно не доставят их на рынок. Говорят, что государство может пересчитать и реквизировать все шляпы, где бы они ни находились. На практике, сложность состоит в том, чтобы найти шляпы и, если нужно забрать их, заплатить за все, даже если всего сто лир. Отсюда общеизвестный экономический факт: как только цены на шляпы оказываются принудительно заморожены, уравновешены и зафиксированы, шляпы тут же исчезают из обращения и скапливаются для тайной продажи по цене, увеличенной на долю, покрывающую для продавца риск штрафов и тюремного заключения.

Так что покупатель может пойти только на черный рынок, если не может обойтись без шляпы. Это подходит для многих пустоголовых, особенно экспертов в политической экономии; но желудки не могут оставаться пустыми, из-за этого откажут ноги; поэтому ничто не может предотвратить рост цен не только на шляпы, но и на все продукты питания и предметы первой необходимости.

Как только договор об аренде подписан, домовладелец сдает арендатору дом не по кирпичику, а целиком: хозяину нельзя переступить через порог без согласия арендатора. Принимая во внимание, что во всех других секторах рынка продавец является арбитром цены, поскольку он может сказать, бесстрастно: если цена вас не устраивает, то товар останется у меня; в случае жилья арбитром является тот, кто совершает покупку и оплачивает, только войдя внутрь. Как

правило, если он не платит арендную плату после первого срока или не платит наперед при подписании контракта, или платит меньше оговоренной суммы, арендодатель вынужден прибегать к длительной и дорогостоящей юридической процедуре выселения, редко приводящей к взысканию неоплаченной квартирной платы.

В общих случаях именно покупатель должен смириться с ценой или побежать к государству, чтобы оно принудило осуществить продажу; в случае рынка жилья продавец услуги по заселению не имеет другого выбора, кроме как обратиться в государство, если она не оплачена.

Тогда государство проявило храбрость: арендаторы, выступайте против любого требования о повышении арендной платы: платите старую арендную плату и ни копейки больше, пока война не закончится, и мы постараемся не посылать полицию для выселения. По мере того как промышленный, торговый и финансовый капитализм показывал свои тигриные когти и волчьи зубы, уродливое государство, демократическое, народное и национальное, обесценило социальное и моральное тщеславие тем, что отрезало ногти застенчивому котенку в городской собственности. Оно ни в коем случае не облегчило бремя и не контролировало беспорядок, а только заморозило жилищную ренту, чтобы бедная безработная семья смогла заплатить хозяину недвижимости, на счету у которого миллиарды, а также ту ренту, которую крупный промышленный завод платит, заняв единственный дом мелкобуржуазной семьи, тощей от голода.

Как мы видели, это была не современная тенденция, согласно которой государственный сектор в общих интересах берет дело в свои руки и направляет его, а традиционный девиз, который подводит итог всей мудрости буржуазной юриспруденции: «пятая статья: тот, кто держит в руках, побеждает».

Эта мера, которая без особых усилий вырвана из черепа Бенито, была унаследована, защищена и провозглашена как легкий элемент успеха, в особенности на выборах, сегодняшними социалистами и коммунистами. В то время и до сих пор капиталистическое государство, с одной стороны, и пролетарские лидеры, с другой, в состоянии общего безразличия и беспомощности, должны были засвидетельствовать головокружительный рост всех цен и постепенное падение уровня жизни рабочих во время и после войны. Сумма, которую удалось сэкономить на жилье, далека от восполнения принесенного ущерба.

То, что политика снижения ренты или ее отмены путем превращения арендатора в маленького землевладельца отнюдь не социалистическая, мы подробно продемонстрировали, прибегнув к классическому тексту Энгельса, который, в то же время давая прекрасные уроки марксистской экономики, высмеивает очевидную аналогию между отношениями арендатора и хозяина дома и отношениями работника и хозяина предприятия. Рабочий обменивает

свою рабочую силу на деньги; Арендатор обменивает свои деньги на дом пропорционально его использованию. Поэтому он не эксплуатируемый производитель, а потребитель, и даже привилегированный потребитель, поскольку он владеет объектом потребления, подобно тому, как продуктом обычно владеет продавец.

Тем не менее дешевый агитатор заявляет: что касается рабочего, мы (Бенито и я) избавили его от необходимости платить большие деньги за квартиру вдобавок к дорогому хлебу, шляпе или рубашке, поэтому жилье эксплуатируется заметно меньше.

Конечно, краткое исследование уже показывает, что социальная нагрузка на рабочий класс, на шею которого забрались все разом и не могут помочь, не уменьшается под влиянием глупого, хромого и коварного итальянского законодательства об арендной плате, инициированной Хранителями печати, будь они вызваны Гранди, Тольятти или Грасси⁸⁴.

С уменьшением ренты арендодателя урезалась и общественно полезная часть, предназначенная для обслуживания жилого фонда, труда поколений. Этот ущерб в Италии выше, чем ущерб от военных бомбардировок. Строительный фонд, особенно жилые дома, имеет очень высокий средний возраст, равно как и доля затрат на их содержание: игнорирование ускоряет деградацию. Ущерб должен быть компенсирован интенсификацией новых строений, которые в капиталистической среде полностью прекращаются, поскольку низкие арендные платы препятствуют возврату инвестированного капитала и даже раньше из-за общего экономического военного кризиса.

Таким образом, обеспеченность жильем итальянского населения не только уменьшилась в абсолютных цифрах, хотя она должна увеличиться по демографическим причинам, а также по причинам уменьшения плотности и расчистки под пашню, но темпы сокращения были усугублены политикой блокировки аренды.

Это означает, что с уменьшением количества домов и увеличением числа жителей концентрация населения, которая уже была одной из худших в Европе, росла пугающим образом, особенно за счет бедных классов, втиснутых в старые и разваленные дома, они платили меньше за жилье, но также меньше пользовались им и часто вообще не имели.

Возникла странная диспропорция между домами с замороженной арендной платой и домами со свободной арендной платой. Случается так, что

⁸⁴ Гранди Ахилле (1883-1946): профсоюзный деятель и политический деятель христианских демократов. Сыграл важную роль в «Римском пакте», заключенном в июне 1944 года, который привел к созданию Всеобщей итальянской конфедерации труда (CGIL). Грасси, Луиджи (1904-75): партизан в ЦК КПИ. Три имени обозначают политику межклассового сотрудничества.

несколько новых построек можно сдавать в аренду по любой цене: по сегодняшним затратам капитал воздерживается от всех домов, что не могут приносить хотя бы 2000 лир за комнату в месяц; так как чистый доход в 20 000 лир в год возмещает капитал только в 400 000 лир под 5%, что недостаточно для строительства комнаты. Отсюда следует, что выхлоп от всех особых законов приносит пользу только домам богатых классов, построенных не для бедных: представление о том, что пролетариат будет платить меньшую долю своего дохода за все дома, в которых он когда-то жил, уступает тому, что рабочие переплачивают тысячу раз, из-за высоких цен и налогов, оставаясь в трущобах, и тем самым оплачивая дома, построенные для синьоров.

Во Франции было отмечено, что в период с 1914 по 1948 год, когда все экономические показатели были приумножены в 200 раз, показатель квартирной платы увеличился в 7 раз! Рабочий класс сейчас платит 4% от заработной платы за жилье, и предлагается довести этот уровень до 12%, тем не менее, капиталовложения в строительство приносят только пятую часть нормальной прибыли, и поэтому государство должно оплачивать четыре пятых новых жилья для рабочих. Теперь рабочему лучше заплатить за чужой дом по высокой цене, чем за дом, построенный «за свой счет» по средней цене! Такое абсурдное разнообразие корректировки экономических показателей выражении является одной из глупостей, среди многих других, в рамках капиталистического строя, еще одним грузом экономической анархии, лежащим на плечах рабочих, но никогда не будет доказательством, даже в самых удобных условиях, будто современное государство ПОЗВОЛИЛО восторжествовать «справедливости» или даже сократить социальный разрыв.

Сегодняшнее итальянское законодательство предлагает еще один шедевр. Не могли бы мы организовать в городе какой-нибудь фестиваль ежегодных государственных законов по всему миру, как фестиваль кино в Венеции? Речь идет о законах Фанфани, которые могут даже затмить материалы по аграрной реформе, представленные указами и законами Гулло и Сеньи.

Законы Фанфани провозглашают, что они направлены не на реконструкцию недвижимости или общее решение жилищной проблемы в Италии, а на облегчения проблем безработицы.

Идея не вызывает презрения, поскольку масштаб жилищной проблемы в Италии высмеивает сумму кредитов, выделяемых различными законами Тупини⁸⁵, Алдисио⁸⁶ и других, в то время как, конечно, в каждом новом строительстве

⁸⁵ Тупини Умберто (1889-1973): Политический деятель от христианских демократов. Министр общественных работ.

⁸⁶ Альдисио, Сальваторе (1890-1964): при правительстве Фанфани министр промышленности и торговли, также ответственный за общественные работы.

нанимают рабочих. Даже освободители, сбросившие бомбы со своих летающих крепостей⁸⁷, могли бы заявить с той же логикой: мы вносим вклад в занятость рабочих.

Однако давайте изучим новое устройство для недвижимости в связи с потребностями в жилье. Даже до военного разрушения в Италии, без ремонта слишком старых и ветхих домов, без сокращения перенаселенности по сравнению с индексом 1,4 человека на каждую занятую комнату, было подсчитано, что из-за увеличения жителей и естественного износа домов, приходилось строить 400 000 новых комнат ежегодно. Сегодня, с минимальным вкладом в компенсацию ущерба, нанесенного войной, задержкой в строительстве и без учета сокращения плотности или улучшения жилья, в пользу малообеспеченных классов мы должны достичь не менее 6 миллионов жилых комнат в год. Стоимость: не менее 250 миллиардов лир в год.

Это большая проблема, которая еще не пришла в голову центральным плановикам, их обсерваториям и лабораториям экономической и статистической науки. Нужны не только жилые дома, но и постройки всех видов, потому что старение, ущерб от войны, отставание в ремонте тоже играют в этом роль. На каждое жилое пространство в среднем приходится две дополнительные комнаты, в которых люди работают, занимаются различными видами деятельности, торгуют или развлекаются, несмотря на повсеместное открытие закрытых домов⁸⁸.

Довоенный официальный экономист уже пришел к выводу, что в отношении жилья государство должно было предоставить жилищному строительству 20% безвозвратную субсидию, сегодня они знают, что потребуется не менее 60%. Что касается других помещений, то это будет 1 200 000 комнат в год, ранее предполагалось, что они будут финансироваться за счет частных инвестиций без государственной помощи: сегодня это не так, за исключением меньшинства случаев, и другие огромные цифры, следовательно, попадут в государственный бюджет.

Сосредоточимся на жилье. Что касается необходимых 250 миллиардов, которых достаточно, чтобы «не повернуть назад», то что дают все особые законы? Может быть, десятую часть, на бумаге.

Закон Фанфани ежегодно предусматривает 15 миллиардов лир из государственного бюджета, а также взносы в фонд заработной платы, две трети которых выплачиваются хозяевам, а треть - рабочим. Не желая утомить читателя вычислениями, размер было бы вдвое больше, если бы план работал полностью,

⁸⁷ Boeing B-17, самый известный бомбардировщик BBC США во Второй Мировой войне.

⁸⁸ Под закрытыми домами понимают бордели.

а значит, 30 миллиардов лир. Этого недостаточно для постройки сотни тысяч жилых помещений в год или одной шестой необходимого минимума. Проблема за пределами возможностей нынешнего режима. На практике тогда еще неизвестно, какая часть из 30 миллиардов, которые по существу выплачиваются рабочим классом, хотя и в широком смысле, пойдут не на жилье, а на роскошную прибыль предпринимателей, посредников всех видов и пилотов финансовых и строительных работ.

Но посмотрим на цифры с точки зрения безработицы. Капитализм и его профсоюзные организаторы уже безоговорочно сказали безработным: Вы голодны? Хотите есть? Ну, вкладывайте свои деньги.

Инвестируйте свои средства, в унисон выкрикивают ЕСА⁸⁹ и Коминформ итальянскому государству и итальянскому рабочему классу. Когда бедные вкладывают деньги, богатые кладут их в свои карманы.

Фанфани, остроумный человек, который, как мы полагаем, не руководствуется словарем ⁹⁰ и буквальным смыслом терминов, имеет другую формулу: Вы голодны? Постройте свой собственный дом. Формула настолько умна, что приводит к дополнительной экономии: мы строим дома без кухонь.

Давайте опишем общество Фанфани. Город Теней, где все являются каменщиками. Миллиону жителей Фанфании, по данным итальянского довоенного индекса, нужно 650 000 комнат. Предположим, что дом служит 50 лет; это уже современный ритм, который превзойден только в Америке и к которому стремятся во Франции; мы живем в домах, которым много веков. Но из расчета один дом на 50 лет мы довольны итальянской программой 600 000 комнат в год относительно 29 миллионов домов, в которых проживает 45 миллионов итальянцев.

Поэтому миллион фанфанцев строит 13 000 жилых кварталов ежегодно. Сколько нужно рабочих? Если одна комната <u>имеет цену</u> 340 000 лир, и половина из них отплачена за труд, то есть 170 000 лир, мы можем рассчитывать в среднем на 200 рабочих дней и максимум на одного работника в год. Так что из миллиона работают только 13 000 человек. Остальные 987 000 не работают, но остаются дома. Что касается еды, то они не едят, ведь в Фанфании никто не ест.

Поэтому мы приходим к выводу, что на строительных площадках Фанфани, работающих на полную мощность, после первого семилетнего цикла, будет занято 100 000 рабочих, чтобы отстраивать 100 000 комнат в год. В

⁸⁹ ECA: Ente comunale assistenza, учреждение по уходу за бедными.

⁹⁰ Фанфани также был автором итальянского словаря.

оправдание своих американских ошибок Пелла⁹¹ показал, что только прирост населения ежегодно выбрасывает на рынок 200 000 новых работников. Поэтому план Фанфани не искореняет ни строительную чуму, ни социальную чуму.

Самым прекрасным является то, что, хотя он хвастается, что наконец-то появятся дома, которые фактически будут заселены рабочими, расчет приводит к такой высокой арендной плате, которую рабочий с текущей зарплатой не способен отплатить.

Когда мы тогда достигнем апогея рабочего, которому принадлежит его дом, оставляя в стороне лабиринт мер для бронирования, назначения, распределения, наследования, перемещения при смене работы и места жительства, и т.д., мы видим, что получатель будет обязан заплатить огромную ежемесячную плату за 25 лет. Это соответствует стоимости строительства плюс накладные расходы органа Управления Фанфани-домов за вычетом эквивалента государственного взноса в размере 1% в год, который будет распределяться постоянными ежемесячными платежами, не включая налоги, взносы и расходы на совместное владение. Предварительно был объявлен ежемесячный платеж в размере 1100 лир, но расчет, который мы будем приводить для краткости, приводит к определенному прогнозу, по крайней мере, на 1500 лир в месяц за комнату, или от 5000 до 6000 лир за очень скромный дом рабочего класса. Согласно нашим расчетам, исходя из чистой заработной платы менее тысячи лир и с учетом выходных, даже с компенсацией по французской ставке в 12%, рабочий не должен и не может тратить более трех тысяч лир на свой дом, кроме привилегированных и специализированных категорий.

Из этого следует, что, поскольку домов, готовых к заселению, всегда будет мало, а налогоплательщиков будет много, то рабочий будет молиться по утрам: Господи де Гаспери⁹², помоги мне выиграть на Сизале⁹³, но не в розыгрышах домов Фанфани.

Как и в случае замораживания аренды, если мы учтем тот факт, что бремя государства - это бремя рабочего класса, а не богатых, то будет видно, как при вступившем в силу плане рабочий, возможно, будет иметь свой дом, но он заплатит за него вдвое больше рыночной стоимости, посредством лишения, жертв и сокращения реальной заработной платы.

⁹¹ Пелла, Джузеппе (1902–1981): с 1948 по 1953 год министр финансов, казначейства и бюджета. Он использовал средства из плана Маршалла исключительно для сбалансирования государственного бюджета, а не для стимулирования экономики, как это планировалось изначально.

⁹² Альсид Де Гаспери, председатель правительства с декабря 1945 по август 1953 года.

⁹³ Società Italiana Sistemi A Litto, итальянское общество государственных лотерей.

Таковы чудеса государственного вмешательства в экономику, которые всегда очень похожи, будь то формула Муссолини, Гитлера, Рузвельта или сегодняшняя лейбористская или «советская» формула.

Экономическое планирование - это химера, всеобщий фанатизм не только до тех пор, пока государство находится в руках класса капиталистов, но и до тех пор, пока в мире существуют могущественные капиталистические государства. Независимо от того, где и кем она будет решаться, невозможно будет удовлетворить человеческие потребности и способствовать общему благу, построены будут только базы для привилегий, для эксплуатации и грабежа, для «трудовых страданий», которым подвергается незащищенное население.

Тезисы к главам I-VI

I - Классовые революции

В социальных революциях класс отнимает власть у того, кто удерживает её, когда противоречие между старыми отношениями собственности и новыми производительными силами приводит к разрушению первых.

II - Буржуазная революция

Буржуазная революция, когда технические открытия навязали крупное производство и машиностроение, отменила привилегии феодальных помещиков на персональный труд крепостных, а также порвала корпоративные узы, регулирующие ручной труд; в больших масштабах она экспроприировала ремесленников и мелкособственнических крестьян, лишив их владения землей и рабочих инструментов, продуктов их труда, чтобы превратить их, как и земельных крепостных, в наемных пролетариев.

III - Пролетарская революция

Класс наемных рабочих борется с буржуазией, чтобы вместе с уничтожением частной собственности на землю и производительное оборудование упразднить частное владение продуктом сельского хозяйства и промышленности, подавляя формы производства в виде предприятий, а так же формы торгового и денежного распределения.

IV - Сельская собственность

Взамен общинного управления сельскохозяйственными землями и их распределения по феодальным округам, буржуазная революция установила свободную торговлю землей, сделав ее буржуазной собственностью, которая может быть приобретена не по праву рождения, а за деньги, как и в случае промышленных и торговых компаний.

Примечание. Мнимый феодализм Медзоджорно

В аграрном секторе Медзоджорно, как и во всей Италии, установился полностью буржуазный порядок. Ложное требование борьбы против

привилегий баронов и феодалов представляет собой полное отклонение от пролетарской классовой борьбы против буржуазного режима и римского государства.

V - Буржуазное право на недвижимость

После того, как феодальные путы были сняты, римское право стало образцом правовых принципов, которые класс капиталистов применял к приобретению и владению землей; те же формальные нормы действовали как для мелких крестьян, так и для крупных буржуазных землевладельцев.

Примечание. Земельная реформа в Италии

Проблемы итальянского сельского хозяйства могут быть решены не юридическими реформами распределения прав собственности, но только революционной борьбой за свержение национальной власти буржуазии, за устранение господства капитала над сельским хозяйством, и дробление земли очень ничтожная форма эксплуатации обрабатывающих эту землю.

VI - Городская собственность

При капиталистическом праве собственность на землю и городские здания подчиняется рынку и принципу частной собственности.

Концентрация безрезервных пролетариев в замкнутых пространствах является условием накопления капитализма; нехватка жилья, их переполненность и высокая цена - характерные черты буржуазной эпохи.

Передача дома в полную собственность отдельному арендатору, отмена или уменьшение арендной платы, или даже преобразование земли и зданий в государственную собственность, не являются программой, которая отвечает интересам работников.

Пролетарская революция будет иметь непосредственное влияние на новое распределение использования жилья, и тогда ее цель будет состоять в том, чтобы разгрузить крупные центры с радикальным изменением отношений между деревней и городом.

Примечание. Проблема общественных работ в Италии

Политика замораживания ренты и планы по борьбе с безработицей путем строительства домов являются мертворожденными реформами и

110 Тезисы к главам I-VI

демагогическими средствами такой избитой вассальной буржуазии, как итальянская буржуазия. Они только доказывают подчинение государственного управления капитализму и его спекулятивным требованиям и нелепость притворства осуществлять рациональное планирование в рамках товарных экономик, основанных на корпоративной прибыли.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Глава VII Владение движимой собственностью

Капиталистическая монополия на продукты труда

вижимые блага, поставляемые производством, не являются объектом права собственности, они могут использоваться и передаваться по усмотрению их владельца; такова юридическая формула в буржуазном обществе.

По сути, при массовом производстве капиталистический предприниматель владеет и распоряжается всей движимой собственностью, всеми продуктами, товарами, созданными трудом на его предприятии.

Социалистическое требование об отмене классовой монополии капиталистических предпринимателей на средства производства, представленное как уничтожение частной собственности на помещения и оборудование предприятий, имеет в качестве реального содержания отмену монополии индивидуальных предпринимателей и класса капиталистов на массу продуктов.

Аюбая мера, которая бы ограничивала юридическое право собственности на рабочее место, оборудование или машины, но сохраняла бы прямую или косвенную монополию <u>лиц, фирм</u> или <u>класса</u> капиталистов на продукты, их назначение и распределение, не является социализмом.

Глава VIII

Промышленное предприятие

Система предприятия, основанная на эксплуатации рабочих и социальных растрат труда

апиталистическое производственное предприятие имеет в качестве титульного владельца предпринимателя, которым может быть физическое или юридическое лицо (фирма, компания, акционерное общество, кооператив и т.д.). Даже в том случае, если у предприятия есть головной офис и стационарные оснащения, недвижимость или даже машины и оборудование могут принадлежать собственнику, который не является предпринимателем.

В классической буржуазной экономике меновая стоимость любого товара измеряется временем человеческого труда, но утверждается, что существует то же рыночное и правовое равновесие при покупке и продаже товаров и в оплате труда сотрудникам предприятия. Прибыль служит вознаграждением за лучшую техническую организацию различных факторов.

Маркс в доктрине о прибавочной стоимости показал, что заработная плата или цена, уплачиваемая за рабочую силу, меньше той стоимости, которую последняя добавляет к товару, когда вся стоимость выражается во времени труда. Прибыль капитала представляет собой неоплачиваемый труд рабочих.

Современные производительные технологии, требующие замены индивидуальной деятельности общественной деятельностью, заключены в формы частного предпринимательства с целью гарантировать выжимание прибавочной стоимости. Индустриальный класс, пользующийся этим преимуществом, сохраняет и защищает, благодаря политической власти, систему производства, которая обеспечивает ему максимум прибыли и накопления, в то время как социально полезные и целесообразные продукты (как для рабочего класса, так и для всех) сжимаются до минимума в отношении прилагаемых усилий.

Избыток и растрата социального труда класса пролетариев по отношению к массе продуктов, полезных для потребления, находятся в более отрицательных пропорциях, в десятки раз хуже, чем существующее отношение между неоплаченным трудом, или прибавочной стоимостью, и оплаченным трудом отдельного работника.

Следовательно, ошибочны следующие тезисы: социализм состоит в полной оплате продукта труда - эксплуатация рабочих будет отменена после отмены прибавочного труда и прибавочной стоимости - всякая экономика без прибавочной стоимости является социалистической экономикой - социалистическая экономика может быть вести расчет в денежных единицах - социалистическая экономика состоит из правильного учета часов рабочего времени.

Социализм есть социальная и историческая ликвидация капитализма, системы производства, контролируемой инициативой предприятий или ассоциацией предприятий, конституированной в класс и буржуазное государство.

До «высшей» фазы, когда каждый будет получать в соответствии со своими потребностями, мы можем говорить о социалистическом учете только в тех секторах, где не будет двойной записи или фирменного баланса, и где в плановых расчетах организации будут использоваться только физические единицы измерения, такие как единицы веса, грузоподъемности, силы и механической энергии.

Глава IX Ассоциации между предприятиями и монополии

Неизбежная монополия как следствие так называемой свободной конкуренции

ундаментальный тезис буржуазной экономики состоит в том, что выбор наиболее социально полезных предприятий будет обеспечен явлениями свободного рынка и балансированием цен в соответствии с наличием товаров и потребностью в них.

Марксизм показал, что, даже признав на мгновение эту экономику конкуренции, свободного производства и обмена, образы буржуазной фантастики и мелкобуржуазных иллюзий, законы накопления и концентрации, действующие в ней, приводят к страшным кризисам перепроизводства, уничтожению продуктов и рабочей силы, отказу от производственного оборудования, безработице и всеобщей нищете. Именно через последовательные волны таких кризисов обостряется антагонизм между богатым и могущественным классом капиталистов и нищетой масс, как занятых, так и безработных, подталкиваемых к организации в класс и к восстанию против системы, которая угнетает их.

Буржуазия, как правящий класс, сначала нашла достаточную основу для своего единства в политическом и административном государстве, своем «комитете интересов», несмотря на фикцию выборных институтов, где она управляла через партии, которые в качестве революционных оппозиций возглавили антифеодальную революцию. Сила этой власти была также немедленно направлена против первых проявлений давления класса рабочих.

Организация рабочих в экономических союзах движется в рамках борьбы за снижение уровня прибавочной стоимости; последующая организация в политическую партию выражает свою способность ставить перед классом цель свержения власти буржуазии, подавления капитализма с радикальным сокращением количества применяемого труда, увеличением потребления и общего благополучия.

Со своей стороны, противоборствующий буржуазный класс, неспособный не ускорять накопление капитала, поставил перед собой задачу противостоять огромным потерям производительных сил, последствиям периодических кризисов, в частности, последствиям организации рабочих, принимая на определенном этапе развития принцип формы (известные из той же истории первоначального накопления) договоренностей, соглашений, ассоциаций и союзов между предпринимателями. Вначале эти соглашения были ограничены рыночными отношениями, как при распределении продуктов, так и при покупке рабочей силы, с обязательствами соблюдать определенные указания, избегая при этом конкуренции; затем они распространялись на весь производительный механизм: монополии, тресты, картели, синдикаты предприятий, производящих соглашения) продукты (горизонтальные ИЛИ объединили аналогичные последовательные этапы обработки производства определенных продуктов (вертикальные соглашения).

Описание этой фазы капитализма - классический ленинский «Империализм», подтверждение истинности марксизма, который показал, « свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведёт к монополии».

Глава X Финансовый капитал

Производственно-кредитные предприятия и рост классового экономического паразитизма

В дополнение к фабрике и машинам, предпринимателю необходим ликвидный денежный капитал, который он авансирует для приобретения сырья и выплаты заработной платы и затем возвращает, продавая продукцию. Так же, как в случае недвижимости и оборудования, ему не обязательно быть титульным собственником этого капитала Этот необходимый капитал ему предоставляют банки под годовую процентную ставку без потери собственником, индивидуальным предпринимателем или фирмой права собственности на предприятие.

Буржуа, достигший своей идеальной формы, теперь кажется нам обворованным и лишенным всякого права на недвижимую или движимую собственность, денег и, прежде всего, каких-либо принципов. Он больше не вкладывает или рискует ничем своим, но ему по-прежнему юридически в его руках остается масса продуктов и, следовательно, прибыль. Он избавился от своей собственности, получив таким путем множество других преимуществ; это его стратегическая позиция, которую у него следует отнять. Его социальное, историческое и юридическое положение может пасть только с политической революцией, предпосылкой экономической революции.

Буржуазный класс посредством очевидного разделения промышленного и финансового капитала в действительности укрепляет свои связи. Преобладание финансовых операций приводит к тому, что крупные союзы контролируют мелкие и крошечные фирмы, а затем поглощают их как на национальном, так и на международном уровнях.

Финансовая олигархия, которая концентрирует огромный капитал в руках немногих, экспортирует его и инвестирует из одной страны в другую, является неотъемлемой частью того же класса предпринимателей, чей центр деятельности все больше смещается от техники производства к деловому маневрированию.

С другой стороны, в системе акционерных обществ капитал промышленного предприятия, состоящий из недвижимости, инструментов и денежных средств, является титульной собственностью владельцев акций, которые заменяют конечного собственника недвижимости, арендодателя машин

и ссудный банк. Арендная плата, рента и проценты по займам принимают форму всегда скромной прибыли или «дивидендов», распределяемого в руки акционерам «управлением», то есть предприятием. Оно является отдельной организацией, которая авансирует акционерный капитал в качестве <u>пассива</u> баланса и посредством различных маневров грабит своих кредиторов; истинная центральная форма накопления. Со своей стороны, при наличии акционерного капитала банковское маневрирование оказывает промышленным и деловым группам ту же самую услугу по грабежу мелких держателей денег.

Формирование сверхприбылей растет по мере того, как мы отдаляемся от фигуры промышленного босса, который благодаря своим техническим навыкам ранее привносил общественно полезные инновации. Капитализм становится все более и более <u>паразитическим</u>, и вместо того чтобы мало скапливать и оставлять себе, много производя и способствуя потреблению, он много скапливает и оставляет себе, мало производя и плохо удовлетворяя общественное потребление.

Глава XI Империалистическая политика капитала

Конфликты между капиталистическими группами и государствами за передел и господство над миром

Встречает пределы как в отношении вложения накопленного капитала, так и в отношении отсутствия местного сырья, рабочей силы метрополии или отсутствия рынка сбыта.

Завоевание иностранных рынков, наём иностранных рабочих, импорт или, наконец, перенос деятельности всего капиталистического предприятия в чужую страну с использованием местных лиц и факторов - это процессы, которые не могут развиваться в капиталистическом мире с помощью чисто экономических средств, таких как конкуренция, но может включать в себя попытки регулирования и контролирования цен купли-продажи и постепенного закрепления привилегий и протекций через государственные меры или межгосударственные конвенции. Таким образом, экономический экспансионизм становится открытым или скрытым колониализмом, подкрепленным мощными военными средствами. Это сила, которая распутывает соперничество за захват колоний и господство над малыми и слабыми государствами, будь то контроль крупными имкинаржодогоам полезных ископаемых, подвергающихся пролетаризации, или слоями потребителей, способными поглотить продукты капиталистического индустриализма. В современном мире последние в основном состоят не только из рабочих и капиталистов развитых стран, но также из социальных средних классов, таких как крестьяне и ремесленники, и из населения стран, капиталистическая экономика которых еще не развита, и которые сегодня образуют так много островов, один за другим выходящих из локального и самодостаточного экономического цикла и словно погружающихся в окружающую их универсальную сеть международной капиталистической экономики.

Для любого марксиста очевидно, что усложнение этих исторических отношений между сверхиндустриализированными метрополиями и отсталыми странами, белой расы или нет, может порождать непрекращающиеся конфликты

не только между колонизаторами и колонизированными, но, прежде всего, между группами захватнических государств.

Пролетарская теория отвергает следующие тезисы как контрреволюционные:

- а) можно и нужно замедлить всемирное распространение промышленных технологий и крупных организованных сетей связи и транспорта (пережитки мелкобуржуазного либерализма и либеризма);
- б) необходимо социально и политически поддержать колониальные и имперские предприятия буржуазии (социал-демократический оппортунизм, коррупция профсоюзных боссов и «пролетарской аристократии»);
- в) колониальная система, основанная на капитализме, может привести к экономическому и политическому равновесию между империалистическими державами или к стабильному и уникальному имперскому центру и избежать развивающейся гонки вооружений и милитаризма, а также усиления угнетающих и репрессивных систем классовой полиции (ложный интернационализм и федерализм между буржуазными государствами, основанный на симулированной автономии и самоопределении народов, а также на системах безопасности и предотвращения «агрессий»).

« IIмпериализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе »

««интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы в капиталистической действительности [...] — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами»

Ленин, «Империализм, как высшая стадия капитализма» Единственный выход из мирового империализма - мировая революция.

Глава XII Современный бизнес без собственности и без финансов

Подряды и концессии, предвещающие формы современной капиталистической эволюции

мобая новая социальная форма, которая по мере развития производительных сил имеет тенденцию к обобщению, оказывается прежде всего смешанной с традиционными формами посредством «примеров» и «моделей» нового метода. Сегодня мы можем изучать форму предприятия без собственности, анализируя строительную отрасль и, в более общем плане, общественные работы, удельный вес которых в экономике имеет тенденцию ко все большему увеличению.

Желательно исключить фигуру «клиента», владельца земли и зданий, в которых выполняются работы, а также того, кто станет владельцем выполненных работ, понимая, что он безразличен для целей экономической динамики «подрядной компании», будь то частное лицо, организация или государство.

Компания, или «подрядчик» работ, имеет следующие характеристики:

- 1) У него нет мастерской, фабрики или собственного предприятия, но он по частям собирает «площадку» и бюро на месте, представленном для него заказчиком, который даже выделяет учетную сумму для этих установок, площадок и временных сооружений.
- 2) Он может владеть своими инструментами или даже своими машинами, но чаще, переезжая в разные места и далеко друг от друга, он арендует их или покупает и перепродает их на месте, или ему удается получить за них полную компенсацию за амортизацию.
- 3) Теоретически, он должен иметь денежный капитал для авансирования на сырье и заработную плату, но следует отметить:

- а) что он легко получает этот капитал от банков, если докажет, что банк «награждает» хороший бизнес, предоставив гарантийные поручения на оплату;
- б) что в современных формах, часто под воздействием «особых законов», государство финансирует, авансирует или иным образом обязывает делать это кредитные учреждения;
- в) что «цены единицы продукции», на основании которых части работы оплачиваются компании (то есть реальные <u>продукты</u> рассматриваемой отрасли, продаваемые и оцениваемые с самого начала, без учета какого-либо коммерческого риска, несмотря на легкость увеличения <u>счетов</u> по прошествии времени) формируются путем добавления также ко всем затратам доли «процентов» на авансированный капитал, и только после всего этого <u>прибыли</u> предпринимателя.

В этой типичной форме бизнес, прибавочная стоимость и прибыль, как правило, очень высоки, в то время как вся собственность на недвижимость, движимые товары, такие как инструменты и даже наличные, исчезает.

Когда все эти отношения находятся в ведении государственных органов и государства, капитализм дышит самым чистым кислородом, ставки вознаграждения стремительно растут, а избыточные расходы косвенно ложатся на другие классы: минимально - на мелких и крупных собственников, максимально - на безрезервных и пролетариев.

Действительно, компания не платит земельный налог, поскольку она не владеет недвижимостью и ей возмещаются налоги на перемещение движимой собственности, в том числе те, которые указаны под названием «анализ цен единицы продукции», так как они включены в статью «общих расходов».

В этих формах предпринимательский класс ничего не платит за содержание государства.

Концессии похожи на подряды. Концессионер получает участок, здания, иногда комплектное оборудование от государственного органа; он эксплуатирует завод и производит свою продукцию и прибыль. Далее он обязан выполнить определенные работы, оборудование и улучшения и выплачивает определенную арендную сумму наличными, целиком или периодическими платежами. Через определенное количество лет, что всегда важно, вся собственность, включая новые установки с их улучшениями, будет возвращена органу, предоставляющему право, или в публичное достояние, за которым всегда сохранялось право собственности.

Экономический расчет, касающийся этих отношений, демонстрирует огромное преимущество для управляющего, если учесть: налоги на собственность, которые он не платит, - значительный процент или ренту, обусловленную стоимостью земли и исходного оборудования, которое он не

обязать приобретать - «амортизационные» зачисления в качестве компенсации за износ и устаревание, которые он не должен откладывать, потому что он вернет не новое оборудование, но давно использованное и эксплуатируемое.

В концессии представлено почти полное отсутствие рисков для его собственных инвестиций, и та же высокая прибыль, как и в случае с подрядами, а также имеет важную характеристику, заключающуюся в возможности расширения на все виды производства и снабжения отраслей, даже со стационарными местами работ; поэтому тенденция этой современной формы состоит в том, чтобы охватить все секторы экономики без ущерба для принципа бизнеса и прибыли.

В действительности, у современного государства никогда не было прямой экономической деятельности, оно всегда делегировало её путём подрядов и концессий капиталистическим группам. Это не тот процесс, при котором капитализм и буржуазный класс теряют привилегированных позиций; видимому отказу от должностей соответствует увеличение массы прибавочной стоимости, накопленной прибыли, всемогущества капитала и, в то же время, социальных антагонизмов.

Таким образом, масса накопленного промышленного и финансового капитала, который находится в распоряжении корпоративных маневров буржуазного класса, намного больше, чем кажется при сложении различных титулов собственности, будь то движимых или недвижимых стоимостей, которыми владеют отдельные капиталисты и собственники; и это выражается в фундаментальной теореме Маркса, которая описывает капиталистическую систему как общественный факт и общественное производство, которое самоутверждается под защитой персонального права.

Капитализм является классовой монополией, и капитал в целом накапливается все больше и больше в качестве дотации правящему классу, а не в качестве приумножения лиц или фирм. После подтверждения этого принципа схемы и уравнения Маркса о воспроизводстве, накоплении и обращении капитала перестают быть загадочными и непостижимыми.

Глава XIII Государственное вмешательство и государственный дирижизм в экономике

Современная ориентация контролирования экономики, растущее подчинение государства капиталу

абор бесчисленных современных проявлений, когда государство, повидимому, дисциплинирует экономические факты и деятельность в сфере производства, обмена и потребления, ложно интерпретируется как уменьшение и ограничение капиталистической природы современного общества.

Доктрина о том, что государство воздерживается от принятия экономических функций и от вмешательства в производство и обращение товаров, является лишь идеологической маской, приспособленной к периоду, когда капитализм должен был расчистить себе путь революционной силой, преодолев все социальные и юридические препятствия, мешавшие ему осуществить свой производительный потенциал.

Для марксизма буржуазное государство, даже едва сформированное, гарантирует присвоение товаров и продуктов держателями накопленных денег, кодифицируя право на индивидуальную собственность и его защиту, тем самым открыто выполняя экономическую функцию, при том не ограничиваясь внешней помощью мнимой «естественной» спонтанности явлений частной экономики. В этом и заключается вся история первоначального накопления, колыбель современного капитализма.

По мере того, как капиталистический тип организации вторгается во все волокна социальной структуры, на все территории, с концентрацией богатства и грабежом средних классов, буржуазия обостряет современные классовые противоречия и противостояния, поднимая против себя пролетарской класс,

бывший когда-то союзником в антифеодальной борьбе, и все больше превращает свою внутриклассовую связь из чистой идеологической, философской и юридический солидарности в организационное единство для контроля над развитием общественных отношений и без колебаний признает, что они возникают не из мнений, а из материальных интересов.

Поэтому государство начинает участвовать в производстве или в экономике в целом, всегда продвигая классовые цели капиталистов, предпринимателей экономической деятельности и деловых инициаторов с растущей базой.

Аюбые экономические и социальные меры, принимаемые государством, даже когда ему удается эффективно навязать цены на продукты питания или товары, поддерживать уровень заработной платы, пожертвования работодателей для «социального обеспечения» и т.д., соответствуют механизму, в котором капитал служит двигателем, а государство - «операторской» машиной.

Например, подрядчик общественных работ или концессионер, например, при прокладывании железной дороги или электрической сети, готов платить более высокую заработную плату и социальные отчисления, поскольку они автоматически включаются в расчет «цен единицы продукции» или «публичных расходов». Прибыль, оцениваемая как процент от общей суммы, растет, прибавочная стоимость увеличивается в массе и в размере, поскольку даже наемные работники платят налоги государству, пользуются железной дорогой и электричеством, а индекс заработной платы всегда отстает от всего остального.

Кроме того, эта система все больше поощряет компании, чьи творения и продукты используются малый срок времени или вообще не потребляются, компании, которые производят для более или менее вредного и антисоциального потребления, поддерживая иррациональность и анархию производства в противоположность вульгарному мнению, находящему в государственной активности принцип научной организации и победу знаменитого «общего интереса».

Речь идет не о частичном подчинении капитала государству, а о более глубоком подчинении государства капиталу. И чем больше осознается большая подчиненность отдельного капиталиста совокупности капиталистов, тем больше растет сила и власть правящего класса, а также подчинение мало привилегированных более привилегированным.

Государственное управление экономикой означает, что в разное время и в разном окружении, с приливами и отливами, более или менее эффективно удовлетворяются многочисленные классовые требования буржуазии: защита от недопроизводства перепроизводства преодоление, кризисов И И предотвращение подавление восстаний эксплуатируемого противостояние ужасным социальным экономическим И

экспансионистских войн, завоеваний, борьбы за мировое господство и глубоких потрясений в последующие периоды.

Пролетарская теория не рассматривает государственное вмешательство как предвосхищение социализма, которое бы оправдывало политическую поддержку буржуазных реформаторов и ослабление классовой борьбы; пролетарская теория рассматривает буржуазное политико-экономическое государство в качестве более развитого, более опытного и более свиреного врага, чем абстрактное чисто юридическое государство, и стремится к его разрушению. Но она не противостоит этой, заранее предвиденной, современной эволюции капитализма, с помощью либеральных требований, требований свободы торговли или гибридных теорий, основанных на стихийности производственных единиц, без систематических центральных связей и связанных в обмене свободными договорными соглашениями (синдикализм, экономика комитетов на предприятии).

Глава XIV Государственный капитализм

Государственная собственность. Предприятия без собственности и без финансов

Собственность на землю, заводы и деньги в государственной форме накапливается путём передачи в распоряжение частных капиталистических производственных или деловых предприятий и их инициативе.

писывая современную капиталистическую экономику мы найдем фундаментальное различие между тремя формами: собственность финансы - предприятие. Эти три фактора, которые встречаются на любом производственном предприятии, могут входить в компетенцию и титульную собственность одного или разных людей.

Собственность относится к недвижимости, где расположено предприятие: земля, постройки, сооружения. Она приносит аренду, которая после вычета «имущественных» сборов составляет ренту. Этот фактор может распространяться также и на основные машины, оборудование или другие стабильные работы, без экономических различий, а также на подвижные машины и различные инструменты, с той лишь разницей, что последние изнашиваются быстрее и требуют более частой замены, что приводит к значительным периодическим затратам (амортизация) в дополнение к дорогостоящему обслуживанию. Но качественно то же самое относится и к жилью, сооружениям и даже к земельным фондам: марксисты отвергают тезис о том, что существует базовая рента, особая земельная рента, которая была бы создана вне человеческого труда. Таким образом, первый элемент - это собственность, которая приносит чистый доход.

Второй элемент - это оборотный денежный капитал: в каждом цикле он должен использоваться для закупки сырья, выплаты заработной платы рабочим, накладным расходам всех видов и налоговым отчислениям. Эти деньги могут быть выплачены особым частным финансистом или чаще всего банком, что

получает только годовой процент по фиксированной ставке. Для краткости мы называем этот элемент финансами и их <u>процентами</u>.

Третий характерный элемент - <u>предприятие</u>. Предприниматель является реальным организационным фактором производства, именно он составляет программы, принимает решения о закупках и остается хозяином продуктов, стремясь доставить их на рынок в наилучших условиях, получая при этом совокупную прибыль от продажи. Товар принадлежит предпринимателю. Различные авансы вышеупомянутых компонентов выплачиваются из поступлений: арендная плата, проценты на капитал, цены на сырье, рабочую силу и т.д. В целом, однако, у него остается излишек, который называется прибылью предприятия. Поэтому третий элемент: <u>предприятие</u>, которое приносит прибыль.

Собственность имеет свою стоимость, которая называется патримониальной, наследуемой или имущественной, финансы имеют свою собственную стоимость, которая квалифицируется как (финансовый) капитал, и, наконец, само предприятие имеет особую и отчуждаемую стоимость, проистекающую, как говорится, если не из секретов и патентов на техническую обработку, то из «посещаемости», «актива», «клиентской базы», и она считается принадлежащей «фирме» или «бренду».

Напомним также, что для Маркса недвижимая собственность соответствует классу землевладельцев, операционный (оборотный) и корпоративный капитал - классу капиталистических предпринимателей. Среди последних он проводит различие между банкирами или финансистами и реальными предпринимателями. Маркс и Ленин прекрасно демонстрируют важность первых в концентрации капитала и бизнеса, а также возможность конфликта интересов между двумя группами.

Чтобы полностью понять, что подразумевается под терминами «капиталистическое государство» и «государственный капитализм», а также под понятиями огосударствления, национализации и социализации, необходимо сделать отослать к принятию государственными органами каждой из трех первых отдельных основных функций.

Мало кто спорит с традиционными экономистами о том, что вся собственность на землю может быть национализирована, без преодоления капитализма и смены отношения между буржуа и пролетариями. Класс собственников недвижимости исчезнет, и они, получив денежную компенсацию от экспроприирующего государства, будут инвестировать деньги, став банкирами или предпринимателями.

Поэтому национализация земли или городских пространств не является антикапиталистической реформой. Примером может служить национализация недр, уже проведенная в Италии. Управление компаниями будет осуществляться

на условиях аренды или концессии, как в случае с государственной собственностью, добычей полезных ископаемых и т.д. (пример портов и доков).

Но государство может взять на себя не только владение основным оборудованием и различными инструментами, но и владение финансовым капиталом, контролируя, а затем поглощая частные банки. В эпоху капитализма этот процесс был полностью завершен, сначала за счет резервирования для одного банка печатных бумажных денег, гарантированных государством, а затем с обязательными банковскими картелями и их центральной дисциплиной. Следовательно, государство может более или менее прямо представлять в пользование предприятию не только собственность, но и денежный капитал.

Таким образом, мы имеем следующую последовательность:

- частная собственность, частные финансы, частное предпринимательство;
- государственная собственность, частные финансы и предпринимательство;
- государственная собственность и финансы, частное предпринимательство.

В последующей и полной форме государство также является титульным собственником предприятия: либо оно экспроприирует и компенсирует его стоимость частному владельцу, либо, в случае акционерных обществ, оно приобретает все акции. Затем у нас есть государственное предприятие, на котором все операции по закупке сырья и оплате труда производятся за счет государственных денег, а вся выручка от продажи товаров идет государству. В Италии, например, есть государственные табачная монополия и железные дороги.

Эти формы известны давно, и марксизм неоднократно отмечал, что в них нет ничего социалистического. Не менее ясно, что гипотетическое полное огосударствление всех секторов производительной экономики не является реализацией социалистического требования, как это часто повторяет общественное мнение.

Система, в которой все предприятия, основанные на коллективном труде, будут принадлежать государству и управляться государством, называется государственным капитализмом, и это сильно отличается от социализма, поскольку это одна из исторических форм капитализма прошлого, настоящего и будущего. Отличается ли она от того, что называют «государственным социализмом»? Термин «государственный капитализм» подразумевает экономический аспект этого процесса и гипотезу о том, что рента, прибыль и навар проходят через государственную казну. Что касается государственного социализма (с которым марксисты всегда боролись и который во многих случаях

считался реакционным даже по отношению к буржуазно-либеральным требованиям против феодализма), мы ссылаемся на исторический аспект: замена собственности частных лиц коллективной собственностью без необходимости классовой борьбы или революционного захвата власти, но посредством законодательных мер, исходящих от правительства, что является теоретическим и политическим отрицанием марксизма. Государственного социализма не может быть и потому, что государство сегодня представляет не социальную общность, а правящий класс, т.е. класс капиталистов, и потому, что государство завтрашнего дня будет эффективно представлять пролетариат, но как только производительная организация станет социалистической, не будет ни пролетариата, ни государства, а будет только бесклассовое и безгосударственное общество.

В экономической сфере капиталистическое государство является, пожалуй, первой формой, с которой начинается современный индустриализм. Первая концентрация рабочих, жизненных средств, сырья, инструментов была невозможной ни для одного частного лица, но было доступна только органам государственной власти: коммуна, синьория, республика, монархия. Ярким примером является вооружение кораблей и торговых флотов, основа формирования универсального рынка, который для Средиземноморья начинается с крестовых походов, для океанов - с великих географических открытий конца XV-го века. Эта начальная форма может вновь возродиться как финальная форма капитализма, и эта эволюция выгравирована в марксистских законах накопления и концентрации. Собранные мощными массами из государственного центра собственность, финансы и господство на рынке - это энергия, находящаяся в распоряжении корпоративной инициативы и господствующей капиталистической коммерческой деятельности, особенно с ясными целями его борьбы с натиском пролетариата.

Поэтому, чтобы подтвердить непреодолимую дистанцию между государственным капитализмом и социализмом, этих двух общих различий недостаточно:

- а) Огосударствление компаний никогда не является полным, но ограничивается несколькими из них, иногда с целью повышения рыночной цены в пользу государственного органа, в других случаях, во избежание чрезмерного роста и политико-социальных кризисов;
- б) Государство, управляющее теми или иными многочисленными национализированными предприятиями это, тем не менее, историческое государство класса капиталистов, которое еще не свергнуто пролетариатом и вся политика которого служит контрреволюционным интересам правящего класса.

К этим двум важным критериям мы должны добавить следующие, не менее важные, чтобы заключить, что мы находимся в полном буржуазном капитализме:

- в) продукты государственных предприятий имеют <u>товарный характер</u>, то есть они размещаются на рынке и могут быть приобретены потребителем за деньги;
- г) исполнители получают вознаграждение в деньгах и, следовательно, остаются наемными работниками;
- д) управляющее государство рассматривает различные предприятия как отдельные компании и предприятия, каждое из которых имеет собственный баланс доходов и расходов, рассчитываемый деньгах, в отношениях с другими государственными предприятиями и в любых других отношениях, и требует, чтобы эти балансы приводили к активной прибыли.

Глава XV Возникновение коммунистической экономики

Условия перехода от капитализма к коммунизму и примеры предвосхищения новых форм.

Характеристики новой системы производства и распределения можно сформулировать как диалектическую оппозицию в отношении препятствий, мешающим её осуществлению. Исследование частичных проявлений, предвосхищающих деятельность в некапиталистических формах.

место термина «коммунистическая экономика» мы предпочитаем термин «коммунистическое производство» или, еще лучше, «коммунистическая организация», чтобы не впасть в неоднозначность буржуазной науки, которая определяет в качестве экономического факта как любой процесс, который не просто касается производства с применением человеческого труда и потребления для человеческих нужд, но и содержит направление и «импульс» к достижению преимущества в операции обмена, тем самым исключая то, что сделано путем принуждения либо посредством спонтанной социальности.

Марксисты всегда следовали критике, которая выходила за пределы утопических систем, не потому, что они были слишком причудливы, а потому, что они всегда были гнилой копией капиталистического порядка. И неверно считать, что марксисты не признавали конкретное раскрытие характеристик будущей организации.

Совершенно ясно, что всякое революционное движение в первую очередь показывает массам те традиционные формы, которые оно стремится разрушить, при этом понимается, поскольку теперь стало очевидным, что они являются чистыми препятствиями на пути к улучшению, с уже нынешними достигнутыми

ресурсами рабочей техники. Это, например, <u>отмена</u> рабства, феодального крепостничества. Наша формула такова: отмена наемного труда. И мы показали, что отмена частной собственности на средства производства будет лишь её перефразированием, и что даже требование, выраженное отрицательно (глава III), будет более полным, включив в себя: отмену собственности на продукты, отмену товарного характера продуктов, денег, рынка, разделения между предприятиями и (если следует добавить) разделения общества на классы и отмена государства.

Требование упразднения независимо действующих предприятий полезно для прояснения, что марксистское видение <u>единого</u> производственного объединения отличается от видения ряда автономных объединений групп производителей, которые обмениваются и заключают контракты друг с другом, и арбитрами которых являются группы или советы производителей. Эта позиция - идеология собственников-производителей, общая для самых разных школ, объектов нашей критики (Прудон, Бакунин, Сорель, а также мадзинисты, социальные христиане, «ординовисты» Эта формула фигурирует уже во время правления святого Бенедикта, поистине грандиозного для того времени Эта.

Таким образом, «единый центральный план», который имеет тенденцию к глобальному масштабу, является характерным элементом коммунистической организации труда и потребления.

Разобравшись, что единый план нынешнего государства, даже централизованный и распространяющийся на межгосударственные федерации и союзы с единой дисциплиной производства и распределения, остается полностью капиталистическим, мы должны подтвердить все характеристики, которые определяют общественную организацию, что больше не является капиталистической.

Опровергнув то, что наличие государственных предприятий позволило бы отнести общество к социалистическому или к «частично социалистическому, частично капиталистическому» типу, и то, что оно не совпадает с нашей оценкой недавних, полностью ожидаемых экономических фактов - концентрации собственности, финансов, капитала и рынка — параллельных фактам политической, военной и полицейской силы капитализма и выражению революционного антагонизма, необходимо установить, какой путь процесса развития позволяет найти коммунистическую организацию на данном этапе.

^{94 «}L'Ordine nuovo» - еженедельный туринский журнал, издаваемый Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти, Анджело Таска и Умберто Террачини.

^{95 «}Ora et labra (et lege)» (лат.): Молитесь и работайте (и читайте).

Ошибочный тезис: до тех пор, пока революционное насилие не разрушит буржуазное политическое государство и не возведет власть диктатуры пролетариата, всё является в той или иной степени концентрированным или раздробленным капитализмом, либеральным или диктаторским, свободнорыночным или плановым. Только с момента революции, сектор за сектором, мы коммунистической организации, видеть формы капиталистическую, поэтому будет существовать частично капиталистическая и частично коммунистическая экономика в условиях быстрой трансформации. На настоятельная необходимость преодоления древних производства представляется в нашем понимании не как идеальное требование, но как конкретное свидетельство, отвергающее устаревшие формы и демонстрирующее бесконечно превосходящие характеристики новых форм, существующих даже до политической революции.

Например, рабство разрушилось под ударами восстаний рабов, но до них и даже до того, как государство их осудило, становится очевидным, что эксплуатация, основанная на рабском труде, вступает в кризис, а мелкие и средние предприятия, нанимающие свободных производителей, процветают. Феодализм ослабевает, потому что в нужное время технические и механические открытия показывают, что первые мануфактуры и фермы со свободными рабочими создавали продукты с меньшими усилиями, чем в ремесленных промыслах и в феодальной деревне. Поэтому уже при полном феодальном устройстве растущая часть производства осуществляется в соответствии с капиталистическим порядком.

Таким образом, мы сможем найти примеры будущей коммунистической организации в условиях развитого капитализма, не обязательно в реальных государственных предприятиях, но в особых секторах.

ВЗЯТЬ пример почтового отделения, которое государственной службой задолго до буржуазной революции. всемогущий рядовой синьор мог иметь специального курьера для передачи каждого своего письма пешком или верхом. Почта на главных дорогах возникла как отрасль для перевозки людей и вещей, а затем и для корреспонденции. Изначально она была исключительно бесплатной, но быстро стала платной для получателя, который, однако, мог отказаться как от конверта, так и от налога. Было ясно, что такая услуга небезопасна. Изобретение почтовой марки решило эти проблемы: служба проникла повсюду и навсегда государственной, но коммерческой.

Другие, более сложные потребности и открытия ведут дальше. Телеграф может быть платным, но не радио. Считается, что абонентская плата слушателей радио это налог, а не цена, потому что зарубежные передачи можно слушать бесплатно. В случае опасности или кораблекрушения связь между радиолюбителями является бесплатной и добровольной.

В своих самых ранних работах 1844 года ⁹⁶ Энгельс подчеркивает что основой конкуренции является монополия, и цитирует классическую экономическую теорию: «Всё, что не может быть монополизировано, не имеет стоимости ». По этой логике, атмосферный воздух важнее хлеба, но поскольку он не может быть монополизирован, он не имеет никакой стоимости и не может быть куплен. Поэтому говорят, что природа поставляет его в неограниченном количестве.

Однако есть примеры не природных, а человеческих услуг, которые также оказываются без ограничений. Больницы для пострадавших от несчастных случаев принимают тех, кто сломал ногу. Но они также не отворачиваются ни от кого, кто бы сломал вторую ногу, лишь выйдя на улицу. Пожарная служба тоже бесплатна и не откажется выехать снова, даже если загорелся тот же дом, что и ранее. Поэтому существуют некоммерческие и неограниченные услуги. Это также верно при использовании дорог общего пользования и питья из уличного фонтана и т.д., если здесь мы оставим в стороне вопрос о налогах.

Можно только подметить, что пожарный и медсестра получают зарплату в деньгах, и поэтому этот сектор не является примером чистых коммунистических отношений.

Далее обратимся к примеру армии, мы видим сообщество, члены которого вовлечены в определенную деятельность, не всегда разрушительную или вознаграждаемую деньгами, при обязательной службе вознаграждения это натуральные припасы, в определенном смысле не ограниченные.

Нет никакого прямого учета предоставленной деятельности, будь она военной или гражданской, одного подразделения по отношению к другому, и свободного количества «боеприпасов» в широком смысле, включая продукты питания, униформу, транспортные средства и так далее, ведь они потребляются за счет центрального «отдела снабжения».

Поэтому очевидно и возможно, что в некоторых случаях человеческая деятельность организуется без денежного вознаграждения или компенсации; в других случаях без какого-либо пропорционального равенства между потреблением жизненных средств и предоставленным трудом или количеством продукта; в третьих случаях, нет требования, чтобы в некой компании поступало больше денег, чем расходовалось. Напротив, более широкие и современные потребности коллективной жизни могут быть удовлетворены только путем отказа от рыночных и прибыльных критериев, которые можно назвать «критериями баланса». В борьбе, например, против стихийных бедствий, эпидемий, наводнений, землетрясений, извержений вулканов, мы не только не требуем

-

^{96 «}Наброски к критике политической экономии».

компенсации от жертв, но и посредством центрального плана стремимся мобилизовать работу всех действительных жителей в этом районе, без какоголибо вознаграждения, распределяя жизненные средства и других пособия бесплатно и всем, кто нуждается в них.

Не должно быть никаких сомнений в том, что капиталистическая «цивилизация», которая после фазы гигантского роста производительности труда человека становится массовым производителем разрушений, конфликтов, истребительных войн, в том числе по отношению к мирным жителям, должна рассматриваться сегодня как катастрофа, постоянное бедствие, которое охватило всю земную поверхность.

В заключение, в нынешней организованной деятельности есть виды деятельности и «услуги», структура которых дает понять, что коммунизм не только возможен, но и необходим и исторически неизбежен, но эти примеры не следует искать в «огосударствлении» производства промышленных или сельскохозяйственных предприятий, а наоборот, в тех случаях, когда «товарное равенство» между предоставленным трудом и произведенной стоимостью было преодолено для достижения превосходящей формы «физического» управления и регулирования человеческих и социальных операций, которая не может быть представлена в виде двойной записи или актива баланса, а может быть только рационально ориентирована в соответствии с максимальным общим интересом посредством проектирования и расчетов, в которые больше не входят денежные эквиваленты.

Глава XVI Этапы экономической трансформации в России после 1917 года

Преобладание в современной российской экономике капиталистического характера обусловлено существованием открытых и скрытых внутренних и иностранных компаний, действующих в торговой и денежной среде.

которые были бы доступны не только для нашего автора, но даже для особой организации независимых исследований (термин, который на данном этапе угратил весь конкретный смысл), чтобы извлечь из их исчерпывающий план, сравнимый с тем, что дал Маркс о рождении и жизни английского капитализма и европейского капитализма вообще. Прежде всего, изначально силы победившего капиталистического класса не были ни герметичными, ни эзотерическими, и в ранний период они не были заинтересованы в сокрытии фактов своей экономики, которые наивно считали «естественными» и вечными. Поэтому марксизм нашел Англии не только экономические теории, которые достигли выдающегося уровня, от которых английские буржуа затем стремительно отступили, но прежде всего огромные подлинные материалы, что сегодня не представляется возможным в случае России.

Мы должны положить конец фундаментальной неоднозначности моделирования. Доктрина о том, что политическая революция, первое великое сражение пролетариата, может и должно было начаться в точке наименьшего исторического сопротивления, оказалась верна. Для нее не имеет значения, что Петроград 1917 года был столицей страны, еще менее развитой, чем Франция во времена Парижской Коммуны. Революционные коммунисты ни в коем случае не должны покидать свою прочную почву, чтобы довести до абсурда позицию тех, кто говорит: «Вы уже посетили Россию? Тогда пропагандируйте первое

экспериментальное <u>доказательство</u>, что коммунизм как организация производства работает лучше всего».

Ленин говорил и писал сто раз, что изолированная модель не является для марксизма серьезной вещью, но для решительного продвижения к реализации социализма необходимо взять Берлин, Париж и Лондон, чего не произошло. Следовательно, речь идет о прояснении экономических фактов и социальных программных позиций на различных этапах, приблизительно отмеряющих позиции большевиков с 1903 по 1917 год и с 1917 по 1923 год. После 1923 года российское правительство заняло контрреволюционные позиции с точки зрения рабочих, которые становились все более трудными для преодоления на следующих этапах:

- фаза разгрома революционной большевистской группы;
- союз с западными капиталистическими державами, сначала с Германией, затем с англо-американцами;
- текущая фаза пропаганды классового сотрудничества во всех странах и в глобальном масштабе.
- 1) Рождение российского капитализма на ограниченных территориях связано с инициативой феодального государства, а не с образованием сильной местной буржуазии (1700-1900).
- 2) Во время фазы, когда Россия была единственной европейской нацией, где не господствовала буржуазия и которая препятствовала распространению капиталистического производства по огромной территории, было верным, что пролетариат и его революционная партия взяли на себя проблемы двух, сразу объединенных друг с другом, революций. Политически Россия оказалась страной, наиболее благоприятной для тактики революционного пораженчества во время войны (1900-1917).
- 3) Социальные меры периода, непосредственно последовавшего за завоеванием власти пролетарской партией, могут быть только эмпирическими и временными, а не «моделями пропаганды», поскольку первостепенной задачей было нанесение поражения контрреволюции: а) феодальным силам; б) буржуазным, демократичным и оппортунистическим силам у себя дома; в) внешним силам, но не путем бесконечного столкновения с вооруженными интервенциями, что было бы иллюзорной исторической перспективой, а путем нападения на буржуазные метрополии посредством внутренней классовой революции.

Как описывал Ленин, российская экономическая картина представляла собой смесь <u>всех</u> экономических форм: дотоварных (первобытный коммунизм, азиатское господство и теократия, земельное баронство), товарных (промышленный, торговый и банковский капитализм, свободная частная

земельная собственность), пост-товарных (первые достижения «военного» коммунизма, то есть «гражданской войны», такие как бесплатный хлеб, дома, транспорт в больших городах и другие подобные вещи). Это правда, что в этих переходных рамках государственный контроль над фабриками, предприятиями, банками и сельскохозяйственными фермами является действительно революционными мерами, но при том только капиталистической революцией. Точно так же в случае принудительной реквизиции пшеницы у крестьян, которые быстро превратились из крепостных в самостоятельных производителей. Буржуазные революции делали то же самое: это показывает история (1917-1921).

4) Ленин твердо объяснил эти позиции во времена НЭПа, Троцкий, одобривший его директивы, объяснил, что это был социализм с капиталистическим учетом; действительно, именно тип бухгалтерского учета определяет экономическую форму. Правильное марксистское выражение было таково: капитализм с капиталистическим учетом, но чьи записи ведет пролетарское государство. Ранее существовал свободный рынок и свободная торговля, свободное ремесленное и мелкобуржуазное производство, свободное мелкое и среднее земледелие: все формы были готовы к прорыву, но до сих пор были подавлены машиной феодально-царистского правительства. Социально-революционный клапан был открыт.

С точки зрения Ленина, опасность этого поворотного момента была ясно выражена без уточнений: формирование класса капиталистов и накопление, неизбежное в паутине свободного рынка. Ленин считал, что пролетарская революция на Западе <u>позволила бы двинуться дальше</u>. Только тогда последующие деспотические меры вмешательства в организм российской экономики могли бы занять социалистическое направление (1921-1926).

После перспективы политической отказа OTреволюции капиталистических странах, так называемая теория социализма в отдельно взятой стране и центральное вмешательство государственной власти для подавления малых и средних сил земельной культуры, торговли и промышленности, для препятствия их превращению в политические силы, являются примерами без государственного капитализма малейшего пролетарского социалистического характера. Общая зрелость техники, что в определенном международным наследием и, следовательно, капитализма и индустриализма со степенью технической производительности, значительно превосходящей ту, с которой он начался в Англии, Франции, Германии, Америке, сократила этапы концентрации и накопления.

Государство, рожденное как государство победившего пролетариата, пережило инволюцию в направлении капиталистического государства и утвердилось – и это был единственный способ добиться производства крупными предприятиями - как работодатель российского промышленного и, в значительной степени, сельского пролетариата. С этого момента динамика

отношений имела связи не с пролетарским классом капиталистических стран, а с буржуазными государствами, в форме союза, войны или переговоров.

сложившейся таким образом оригинальной ситуации капиталистический рынок и экономика предприятий расцветают в полной мере. Идентификация физической группы людей, заменяющей буржуазию, что так и не сформировалась спонтанно или в той степени, в какой она сформировалась при царизме, будучи уничтоженной после Октября, не является серьезной трудностью и составляет проблему только для тех, кто находится под влиянием демократического и мелкобуржуазного образа мысли, которым в течение многих десятилетий заражали рабочий класс его так называемые лидеры. По мере того, как буржуазные предприятия и компании, бывшие сперва персональными, становятся коллективными, анонимными и, наконец, «публичными», буржуазия, никогда не относившаяся к касте, но родившаяся в защите права полного «виртуального» равенства, становится «сетью интересов, которые формируются в радиусе каждого предприятия». Наполнения этой сети очень разнообразны: это больше не собственники, банкиры или акционеры, а все больше дельцы, экономические консультанты, <u>бизнесмены</u>. Одной из характеристик развития экономики является то, что привилегированный класс обладает всё более изменяющимся и текучим человеческим материалом (нефтяные шейхи, которые были управляющими и т.д.).

Как во все эпохи, подобная сеть интересов и людей, находящихся на поверхности и нет, обладает отношениями с государственной бюрократией, но сама не является бюрократией, она обладает отношениями с «кругами политиков», но не является политическим персоналом.

При капитализме подобная сеть является в первую очередь «международной» и сегодня уже нет национальных буржуазных классов, а есть мировая буржуазия. Есть <u>национальные государства</u> мирового капиталистического класса

Российское государство сегодня является одним из них, но имеет свое особое историческое происхождение. Это единственное государство, рожденное двумя революциями, объединенными политической и повстанческой победой; оно единственное отказалась от второй революционной задачи, но еще не выполнила первую задачу: сделать всю Россию зоной товарной экономики. С последующим глубоким воздействием на Азию.

Самый быстрый способ сделать это, и без чего невозможно ни воевать, ни прелюбодействовать с другими национальными государствами, - это путь государства-хозяина земли и капитала, самый плодотворный и самый горячий

инкубатор для молодой и энергичной рыночной и «предпринимательской» ^{97} экономики.

Ключ к марксистской критике капитализма заключается в том, что он сводит на нет производительные силы не тем, что хозяева предприятий потребляют прибавочную стоимость, причем весьма ограничено, но своей разрушительной и беспощадной конкуренцией между компаниями и группами паразитов (и даже жуликов), где каждый из них сосет грудь: в анатомии российского общества, где не за что зацепиться скальпелем, это паразитическое явление не только живет и здравствует, но и достигает максимума своей вирулентности.

_

⁹⁷ В оригинале impresismo от impresa – предприятие, бизнес, компания.

Глава XVII Утопия, наука, действие

Единство теории, организации и действия в революционном пролетарском движении

Революционное пролетарское движение обладает позитивной теорией общественного развития и условий коммунистической революции. Поддержание правильной линии зависит от непрерывности, последовательности и четкой ориентации направленности действий.

Этим движением может руководить только организация, которая состоит из меньшинства борющегося класса.

од выражениями (научного) социализма и (критического) коммунизма обычно понимают весь комплекс, образованный интерпретацией человеческих социальных фактов, ожиданием и утверждением, что будущий процесс будет иметь определенные черты, борьбой рабочего класса на этом маршруте и методами этой борьбы.

Во всем этом есть неявное утверждение, что руководящие принципы будущего развития могут быть определены в общих чертах, и в то же время необходима мобилизация сил для содействия и ускорения этого развития.

Все эти черты красноречиво обнаруживаются в марксизме настолько, что с момента его первого выражения даже несогласные вынуждены постоянно считаться с ним. Тем не менее эти черты появляются во всех предыдущих «системах», пусть и не в органической форме.

Оставляя в стороне ненужные вопросы, такие как взгляд на общие иллюзии теоретиков, авторов, пропагандистов и активистов партий всех тенденций о том, что стоит влиять на социальные события, изучать их развитие и бороться за них, мы отметим, что любое проявление ожидания будущего, любая борьба за «изменение вещей» предполагает определенный опыт и знание о прошлых и настоящих ситуациях и что, с другой стороны, каждое исследование и описание прошлого и нынешних фактов всегда проводилось для достижения определенным образом правдоподобных прогнозов и практических инноваций. Мы должны ограничиться примечанием, что это было верно для всех реальных

движений, без упражнений в задачах финализма и механизма заранее (т. е. метафизически и напрасно).

Организации, люди и группы, равнодушные к знанию «куда мы идем» или к стремлению изменить направление движения, всегда были столь же слабы перед соблазном холодных когнитивных и описательных исследований, фиксирующих результаты, не заботясь ни о чем и считая бесполезными даже архивы. Если бы можно было фотографировать реальность и мир, то тогда следовало бы остановиться на первой фотографии; когда мы делаем серию фотографий, это означает, что мы ищем правила соответствий и несоответствий среди отпечатанных снимков, и этот поиск является способом предсказать, каким будет следующий снимок, прежде чем он будет сделан.

Человеческие группы начинали с попыток узнать будущее еще до создания примитивных систем познаний о природе и истории прошлых событий. Первая система - это наследственная традиция представлений о защите от препятствий, опасностей, катаклизмов; она появляется только после записи, пусть в зачаточном состоянии, современных и прошлых фактов и данных. Хроника родилась после прагматики. Даже животный инстинкт, который сводится к первоначальной форме количественно слабых знаний, регулирует поведение как функцию будущих событий, которых следует избегать или которых более благожелательны. Специалист по предмету дает это прекрасное определение: «инстинкт - это наследуемое знание конкретного плана жизни» Каждый, кто формирует и управляет планом, работает над данными будущего. Еще лучше, если мы примем прилагательное «конкретный» как относящийся к «виду» или «роду», то есть не просто определенный план, а «план вида».

Рассматривая весь цикл, мы заключаем, что коммунизм - «знание плана жизни вида». То есть человеческого вида.

С точки зрения утопии, коммунизм хотел разработать будущее, забывая или пренебрегая прошлым и настоящим. Марксизм дал наиболее полную и окончательную критику утопии, которая определялась как план или мечта автора или просвещенной секты, словно говорящей: с нашим приходом проблема будет решена, мы со своим планом могли появиться и тысячу лет назад.

Согласно марксизму, все системы мышления и идей, религиозные или философские, являются не продуктом отдельного мозга, а выражением, каким бы бесформенным оно ни было, данных знаний определенной социальной эпохи, упорядоченных для определения соответствующих правил поведения. Они не причина, а продукт общего исторического движения. В своей последовательности они могут оказаться устаревшими, поскольку их

-

⁹⁸ Морис Томас, «Инстинкт, научная реальность» 1957.

формулировка отражает старые условия, а в других предвосхищающих случаях они выражают будущее, поскольку они являются результатом разложения этих старых форм и их противоречий. Таким образом, в эпоху рабовладения, требование к законам и обычаям, что человек не должен быть собственностью другого человека, принял таинственную форму равенства душ перед одним богом. Но это происходит не из-за того, что бог решил явить себя, а из-за разложения и нецелесообразности рабовладельческого производства: позднее христиане поработили черных, когда вновь выдались подходящие условия - много свободной земли для малого числа жителей — во время новых географических открытий.

Однако тезисы о единстве бога и бессмертии души не написаны случайным образом, а в иной форме говорят о том, что неизбежны времена, когда каждый рабочий будет свободен как личность. Для верующих, идеологов, юристов - это вопрос завоевания <u>человеческой личности</u>, для нас - вопрос завоевания своевременного, нового и более эффективного «плана жизни вида».

Следовательно, марксизм, отдавая дань уважения утопизму XVIII-го века, который, в свою очередь, грубо выражает зрелость социальных условий, демонстрирует свою слабость в неспособности связать конец экономики частной собственности, при том не только в отношениях человека к человеку, но в отношениях человека к человеческому труду, с полным развитием данной социальной формы, капитализма.

Утопизм - это ожидание будущего; научный коммунизм возвращает его к познанию прошлого и настоящего только потому, что недостаточно произвольного и романтического предвидения будущего и необходимо научное предвидение; этот конкретный прогноз, который стал возможен благодаря полному созреванию капиталистической формы производства и который тесно связан с характеристиками этой формы, ее развитием и особых возникающих в ней антагонизмов.

В то время как в старых доктринах миф и тайна выражали описание прошлых и современных событий, современная буржуазно-классовая философия хвастается (с еще меньшей решимостью), что устранила эти фантастические элементы в науке о человеке. Факты, зафиксированные до сегодняшнего дня, в новой пролетарской доктрине строят линию науки будущего, совершенно свободную от любого произвольного или страстного элемента.

Если общее знание о природе и истории хотя бы частично, но возможно, то оно подразумевает изучение будущего, от которого неотделимо; любая серьезная полемика против марксизма неизбежно основана только на отрицании человеческих знаний и науки.

Здесь мы не можем углубиться во все стороны этого вопроса, чтобы составить полную картину, речь о том, чтобы устранить искажения, которые претендуют на признание марксизма несравнимым оригинальным анализом истории человечества и нынешней капиталистической социальной структуры, но затем остывают и переходят к скептическим, агностическим и гибким позициям относительно точной траектории революционного будущего и возможности его познания и прослеживания его сути, как только пролетарский класс эффективно появится на социальной сцене среди действующих масс.

Разделавшись с Пророками, нам остается так же поступить с Героями, которых старые концепции истории поднимали на пьедестал, как в форме военачальников, так и законодателей и лидеров народов и государств. Нечего и говорить, что марксистская критика тщательно анализирует всякую провидческую систему и все дела завоевателей и политических новаторов как выражения или результаты, отражающие глубокие последствия «планов жизни», следующих друг за другом, стареющих и навязывающих себя.

Таким образом, новая доктрина не может быть связана с системой скрижалей или текстов, существовавших до начала битвы; точно так же, как не может основываться на успехе лидера или боевого авангарда, одаренного волей и силой. Предсказывать будущее или желать реализовать его - это неадекватная позиция для коммунистов. Все это заменяется историей классовой борьбы, рассматриваемой как единый курс, в котором каждый случайный момент является только одной конкретной особенностью в ожидании другого момента. Данные будущего курса столь же фундаментальны и незаменимы, как и данные прошедшего курса. Более того, ошибки и отклонения одинаково возможны как в оценке предыдущего движения, так и в оценке будущего движения: и вся полемика партий и внутри партии доказывает это.

Следовательно, проблема практики партии состоит не в том, чтобы знать будущее, чего было бы мало, или чтобы хотеть его, чего было бы слишком много, а в том, чтобы «поддерживать линию будущего своего класса».

Ясно, что если движение не умеет изучать, анализировать и распознавать эту линию, то оно также не сможет ее поддерживать. Не менее ясно, что, если движение не знает, как отличить волю укоренившихся и вражеских классов от воли своего класса, то игра также будет проиграна, а линия упущена. Коммунистическое движение - это не вопрос чистой доктрины и не вопрос чистой воли, однако искажения в учении парализует его, как и недостаток воли. А это означает поглощение чужой доктриной и чужой волей.

Те, кто высмеивает возможность проследить великую историческую траекторию, когда находясь только на полпути (аналогично тому, как некто, спустившись по реке от истока до середины, начал бы рисовать на карте, как она впадает в океан, ведь индукция не чужда науке географической физики), склонны

исключать любую возможность влияния отдельных лиц и групп на историю или наоборот преувеличивать её, по крайней мере, в относительно ближайшего будущего.

Мы находим преднамеренные ошибки в двух великих ревизионистских отклонениях конца XIX-го и начала XX-го века. Реформизм, претендующий на сохранение классической доктрины как исследования истории и экономики, отверг план будущего курса, назвав его иллюзией, и опустился до частичных и краткосрочных целей, обновляющихся время от времени. Его девиз был: «цель ничто, движение — всё». Это означало: «принципы - ничто, движение - всё». В этой ориентации возникает путаница между непосредственной целью рабочего класса, его руководства и вождей: оба последних могут оказаться врагами общей классовой цели. Здесь и прячется оппортунизм. Другая школа, синдикализм, отвергла детерминизм, по своему мнению синдикализм принимает доктрину экономической классовой борьбы и насильственные средства, но политическую борьбу, что исключает его из борьбы за общий классовый путь. Реформизм синдикализм сошлись социально-патриотическом перерождении.

Довольно параллельным вырождением является Третий Интернационал и российская партия во второй четверти этого столетия; отказ от общей классовой цели и стремление к немедленным локальным результатам, меняющимся от фазы к фазе.

Вопрос о коммунистических действиях, стратегии, тактике или практике ничем не отличается, заключается в сохранении классовой линии будущего, и становится актуален, как только класс пролетариата появляется на социальной сцене. Бесспорно, что в разное время и разных странах есть отличающиеся друг от друга решения, но в решениях должны быть последовательность и принцип, отказ от которых ведет к отклонению движения. В этом свете вопросы организации и дисциплины вытекают за пределы конституционализма юридических формул, связывая основу, кадры и центр и требуя от руководящего центра следованию «принципу» действий, без которого не выстоит ни одна партия и тем более революционная партия.

Никто не спорит с тем, что в странах, где буржуазии все еще предстоит свергнуть феодальную власть, пролетариат не может не присоединиться к этой борьбе. Марксистская Левая требовала, чтобы в странах с уже утвердившейся властью капиталистов запрет на союзы с фракциями буржуазии был взят за правило и принцип. Во времена Ленина пролетарская критика и политика были искусственно отождествлены с новыми партии, которые называли себя рабочими, но отказывались от постулатов о насильственных действиях и диктатуре пролетариата.

Левые Третьего Интернационала вынуждены были бороться с новой формой постепенщины и поссибилизма, в виде единого фронта с социал-демократическими партиями, и оказались побеждены организационно; но они победили в области теории, предвидев, что данный метод приведет к коллаборации с капиталистическими и империалистическими партиями, классами, государствами и, наконец, к уничтожению революционного движения.

Этого достаточно для доказательства, что революционная партия и Интернационал беспрекословно должны иметь жесткую систему практических правил, которые нельзя нарушать центрам (и так называемые лидерам) под предлогом новых и непредвиденных ситуаций. Либо это создание правил из набора прогнозов, основанных на историческом развитии, возможно, и тогда Левая была права; или это невозможно, но тогда не права не только марксистская Левая, но и сам марксистский метод, который бы в этом случае устарел, поскольку был сведен к фиксации социальной метеорологии и к поэтапной и повседневной защите случайных интересов категорий рабочих мест, не претендуя на отличия от любой другой политической партии, действующей сегодня в любой стране.

Гарантию против разрушительных и повторяющихся <u>провалов</u> движения никогда нельзя было найти где-либо, кроме как в историческом доказательстве, что движение может возродиться, вооружившись не только подтвержденной марксистской и детерминистской теорией, но и совокупностью норм действия, основанных на многовековом, накопленном опыте и прежде всего на сверхполезных уроках неудач и поражений, на умении избежать трудностей импровизированных маневров, проворства, политических хитростей лидеров, которые в случае необходимости неизбежно заменяются и отбрасываются как индивиды, как только начинают колебаться и впадать в эту дегенеративную практику.

В других текстах было показано, что всякий статутный или нормативный ресурс для определения, кто верен основной исторической <u>линии</u>, является лишь иллюзией до тех пор, пока не станет возможным призвать все последовательные исторические поколения класса - мертвые, живые и нерожденные - к высшему лицемерию консультаций, изысканной буржуазной форме!

Мы ставим в основу нашей теории прошлого, настоящего и будущего Манифест 1848 года, «Капитал», критические труды Маркса и Энгельса, в особенности те, которые касаются важности борьбы за власть и Парижской коммуны, антиревизионистское возрождение в работах Ленина и большевиков во время Первой мировой войны.

Что касается тактической практики, то мы можем твердо полагаться на Манифест, понимая, что многие капиталистические революции еще предстоит завершить, и что в то время ни одна партия не называлась рабочей, если не стояла на фундаменте антибуржуазной вооруженной борьбы. Спустя столетие родились

рабочие партии не только с конституционными, но и с антиреволюционными программами — и это не новый исторический факт, а подтверждение серии предвидений, которые были <u>основаны</u> на Манифесте.

Следует привести лишь два отрывка из Манифеста:

Коммунисты «борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения».

Любое существующее движение является для детерминистов неотрицаемым фактом. Но коммунисты являются единственными, кто *«отстаивает будущность движения* », то есть классовую борьбу класса, и борьбу за отмену классов.

«Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя».

Два условия позволяют распознать <u>революционные</u> движения: они применяют насилие и нарушают легальность; они меняют отношения власти между классами.

«Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму».

В марксистских текстах вопрос о собственности равносилен вопросу об экономике, вопросу о классе: формы собственности эквивалентны производственным отношениям.

Поэтому капиталистическая революция в Германии в 1848 году и в России в 1917 году интересовала коммунистов по двум причинам: во-первых, чтобы она могла тут же вызвать пролетарскую революцию в Европе; во-вторых, даже в том случае, если бы движение застряло на этапе буржуазной революции, оно бы перевернуло основу феодальных производственных отношений и вызвало непреодолимый рост современных форм капиталистического и товарного производства и обмена вместо феодальной летаргии.

В 1848, в 1917 или 1952 году существование партии, устойчивой в доктрине, организации и тактике, является единственной гарантией того, что мы не спутаем эти два мотива, причины или цели, наделенные полной исторической реальностью, с третьим утверждением, фиктивным и губительным, заявляющим, что изначально и до конкретной классовой борьбы, сталкивающей их, буржуа и пролетарии разделяют определенное общее поле теории и действия согласно постулатам так называемой человеческой цивилизации, таким как различные либеральные, эгалитарные, пацифистские и патриотические идеологизмы.

Каждый раз движение, не сумевшее понять диалектику исторических позиций, тонуло в этом болоте.

Мы рассматривали тему «Собственность и капитал» так, что совершенно очевидно, что в сегодняшнюю эпоху, после свержения феодализма не только в Германии, России и Японии, но также в Китае и Индии, остается только один всемирно-исторический вопрос о собственности, и это вопрос о капитале, о смерти капитала, история которой должна быть написана заранее.

Чтобы отследить этот курс, необходима возрожденная совместная работа теории и действия, исторической и экономической науки и политической программы, для достижения конечной цели движения во времени и пространстве.

Что является решающим в ложном коммунизме и российском государстве, так это не изучение очевидной экономической ситуации, закрытой за железным занавесом, и соответствующих социальных отношениях, но исследование и простая констатация политических действий этой партии и этого государства.

В данных <u>пределах</u> пространства и времени тезис о победоносной партии, осуществляющей диктатуру рабочих и занимающейся преобразованием форм феодальной собственности в капиталистические формы, не является абсурдным с марксистской точки зрения. Но партия НЕ скрывала этого, она провозгласила свои истинные цели, как это предсказано Манифестом: продвижение революции в классические капиталистические страны, при удерживании власти и оружия в своих руках, и только затем запуск социальной трансформации.

Против применения этой гипотезы к сегодняшней России выступает вырождение тактики с 1923 года, политика союзов с государствами и партиями, представляющими буржуазные формы производства на уровнях внутренней и интернациональной политики и на военном уровне во время Второй мировой войны. Большего знать не надо, и в качестве доказательства этого диагноза достаточно лишь увидеть в рядах рабочих постыдную вездесущую пропаганду социального и конституционного пацифизма в буржуазных странах и эмуляция и международный пацифизм.

Нельзя отрицать важность ситуации, когда империалистическая война — основанная не только на двух основных враждующих группах <u>открыто</u> капиталистических государств, как было в 1914 году — собирает в одном лагере все открытые капиталистические государства, а в другом - единственное или почти единственное «криптокапиталистическое» государство, наследник пролетарской революции. Действительно, такая ситуация повлекла бы за собой «разоблачение» во внутренней политике всех вражеских государств всех тактик разрядки и социального коллаборационизма и даже использование самозваными коммунистическими силами средств саботажа и гражданской войны.

Уверенность в том, что даже в этом предполагаемом случае это будет контрреволюционная политика, то есть противоречащая общей цели пролетарского коммунизма, не проистекает из запутанных экономических и

социальных <u>химических реакций</u>, а твердо лежит в установленных переломах и инверсиях исторической линии и осуждении обмана, с которым исторически связаны те, кто представляет революционную политику, направленную на <u>иллюзорное</u> восстановление демократии против мирового фашизма и рисующую в качестве коммунистического общества банальный промышленный меркантилизм, который, тем не менее, зажег сердце Азии, спавшей в течение тысячелетий.

Фаза мира и мирового рынка без железного занавеса или фаза Третьей мировой войны подвергнут марксизм проверке. Если он пройдет и станет сильнее, то только благодаря пониманию того, что на давно отмеченном великом историческом пути обязательно будут опасные и ужасные замедления, пугающие препятствия (подобно тому, как путь Колумба на Восток был диалектическим поворотом на Запад), но мы должны придерживаться того же направления, что и в тот день, когда подняли якорь, с ослепительной уверенностью, брошенной в лицо вражеского мира.